

**ВЛАДИМИР
КЛАВДИЕВИЧ
АРСЕНЬЕВ**

ДЕРСУ УЗАЛА

Владимир Клавдиевич Арсеньев
Дерсу Узала
Серия «В дебрях
Уссурийского края», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=596195

Арсеньев В. К. Дерсу Узала: повести: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-43902-7

Аннотация

«Каждый раз, когда я оглядываюсь назад и вспоминаю прошлое, передо мной встает фигура верхнеуссурийского гольда Дерсу Узала, ныне покойного. Сердце мое надрывается от тоски, как только я вспоминаю его и нашу совместную странническую жизнь...

Трудно перечислить все те услуги, которые этот человек оказал мне и моим спутникам. Не раз, рискуя своей жизнью, он смело бросался на выручку погибающему, и многие обязаны ему жизнью, в том числе и я лично».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	31
Глава 4	49
Глава 5	67
Глава 6	88
Глава 7	102
Глава 8	120
Глава 9	135
Глава 10	148
Глава 11	158
Глава 12	180
Глава 13	200
Глава 14	213
Глава 15	226
Глава 16	239
Глава 17	257
Глава 18	279
Глава 19	295
Глава 20	312
Глава 21	328
Глава 22	342
Глава 23	357

Глава 24	369
Примечания к повести «Дерсу Узала»	380
К главе 3	380
К главе 4	382
К главе 12	384
К главе 16	386
К главе 17	388
К главе 18	389
К главе 19	391
К главе 20	393
К главе 21	394
К главе 22	395
К главе 23	396

Владимир Арсеньев

Дерсу Узала

Глава 1

Отъезд

План экспедиции. – Мулы. – Конское снаряжение. – Инвентарь. – Питательные базы. – Прибытие Дерсу. – Помощь, оказанная моряками. – Залив Петра Великого. – Остров Аскольд. Залив Преображения. – Плавание на миноносцах. – Прибытие в залив Ольги. – Высадка на берег. – Горбуша.

С января до апреля 1907 года я был занят составлением отчетов за прошлую экспедицию и только в половине мая мог начать сборы в новое путешествие. В этих сборах есть всегда много прелести. Общий план экспедиции был давно уже предрешен, оставалось только разработать детали.

Теперь обследованию подлежала центральная часть Сихотэ-Алиня, между 45 и 47° с. ш., побережье моря от того места, где были закончены работы в прошлом году, значит, от бухты Терней к северу, сколько позволит время, и затем маршрут по Бикину до реки Уссури.

Организация экспедиции 1907 года в общих чертах была

такая же, как и в 1906 году. Изменения были сделаны только по некоторым пунктам на основании прошлогоднего опыта.

Новый отряд состоял из девяти стрелков¹, ботаника НА Десулави, студента Киевского университета П.П. Бордакова и моего помощника А.И. Мерзлякова. В качестве вольнонаемного препаратора пошел брат последнего Г.И. Мерзляков. Лошади на этот раз были заменены мулами. Обладая более твердым шагом, они хорошо ходят в горах и невзыскательны к корму, но зато вязнут в болотах. В отряде остались те же собаки – Леший и Альпа.

В конском снаряжении пришлось сделать некоторые изменения. Из опыта выяснилось, что путы – вещь малопригодная. Они цепляются за пни, кусты и сильно стесняют движение коней, иногда совершенно привязывая их к месту. Лошади часто их рвут и теряют, в особенности в сырую и дождливую погоду. Вместо пут мы купили канат для коновязи, недоуздки в двойном числе и колокольчики.

В хозяйственной части тоже пришлось кое-что изменить. Например, мы совершенно отказались от медных чайников. Они тяжелы, требуют постоянной полуды, у них часто отпаваются носки. Несравненно лучше простые алюминиевые котелки разного диаметра. Они прочны, дешевы, легки и при переноске вкладываются один в другой. Для ловли рыбы в

---

¹ Сагид Сабитов, Степан Аринин, Иван Туртыгин, Иван Фокин, Василий Захаров, Эдуард Калинковский, Василий Легейда, Дмитрий Дьяков и Степан Казимирчук.

реках мы захватили с собой маленький бредень.

Самое важное в походе – уметь предохранить спички от сырости. Сплошь и рядом случается вымокнуть до последней нитки. В таких случаях никакая обертка из кожи или резины не помогает. Во время ненастья спички не загораются даже тогда, когда они не были подмочены. Самое лучшее средство – укупорить спички в деревянную коробку с хорошо пригнанной крышкой. От сырости дерево разбухает, и крышка еще плотнее прижимается к краям коробки. Этот неприкосновенный запас спичек я хранил в своей сумке. Стрелкам для табака были куплены резиновые кисеты с затяжными завязками. Кроме того, на всякий случай мы захватили с собой целлулоид, кремь, огниво, трут и жженую тряпку.

Инструменты и приборы были те же, что и в прошлом году. Только прибавился плотничный инструмент: бурав диаметром 8 миллиметров, рубанок, долото, напильник и поперечная пила с разводкой. Фотографические пластинки для предохранения от сырости были запаяны в цинковые коробки – в каждой по дюжине. Не были забыты и подарки для туземных женщин и детей в виде бус, пуговиц, гаруса, шелковых ниток, иголок, зеркал, перочинных ножигов, серег, колец, разных брелоков, цепочек, стекляруса и т.д. Самыми ценными подарками для мужчин были топоры, пилы, берданки кавалерийского образца и огнеприпасы.

За месяц вперед А.И. Мерзляков был командирован в го-

род Владивосток покупать мулов для экспедиции. Важно было приобрести животных некованных, с крепкими копытами. А.И. Мерзлякову поручено было отправить мулов на пароходе в залив Рында, где и оставить их под присмотром трех стрелков, а самому ехать дальше и устроить на побережье моря питательные базы. Таких баз намечено было пять: в заливе Джигит, в бухте Терней, на реках Текаме, Амагу и Кумуху, у мыса Кузнецова.

В апреле все было закончено, и А.И. Мерзляков выехал во Владивосток. Надо было еще исполнить некоторые предварительные работы, и потому я остался в Хабаровске еще недели на две.

Я воспользовался этой задержкой и послал Захарова в Анучино искать Дерсу. Он должен был вернуться к Уссурийской железной дороге и ждать моих распоряжений.

От села Осиновки Захаров поехал на почтовых лошадях, заглядывая в каждую фанзу и расспрашивая встречных, не видел ли кто-нибудь старика гольда из рода Узала. Немного не доезжая урочища Анучино, в фанзочке на краю дороги он застал какого-то гольда-охотника, который увязывал котомку и разговаривал сам с собою. На вопрос, не знает ли он гольда Дерсу Узала, охотник отвечал:

– Это моя.

Тогда Захаров объяснил ему, зачем он приехал. Дерсу тотчас стал собираться. Переночевали они в Анучине и наутро отправились обратно. 13 июня я закончил свои работы и рас-

прощался с Хабаровском. На станции Ипполитовка Захаров и Дерсу прожили четверо суток, затем по моей телеграмме вышли к поезду и сели в наш вагон.

Я очень обрадовался приезду Дерсу. Целый день мы провели с ним в разговорах. Гольд рассказывал мне о том, как в верховьях реки Санда-Ваку зимой он поймал двух соболей, которых выменял у китайцев на одеяло, топор, котелок и чайник, а на оставшиеся деньги купил китайской дрели, из которой сшил себе новую палатку. Патроны он купил у русских охотников; удэгейские женщины сшили ему обувь, штаны и куртку. Когда снега начали таять, он перешел в урочище Анучино и здесь жил у знакомого старика гольда. Видя, что я долго не являюсь, он занялся охотой и убил пантача-оленя, рога которого оставил в кредит у китайцев.

Между прочим, в Анучине его обокрали. Там он познакомился с каким-то промышленником и по своей наивной простоте рассказал ему о том, что соболевал зимою на реке Ваку и выгодно продал соболей. Промышленник предложил ему зайти в кабак и выпить вина. Дерсу охотно согласился. Почувствовав в голове хмель, гольд отдал своему новому приятелю на хранение все деньги. На другой день, когда Дерсу проснулся, промышленник исчез. Дерсу никак не мог этого понять. Люди его племени всегда отдавали друг другу на хранение меха и деньги, и никогда ничего не пропадало².

---

² Мой спутник П.П. Бордаков, пробывший в отряде два месяца, описал наше путешествие в журнале «Южная Россия» за 1914 год. Статья «На побережье

В то время постоянного пароходного сообщения по побережью Японского моря не существовало. Переселенческое управление первый раз, в виде опыта, зафрахтовало пароход «Эльдорадо», который ходил только до залива Джигит. Определенных рейсов еще не было, и сама администрация не знала, когда вернется пароход и когда он снова отправится в плавание.

Нам не повезло. Мы приехали во Владивосток два дня спустя после ухода «Эльдорадо». Меня выручили П.Г. Тигерстедт и А.Н. Пель, предложив отправиться с ними на миноносцах. Они должны были идти к Шантарским островам и по пути обещали доставить меня и моих спутников в залив Джигит³.

Миноносцы уходили в плавание только во второй половине июня. Пришлось с этим мириться. Во-первых, потому, что не было другого случая добраться до залива Джигит, а во-вторых, проезд по морю на военных судах позволял мне сэкономить значительную сумму денег. Кроме того, потеря времени во Владивостоке наполовину окупалась скоростью хода миноносцев.

22 июня, после полудня, мы перебрались на суда. Вечером в каюте беседы наши с моряками затянулись далеко за пол-

---

Японского моря» написана весьма живо и правдиво. У П.П. Бордакова вкралась маленькая ошибка: случай с кражей денег у Дерсу был не в Хабаровске, а в Анучине.

³ Отряд состоял из 5 миноносцев: «Грозный», «Гремящий», «Стерегущий», «Бесшумный» и «Бойкий».

ночь. Я рассчитывал хорошо уснуть, но не удалось. Задолго до рассвета поднялся сильный шум – снимались с якоря. Я оделся и вышел на палубу. Занималась заря; от воды поднимался густой туман; было холодно и сыро. Чтобы не мешать матросам, я спустился обратно в каюту, достал из чемодана тетради и начал свой дневник. Вскоре легкая качка известила о том, что мы вышли в открытое море. Шум на палубе стал стихать.

На морской карте Лаперуза 1787 года залив Петра Великого называется заливом Виктории. Посредством Альбертова полуострова (ныне называемого полуостровом Муравьева-Амурского) и Евгениева архипелага (острова Русский, Шкота, Попова, Рейнеке и Рикорд) он делится на две части: залив Наполеона (Уссурийский залив) и бухту Герин (Амурский залив)⁴.

Часов около десяти с половиной миноносцы были на траверсе острова Аскольда, называемого китайцами Циндао, что значит «Зеленый остров» (42° 47' с.ш. 160° 2' в.д. от острова Ферро, знак на мысе Северозападном).

Этот какими-то силами оторванный от материка кусок суши с высокими скалистыми берегами имеет форму подковы, обращенной открытой стороной к югу. Продолжением его по направлению к матерiku будет остров Путятин и мыс Майдль. Ныне Аскольд известен как естественный питомник пятнистых оленей.

---

⁴ А. Мичи. Путешествие по Восточной Сибири. 1868, с. 350.

Лет пятнадцать назад здесь было до четырех тысяч оленей. Вследствие браконьерства, глубоких снегов и ухудшения подножного корма животные стали быстро сокращаться в числе, и теперь на всем острове их насчитывается не более 150 голов. Выбирая только кормовые травы, олени тем самым способствовали распространению по острову растений, негодных для корма. Полная изоляция и кровосмешение уменьшили плодовитость до минимума. Олени вымрут, если к ним не будет влита новая кровь с материка. Владивостокское общество любителей охоты, которому принадлежал тогда остров, мало думало об этом, и в настоящее время Аскольдский питомник на краю гибели. Другой достопримечательностью острова будет золотой прииск. Разработка производится раздроблением рудной породы и затем извлечением из нее золота при помощи амальгамирования ртутью.

В открытом море нам встретились киты-полосатики и косатки. Киты плыли медленно в раз взятом направлении, мало обращая внимания на миноносцы, но косатки погнались за судами и, когда поравнялись с нами, начали выскакивать из воды. Стрелок Загурский стрелял; два раза он промахнулся, а в третий раз попал. На воде появилось большое кровавое пятно. После этого все косатки сразу исчезли.

К сумеркам мы дошли до залива Америка и здесь заночевали, а на другой день отправились дальше. После полудня 27 июня мы обогнули мыс Поворотный и взяли курс на NO (норд-ост). В четыре часа дня погода начала портиться,

с востока стал надвигаться туман, и, хотя ветра еще не было, море сильно волновалось. Это объясняется тем, что волны часто обгоняют ветер. Миноносцы шли осторожно, ощупью, соразмеряя свой ход с показаниями лага. Надо удивляться, как в темноте и в таком тумане моряки разыскали залив Преображения и через узкий проход прошли в бухту ($45^{\circ} 54'$ с. ш. и $151^{\circ} 34'$ в. д.).

Ночью поднялся сильный ветер, и море разбушевалось. Утром, несмотря на непогоду, миноносцы снялись с якоря и пошли дальше. Я не мог сидеть в каюте и вышел на палубу. Следом за «Грозным» шли другие миноносцы в кильватерной колонне. Ближайший к нам был миноносец «Бесшумный». Он то спускался в глубокие промежутки между волнами, то вновь взбегал на волны, увенчанные белыми гребнями. Когда пенистая волна накрывала легкое суденышко с носа, казалось, что вот-вот море поглотит его совсем, но вода скатывалась с палубы, миноносец всплывал на поверхность и упрямо шел вперед.

Когда мы вошли в залив Ольги, было уже темно. Решив провести ночь на суше, мы съехали на берег и развели костер.

Дерсу, против ожидания, легко перенес морскую качку. Он и миноносец считал живым существом.

– Моя хорошо понимай – его, – он указывал на миноносец «Грозный», – сегодня шибко сердился.

Мы уселись у костра и стали разговаривать. Наступила

ночь. Туман, лежавший доселе на поверхности воды, поднялся кверху и превратился в тучи. Раза два принимался накрапывать дождь. Вокруг нашего костра было темно – ничего не видно. Слышно было, как ветер трепал кусты и деревья, как неистовствовало море и лаяли в селении собаки.

Наконец стало светать. Вспыхнувшую было на востоке зарю тотчас опять заволокло тучами. Теперь уже все было видно: тропу, кусты, камни, берег залива, чью-то опрокинутую вверх дном лодку. Под нею спал китаец. Я разбудил его и попросил подвезти нас к миноносцу. На судах еще кое-где горели огни. У трапа меня встретил вахтенный начальник. Я извинился за беспокойство, затем пошел к себе в каюту, разделся и лег в постель.

За ночь море немного успокоилось, ветер стих, и туман начал рассеиваться. Наконец выглянуло солнце и осветило угрюмые скалистые берега.

30-го числа вечером миноносцы дошли до залива Джигит. П.Г. Тигерстедт предложил мне переночевать на судне, а завтра с рассветом начать выгрузку. Всю ночь качался миноносец на мертвой зыби. Качка была бортовая, и я с нетерпением ждал рассвета. С каким удовольствием мы все сошли на твердую землю! Когда миноносцы стали сниматься с якоря, моряки помахали нам платками, мы ответили им фуражками. В рупор ветром донесло: «Желаем успеха!» Через 10 минут миноносцы скрылись из виду.

Местом высадки был назначен залив Джигит, а не бухта

Терней на том основании, что там из-за постоянного прибоа нельзя выгружать мулов.

Как только ушли миноносцы, мы стали ставить палатки и собирать дрова. В это время кто-то из людей пошел за водой. Он вернулся и сообщил, что в устье реки бьется много рыбы. Стрелки закинули неводок и поймали столько рыбы, что не могли вытащить сеть на берег. Пойманная рыба оказалась горбушей. Вместе с нею попали еще две небольшие рыбки: огуречник – род корюшки с темными пятнами по бокам и на спине (это было очень странно, потому что идет она вдоль берега моря и никогда не заходит в реки) и колюшка – обитательница заводей и слепых рукавов, вероятно снесенная к устью быстрым течением реки.

Горбуша не имела еще того безобразного вида, который она приобретает впоследствии, хотя челюсти ее и начали уже немного загибаться и на спине появился небольшой горб. Я распорядился взять только несколько рыб, а остальных пустить обратно в воду. Все с жадностью набросились на горбушу, но она скоро приелась, и потом уже никто не обращал на нее внимания.

После полудня мы с Н.А. Десулави пошли осматривать окрестности. Он собирал растения, а я охотился.

Глава 2

Пребывание в заливе

Залив Рында. – Вечные переселенцы. – Приспособляемость к местным условиям жизни. – Взгляд на туземцев. – Первобытный коммунизм. – Таинственные следы. – Люди, скрывающиеся в тайге. – Золотая лихорадка. – Экспедиция к заливу. – Пластун. – Туман. – Потерянный трофей. – Бессонная ночь. – Случайная находка. – Стрельба по утке. – Состязание. Выстрелы гольда. – Дерсу успокаивает подвыпивших стрелков. – «Сказка о рыбаке и рыбке». – Мнение гольда.

Залив Рында находится под $44^{\circ} 41'$ с. ш. и $136^{\circ} 31'$ в. д. от Гринвича и состоит из двух заливов: северного, именуемого Джигитом, и южного – Пластун. Оба они открыты со стороны моря и потому во время непогоды не всегда дают судам защиту. Наибольшая глубина их равна 25–28 м. Горный хребет, разделяющий оба упомянутых залива, состоит из кварцевого порфира и порфирита с включением вулканического стекла. Чем ближе к морю, тем горы становятся ниже и на самом берегу представляются холмами высотой от 400 до 580 м.

На прибрежных лугах, около кустарников, Н.А. Десула-

ви обратил мое внимание на следующие растения, особенно часто встречающиеся в этих местах: астру с удлиненными ромбовидными и зазубренными листьями, имеющую цветы фиолетово-желтые с белым хохолком величиной с копейку, расположенные красивой метелкой; особый вид астрагала, корни которого в массе добывают китайцы для лекарственных целей, – это крупное многолетнее растение имеет ветвистый стебель, мелкие листья и многочисленные мелкие бледно-желтые цветы; крупную живокость с синими цветами, у которой вся верхняя часть покрыта нежным пушком; волосистый журавельник с грубыми, глубоко надрезанными листьями и нежными малиновыми цветами; темно-пурпуровую кровохлебку с ее оригинальными перистыми листьями; крупнолистную горечавку – растение с толстым корнем и толстым стеблем и с синеваато-фиолетовыми цветами, прикрытыми длинными листьями, и, наконец, из числа сложноцветных – соссюрею Максимовича, имеющую высокий стебель, зазубренные лировидные листья и фиолетовые цветы.

Из пернатых в этот день мы видели сокола-сапсана. Он сидел на сухом дереве на берегу реки и, казалось, дремал, но вдруг завидел какую-то птицу и погнался за нею. В другом месте две вороны преследовали сорокопуга. Последний прятался от них в кусты, но вороны облетели куст с другой стороны, прыгали с ветки на ветку и старались всячески поймать маленького разбойника.

Тут же было несколько овсянок: маленькие рыженькие

птички были сильно встревожены криками сорокопута и карканьем ворон и поминутно то садились на ветки деревьев, то опускались на землю.

В окрестностях залива Рында есть пятнистые олени. Они держатся на полуострове Егорова, окаймляющем залив с северо-востока. Раньше их здесь было гораздо больше. В 1904 году выпали глубокие снега, и тогда много оленей погибло от голода.

Дня через три (7 июля) пришел пароход «Эльдорадо», но ни А.И. Мерзлякова, ни мулов на нем не было. Приходилось, значит, ждать другой оказии. На этом пароходе в Джигит приехали две семьи староверов. Они выгрузились около наших палаток и заночевали на берегу. Вечером я подошел к огню и увидел старика, беседующего с Дерсу. Удивило меня то обстоятельство, что старовер говорил с гольдом таким приятельским тоном, как будто они были давно знакомы между собой. Они вспоминали каких-то китайцев, говорили про тазов и многих называли по именам.

– Должно быть, вы раньше встречали друг друга? – спросил я старика.

– Как же, как же! – отвечал старовер. – Я давно знаю Дерсу. Он был молодым, когда мы вместе с ним ходили на охоту. Жили мы в то время на Даубихе, в деревне Петропавловке, а на охоту ходили на Улахе, бывали на Фудзине и на Ното.

И опять они принялись делиться воспоминаниями: вспомнили, как ходили за пантами, как стреляли медведей,

вспоминали какого-то китайца, которого называли Косозубым, вспоминали переселенцев, которых называли странными прозвищами – Зеленый Змий и Деревянное Ботало. Первый, по их словам, отличался злобным характером, второй – чрезмерной болтливостью. Гольд отвечал и смеялся от души. Старик угощал его медом и калачиками. Мне приятно было видеть, что Дерсу любят. Старовер пригласил меня присесть к огню, и мы разговорились.

Дерсу не дождался конца нашей беседы и ушел, а я еще долго сидел у старика и слушал его рассказы. Когда я собрался уходить, случайно разговор опять перешел на Дерсу.

– Хороший он человек, правдивый, – говорил старовер. – Одно только плохо – нехристь он, азиат, в бога не верует, а вот поди-ка, живет на земле все равно так же, как и я. Чудно, право! И что с ним только на том свете будет?

– Да то же, что со мной и с тобой, – ответил я ему.

– Оборони, Царица Небесная, – сказал старовер и перекрестился. – Я – истинный христианин по церкви апостольской, а он что? Нехристь. У него и души-то нет, а пар.

Старовер с пренебрежением плюнул и стал укладываться на ночь. Я распрощался с ним и пошел к своему биваку. У огня с солдатами сидел Дерсу. Взглянув на него, я сразу увидел, что он куда-то собирается.

– Ты куда? – спросил я его.

– На охоту, – отвечал он. – Моя хочу один козуля убей – надо староверу помогай, у него детей много. Моя считал –

шесть есть.

«Не душа, а пар», – вспомнились мне слова старовера. Хотелось мне отговорить Дерсу ходить на охоту для этого «истинного христианина по церкви апостольской», но этим я доставил бы ему только огорчение – и воздержался.

На другой день утром Дерсу возвратился очень рано. Он убил оленя и просил меня дать ему лошадь для доставки мяса на бивак. Кроме того, он сказал, что видел свежие следы такой обуви, которой нет ни у кого в нашем отряде и ни у кого из староверов. По его словам, неизвестных людей было трое. У двоих были новые сапоги, а у третьего – старые, стоптанные, с железными подковами на каблуках. Зная наблюдательность Дерсу, я нисколько не сомневался в правильности его выводов.

Часам к десяти утра Дерсу возвратился и привез с собой мясо. Он разделил его на три части. Одну часть отдал солдатам, другую – староверам, третью – китайцам соседних фанз.

Стрелки стали протестовать.

– Нельзя, – возразил Дерсу. – Наша так не могу. Надо кругом люди давай. Чего-чего одни люди кушай – грех.

Этот первобытный коммунизм всегда красной нитью проходил во всех его действиях. Трудами своей охоты он одинаково делился со всеми соседями независимо от национальности и себе оставлял ровно столько, сколько давал другим.

Через два дня я, Дерсу и Захаров переправились на другую сторону залива Джигит. Не успели мы отойти от берега и

ста шагов, как Дерсу опять нашел чьи-то следы. Они привели нас к оставленному биваку. Дерсу принялся осматривать его с большим вниманием. Он установил, что здесь ночевали русские – четыре человека, что приехали они из города и раньше никогда в тайге не бывали. Первое свое заключение он вывел из того, что на земле валялись коробки из-под папирос, банки из-под консервов, газета и корка такого хлеба, какой продается в городе. Второе он усмотрел из неумелого устройства бивака, костра и, главное, по дровам. Видно было, что ночевавшие собирали всякий рухляк, какой попадался им под руку, причем у одного из них сгорело одеяло.

С тех пор все чаще и чаще приходилось слышать о каких-то людях, скрывающихся в тайге. То видели их самих, то находили биваки, лодки, спрятанные в кустах, и т.д. Это становилось подозрительным. Если бы это были китайцы, мы усмотрели бы в них хунхузов. Но, судя по следам, это были русские.

Каждый день приносил что-нибудь новое. Наконец недостаток продовольствия принудил этих таинственных людей выйти из лесу. Некоторые из них пришли к нам на бивак с просьбой продать им сухарей. Естественно, начались расспросы, из которых выяснилось следующее.

Во Владивостоке в начале этого года разнесся слух, что в окрестностях залива Джигит находятся богатейшие золотые россыпи и даже алмазы. Масса безработных в надежде на скорое и легкое обогащение бросилась на побережье мо-

ря. Они пробирались туда на лодках, шхунах и на пароходах небольшими партиями. Высадившись где-нибудь на берег около Джигита, они пешком, с котомками за плечами тайком пробирались к воображаемому Эльдorado. Золотая лихорадка охватила всех: и старых, и молодых. И в одиночку, и по двое, и по трое, перенося всяческие лишения, усталые, обеспокоенные долгими и тщетными поисками, эти несчастные, по существу, душевно-больные люди бродили в горах в надежде найти хоть крупинку золота. Они тщательно скрывали цели своего приезда, прятались в горах и нарочно распускали самые нелепые слухи, лишь бы сбить с толку своих конкурентов. Они все перессорились между собой и начали следить друг за другом. Когда без всяких данных одна партия шла искать золото в какой-нибудь распадок, другой казалось, что именно там-то и есть алмазы. Эта другая партия старалась опередить первую, и нередко дело доходило до кровопролития. Видя, что золото не так-то легко найти и что для этого нужны опыт, время и деньги, они решили поселиться тут же, где-нибудь поблизости. Тогда они отправились во Владивосток и, получив в переселенческом управлении денежные пособия, возвратились назад в качестве переселенцев. Часть золотоискателей поселилась в бухте Терней.

В заливе Джигит нам пришлось просидеть около двух недель. Надо было дожидаться мулов во что бы то ни стало: без вьючных животных мы не могли тронуться в путь. Воспользовавшись этим временем, я занялся обследованием

ближайших окрестностей по направлению к заливу Пластун, где в прошлом году у Дерсу произошла встреча с хунхузами. Один раз я ходил на реку Кулему и один раз на север по побережью моря.

По возвращении с этих работ я занялся вычерчиванием съемок. Н.А. Десулави ботанизировал на берегу моря, а П.П. Бордаков все эти дни проводил с Дерсу. Он расспрашивал его об охоте на тигров, о религии и загробной жизни.

Два дня я просидел в палатке, не отрываясь от планшета. Наконец был нанесен последний штрих и поставлена точка. Я взял ружье и пошел на охоту за козулями.

У правого края долины Иодзыхе тянутся пологие заболоченные увалы, покрытые тощей травой, кустарниками леспедыцы и редколесьем из дуба, липы и белой березы. Между увалами вода промыла длинные овраги. Сюда я направил свои стопы. Хотя день был солнечный, но со стороны моря ветром гнало туман. Он не проникал далеко на материк и скоро рассеивался в воздухе. Это обычное явление, хорошо известное жителям прибрежного района. В то время как на берегу моря бывает пасмурно и сыро, в горах ясно, сухо и тепло. В сфере нагретого воздуха конденсация пара прекращается, и он становится невидимым для глаза. Вот почему китайцы, как бы ни была хороша земля на берегу моря, никогда здесь не селятся, а предпочитают уйти в горы.

Отойдя от бивака километра четыре, я нашел маленькую тропинку и пошел по ней к лесу. Скоро я заметил, что ветки

деревьев стали хлестать меня по лицу. Наученный опытом, я понял, что тропа эта зверовая, и, опасаясь, как бы она не завела меня куда-нибудь далеко в сторону, бросил ее и пошел целиной. Здесь я долго бродил по оврагам, но ничего не нашел.

Большая часть дня уже прошла. Приближался вечер. По мере того как становилось прохладнее, туман глубже проник на материк. словно грязная вата, он спускался с гор в долины, распространяясь шире и шире и поглощая все, с чем приходил в соприкосновение.

В это время выбежали две козули. Я быстро поднял ружье и выстрелил. Одна козуля упала, другая отбежала немного и остановилась. Я выстрелил второй раз. Она споткнулась, но тотчас оправилась и медленно пошла в кусты. Не теряя времени, я погнался за подранком, но не мог догнать его. Опасаясь потерять ту козулю, которая была уже убита, я повернул назад. Места, где лежал козел, я хорошо не запомнил и, вероятно, прошел мимо него. Тогда я принялся искать его в другом направлении, но тщетно. Кусты и деревья были донельзя похожи друг на друга. Животное пропало, точно провалилось сквозь землю. Я решил вернуться на бивак, а завтра прийти сюда с людьми и возобновить поиски. Выбрав направление, которое мне казалось правильным, я пошел вдоль оврага.

Вдруг радиус моего кругозора стал быстро сокращаться: навалился густой туман. Точно стеной, отделил он меня от

остального мира. Теперь я мог видеть только те предметы, которые находились в непосредственной близости от меня. Из тумана навстречу мне поочередно выдвигались то лежащее на земле дерево, то куст лозняка, пень, кочка или еще что-нибудь в этом роде.

В такую погоду сумерки наступают рано. Чтобы не заблудиться, я решил вернуться на тропинку. По моим соображениям, она должна была находиться слева и сзади. Прошел час, другой, а тропинка не попадалась. Тогда я переменял направление и пошел по оврагу, но он стал загибать в сторону. Ночевка в лесу без огня в прошлом году на реке Арзамасовке не послужила мне уроком: я опять не захватил с собой спичек. На выстрелы в воздух ответных сигналов не последовало. Я устал и сел отдохнуть на валежник, но тотчас почувствовал, что начинаю зябнуть. Холодная сырость принудила меня подняться и идти дальше. Должно быть, вошла луна; сквозь туман ее не было видно, но на земле стало светлее. Два часа еще я бродил наудачу. Местность была поразительно однообразна: поляны, перелески, овраги, кусты, отдельные деревья и валежник на земле – все это было так похоже друг на друга, что по этим предметам никак нельзя было ориентироваться. Наконец я окончательно выбился из сил и, подойдя к первому лежащему на земле дереву, сел на него, опершись спиной на сук, и задремал. Я сильно зяб, постоянно вскакивал и топтался на одном месте. Та к промаялся я до утра. Рядом лежало другое дерево. Оно показалось

мне незнакомым. Я подошел к нему и узнал именно то, на котором сидел первый раз.

Наконец стало светать. В воздухе разлился неясный, серовато-синий свет утра. Туман казался неподвижным и сонным; трава и кусты были мокрые. Мало-помалу начали просыпаться пернатые обитатели леса. Откуда-то появилась ворона. Она каркнула один раз и лениво полетела через поляну. За ней проснулись дятлы, лесные голуби и сизоворонки. Когда стало совсем светло, я стряхнул с себя сонливость и уверенно пошел по краю оврага. Не успел я сделать и девяти шагов от валежника, на котором дремал, как сразу наткнулся на мертвого козла.

Оказалось, что я все время кружил около него. Досадно мне стало за бессонную ночь, но тотчас это чувство сменилось радостью: я возвращался на бивак не с пустыми руками. Это невинное тщеславие свойственно каждому охотнику.

Скоро стало совсем светло. Солнца не было видно, но во всем чувствовалось его присутствие. Туман быстро рассеивался, кое-где проглянуло синее небо, и вдруг яркие лучи прорезали мглу и осветили мокрую землю. Тогда все стало ясно, стало видно, где я нахожусь и куда надо идти. Станным мне показалось, как это я не мог взять правильного направления ночью. Солнышко пригрело землю, стало тепло, хорошо, и я прибавил шагу.

Через два часа я был на биваке. Товарищи не беспокоились за меня, думая, что я заночевал где-нибудь в фанзе у

китайцев. Напившись чаю, я лег на свое место и уснул крепким сном.

Несколько дней спустя после этого мы занимались пристрелкой ружей. Людям были розданы патроны и указана цель для стрельбы с упора. По окончании пристрелки солдаты стали просить разрешения открыть вольную стрельбу. Стреляли они в бутылку, стреляли в белое пятно на дереве, потом в круглый камешек, поставленный на краю утеса.

Вдруг откуда-то взялась нырковая утка. Не обращая внимания на стрельбу, она спустилась на воду недалеко от берега. Захаров и Сабитов стали в нее целить, и так как каждому хотелось выстрелить первому, то оба горячились, волновались и мешали друг другу. Два выстрела произошли почти одновременно. Одна пуля сделала недолет, а другая всплеснула воду далеко за уткой. Испуганная птица нырнула и вновь всплыла на поверхность воды, но уже дальше от берега. Тогда в нее выстрелил Захаров и тоже не попал. Пуля ударилась в воду совсем в стороне. Утка опять нырнула. Солдаты бросили стрельбу в пятнышко и, выстроившись на берег в одну линию, открыли частый огонь по уходящей птице, чем больше они горячились, тем дальше отгоняли птицу. По моим соображениям, она была теперь в 300 шагах, если не больше. В это время на бивак возвратился Дерсу. Взглянув на него, я сразу понял, что он был навеселе. На лице его играла улыбка. Подойдя к палаткам, он остановился и, прикрыв рукой глаза от солнца, стал смотреть, в кого стреляют

солдаты.

Как раз в этот момент выстрелил Калиновский. Пуля сделала такой большой недолет, что даже не напугала птицу. Узнав, что стрелки не могли попасть в утку тогда, когда она была близко, он подошел к ним и, смеясь, сказал:

– Ваша хорошо стреляли. Теперь моя хочу утку гоняй.

Сказав это, он быстро поднял свое ружье и, почти не целясь, выстрелил. Крик удивления вырвался у всех сразу: пуля ударила под самую птицу так, что обдала ее водой. Утка до того была напугана, что с криком сорвалась с места и, отлетев немного, нырнула в воду. Спустя несколько минут она показалась на поверхности, но уже значительно дальше. С поразительной быстротой Дерсу опять вскинул винтовку и опять выстрелил. Если бы утка не взлетела в воздух, можно было бы подумать, что пуля ударила именно в нее. Теперь птица отлетела очень далеко. Чуть-чуть ее можно было рассмотреть простым глазом. Мы взяли бинокли. Дерсу смеялся и подтрунивал над солдатами. Дмитрий Дьяков, который считал себя хорошим стрелком, стал доказывать, что выстрелы Дерсу были случайными и что он стреляет не хуже гольда. Товарищи предложили ему доказать свое искусство. Дьяков спустил курок. Пуля сделала рикошет далеко перед уткой. Птица нырнула, но тотчас же опять показалась на поверхности. Тогда Дерсу медленно поднял свое ружье, прицелился и выстрелил. В бинокль видно было, как пуля опять вспенила воду под самой уткой. Вероятно, такое состязание в стрельбе

длилось бы еще долго, если бы сама утка не положила ему конец: она снялась с воды и полетела в открытое море.

Вечером я услышал у стрелков громкие разговоры. По настроению я догадался, что они немного выпили. Оказалось, что Дерсу притащил с собой бутылку спирта и угостил им солдат. Вино разгорячило людей, и они начали ссориться между собой.

– Не надо ругаться, – сказал им тихо Дерсу, – слушайте лучше, я вам песню спою. – И, не дожидаясь ответа, он начал петь свои сказки.

Сначала его никто не слушал, потом притих один спорщик, за ним другой, третий, и скоро на таборе совсем стало тихо. Дерсу пел что-то печальное, точно он вспомнил родное прошлое и жаловался на судьбу. Песнь его была монотонная, но в ней было что-то такое, что затрагивало самые чувствительные струны души и будило хорошие чувства. Я присел на камень и слушал его грустную песню. «Поселись там, где поют; кто поет, тот худо не думает», – вспомнилась мне старинная швейцарская поговорка.

Уже смеркалось совсем, зажглись яркие звезды; из-за гор поднималась луна. Ее еще не было видно, но бледный свет уже распространился по всему небу.

Подвыпившие стрелки уснули, а Дерсу все еще пел свою песню, и пел он ее теперь вполголоса – для себя.

Я вернулся в палатку, лег на постель и тоже уснул.

На другой день вечером, сидя у костра, я читал стрелкам

«Сказку о рыбаке и рыбке». Дерсу в это время что-то тесал топором. Он перестал работать, тихонько положил топор на землю и, не изменяя позы, не поворачивая головы, стал слушать. Когда я кончил сказку, Дерсу поднялся и сказал:

– Верно, такой баба много есть. – Он даже плюнул с досады и продолжал: – Бедный старик! Бросил бы он эту бабу, делал бы оморочку да кочевал бы на другое место.

Мы все расхохотались. Сразу сказался взгляд бродячего туземца. Лучший выход из этого положения, по его мнению, – сделать лодку и перекочевать на другое место.

Поздно вечером я подошел к костру. На дровах сидел Дерсу и задумчиво глядел на огонь. Я спросил его, о чем он думает.

– Шибко жалко старика. Его был смиренный люди. Сколько раз к морю ходи, рыбу кричи, наверно, совсем стоптал свои унты.

Видно было, что «Сказка о рыбаке и рыбке» произвела на него сильное впечатление.

Поговорив с ним еще немного, я вернулся в свою палатку.

Глава 3

Первый поход

Выступление. – Дерсу находит отряд по следам. – Река Иодзыхе и река Литянгоу. – Притоки реки Иодзыхе. – Лудева. – Тайга. – Пауки. – Да-Синанца и ее притоки. – Затяжные дожди. – Горбатый таз и его семья. – Бегство их от китайцев. – Сон Дерсу и поминки по усопшим.

Наконец после долгого ожидания, в конце июня, на пароходе «Эльдорадо» прибыли наши мулы. Это было радостное событие, выведшее нас из бездействия и позволившее выступить в поход.

Пароход стал шагах в четырехстах от устья реки. Мулы были спущены прямо на воду. Они тотчас же сориентировались и поплыли к берегу, где их уже ожидали стрелки.

Двое суток мы пригоняли к мулам седла и налаживали вьюки. 30 июня была последняя дневка, а на следующий день, 1 июля, мы тронулись в путь.

На реке Иодзыхе наш отряд разделился. Я, Н.А. Десулави и П.П. Бордаков с частью команды отправились на реку Синанцу⁵, а А.И. Мерзляков с остальными людьми пошел

---

⁵ Синь-нань-ча – юго-западное разветвление.

вверх по реке Литянго⁶. Около последних тазовских фанз, в северо-западном углу долины, нам надлежало разойтись. В это время ко мне подошел Дерсу и попросил разрешения остаться на один день у тазов. Завтра к вечеру он обещал нас догнать. Я высказал опасения, что он может нас не найти. Гольд громко за смеялся и сказал:

– Тебе иголка нет, птица тоже нету – летай не могу. Тебе земля ходи, нога топчи, след делай. Моя глаза есть – посмотри.

На это у меня уже не было возражений. Я знал его способность разбираться в следах и согласился. Мы пошли дальше, а он остался на реке Иодзыхе. На второй день утром Дерсу действительно нас догнал. По следам он узнал все, что произошло у нас в отряде: он видел места наших привалов, видел, что мы долго стояли на одном месте – именно там, где тропа вдруг сразу оборвалась, видел, что я посылал людей в разные стороны искать дорогу. Здесь один из стрелков переобувался. Из того, что на земле валялся кусочек тряпки с кровью и клочком ваты, он заключил, что кто-то натер ногу, и т.д. Я привык к его анализу, но для стрелков это было откровением. Они с удивлением и любопытством поглядывали на гольда.

Река Иодзыхе⁷ (по-удэгейски Иеньи) почему-то на морских картах названа Владимировкой и показана маленьким

---

⁶ Ли-тянь-гоу – внутренняя желобчатая долина.

⁷ Яо-цзы-хе – река с ямами (омутами).

ручейком.

Долина ее шириной около трех верст и имеет левый край возвышенный и гористый, а правый – пологие увалы, поросшие редкой осиной, березой, ольхой и лиственницей. Уловить, где именно долина переходит в горы, нельзя. Выше по реке картина меняется и горы принимают резко выраженный характер.

Здесь, кроме дуба, растут: черная и белая береза, китайский ясень, орех, клен, пихта, пробковое дерево, тис, акация, осина и липа, а из кустарников – лещина, боярышник, калина, таволга и леспедеца.

Река Иодзыхе близ устья разбивается на множество рукавов, из которых один подходит к правой стороне долины. Место это староверы облюбовали для своего будущего поселка.

Тропа от моря идет вверх по долине так, что все протоки Иодзыхе остаются от нее вправо, но потом, как раз против устья Дунгоу, она переходит реку вброд около китайских фанз, расположенных у подножия широкой террасы, состоящей из глины, песка и угловатых обломков.

Реку Иодзыхе было бы справедливо назвать Козьей рекой. Нигде я не видел так много этих грациозных животных, как здесь.

Сибирская козуля крупнее европейской. Сжатое с боков тело ее имеет в длину 1,5 м и в высоту 87 см. Красивая приплюснутая голова с большими подвижными округленными

ушами сидит на длинной шее и у самцов украшена двумя маловетвистыми рогами, на конце вилчатыми и имеющими не более шести отростков. Общая окраска тела козули летом темно-ржавая, зимой – буро-серая. Сзади, на ляжках, около хвоста, цвет шерсти белый. Его очень заметно, когда козуля бежит, сильно вскидывая задом. Охотники называют это пятно зеркалом. Защитная окраска делает ее совершенно невидимой: цвет шерсти животного сливается с окружающей обстановкой и видно одно только мелькающее белое «зеркало».

Осенью, в октябре, козуля большими табунами оставляет лесистые местности Уссурийского края и перекочевывает в Маньчжурию. Впрочем, некоторый процент животных остается в приханкайских степях. Заметив место, где табуны коз переплывали через реку, казаки караулили их и забивали во множестве, не разбирая ни пола, ни возраста. С проведением железной дороги и заселением долины Уссури сибирская козуля перестала совершать такие кочевки. Убой животных на переправах сошел на нет, и о таких ходах ныне сохранились только воспоминания.

В общем, дикая коза – пугливое животное, вечно преследуемое четвероногими хищниками и человеком. Она всегда держится настороже и старается уловить малейший намек на опасность при помощи слуха и обоняния. Любимым местом пребывания козули являются листовенные болотистые леса, и только вечером она выходит пастись на поляны. Да-

же и здесь, при полной тишине и спокойствии, она все время оглядывается и прислушивается. Убегая в испуге, козуля может делать изумительно большие прыжки через овраги, кусты и завалы буреломного леса.

В Уссурийском крае козуля обитает повсеместно, где только есть поляны и выгоревшие места. Она не выносит высоких гор, покрытых осыпями, и густых хвойных лесов. Охотятся на нее ради мяса. Зимние шкурки идут на устройство спальных мешков, кухлянок и дох; рога продаются по три рубля за пару.

Любопытно, что козуля охотно мирится с присутствием других животных и совершенно не выносит изюбра. В искусственных питомниках при совместной жизни она погибает. Это особенно заметно на солонцах. Если такие солонцы сперва разыщут козы, они охотно посещают их до тех пор, пока не придут олени. Охотники неоднократно замечали, что, как только на солонцах побывают изюбры, козули покидают их на более или менее продолжительное время.

Редколесье в горах, пологие увалы, поросшие кустарниковой растительностью, и широкая долина реки Иодзыхе, покрытая высокими тростниками и полынью, весьма благоприятны для обитания диких коз. Мы часто видели их выбегающими из травы, но они успевали снова так быстро скрыться в зарослях, что убить не удалось ни одной.

Кое-где виднелась свежевзрытая земля. Та к как домашних свиней китайцы содержат в загонах, то оставалось до-

пустить присутствие диких кабанов, что и подтвердилось. А раз здесь были кабаны, значит, должны быть и тигры. Действительно, вскоре около реки на песке мы нашли следы одного очень крупного тигра. Он шел вдоль реки и прятался за валежником. Из этого можно было заключить, что страшный зверь приходил сюда не для утоления жажды, а на охоту за козулями и кабанами.

По рассказам тазов, месяца два назад один тигр унес ребенка от самой фанзы. Через несколько дней другой тигр напал на работавшего в поле китайца и так сильно изранил его, что он в тот же день умер.

В долине реки Иодзыхе водится много фазанов. Они встречались чуть ли не на каждом шагу. Любимыми местами их обитания были заросли около пашен и плантаций снотворного мака, засеваемого китайцами для сбора опиума. Среди тальниковых зарослей по старицам и протокам изредка попадались и рябчики. Они чем-то кормились на земле и только в случае тревоги взлетали на деревья. В воздухе кружилась несколько белохвостых орланов. Один из них вдруг начал спускаться к реке. Осторожно пробрался я по траве к берегу и стал наблюдать за ним. Он сел на гальку около воды. Тут было несколько ворон, лакомившихся рыбой. Орлан стал их прогонять. Вороны сначала пробовали было обороняться, но, получив несколько сильных ударов клювом, уступили свои места и улетели прочь. Тогда орлан занялся рыболовством. Он прямо вошел в воду и, погрузив в нее брюхо,

хвост и крылья, стал прыгать по воде. Не более как через минуту он поймал одну рыбку, вытащил ее на берег и тут же принялся есть. Насытившись, пернатый хищник опять поднялся на воздух. Тотчас к нему присоединились еще два орлана. Тогда они стали описывать плавные круги. Они не гонялись друг за другом, а спокойно парили в разных плоскостях, поднимаясь все выше и выше в беспредельную синеву неба. Скоро они превратились в маленькие, едва заметные точки, и если я не потерял их из виду, то только потому, что не спускал с них глаз. В это время со стороны дороги я услышал призывные крики. Мои спутники требовали, чтобы я поскорей возвращался. Через пять минут я присоединился к отряду.

В нижнем течении река Иодзыхе принимает в себя три небольших притока: справа – Сяо-Иодзыхе длиной 19 км и слева – Дунгоу, с которой мы познакомились уже в прошлом году, и Литянгоу, по которой надлежало теперь идти А.И. Мерзлякову. Река Сяо-Иодзыхе очень живописная. Узенькая, извилистая долинка обставлена по краям сравнительно высокими горами. По словам китайцев, в вершине ее есть мощные жилы серебросвинцовой руды и медного колчедана.

Долина реки Литянгоу какая-то странная – не то поперечная, не то продольная. Местами она расширяется до 1,5 км, местами суживается до 200 м. В нижней части долины есть много полей, засоренных камнями и непригодных для земледелия. Здесь часто встречаются горы и кое-где есть негу-

стые лиственные леса. Чем выше подниматься по долине, тем чаще начинают мелькать темные силуэты хвойных деревьев, которые мало-помалу становятся преобладающими.

В верховьях Литянгоу есть китайская зверовая фанза. От нее тропа поворачивает налево в горы и идет на Иман. Подъем на перевал Хунтами с южной стороны затруднителен; в истоках долина становится очень узкой и завалена камнями и буреломным лесом.

Население окрестностей реки Иодзыхе – смешанное и состоит из китайцев и тазов (удэгейцев). Китайские фанзы сосредоточены главным образом на левом берегу реки, а туземцы поселились выше по долине, около гор.

На следующий день мы расстались с китайцами.

Тропа опять перешла на реку и вскоре привела нас к тому месту, где Иодзыхе разбивается на три реки: Синанцу, Кулему (этимология этого слова мне неизвестна) и Ханьдахезу⁸. Кулему, длиной 40 км, течет с запада и имеет истоки в горах Сихотэ-Алиня, а Ханьдахеза – 20 км; по последней можно выйти на реку Сицу (приток Санхобе), где в прошлом году меня застал лесной пожар. От места слияния этих трех рек и начинается, собственно, Иодзыхе. Здесь с правой стороны (по течению) высится высокая скалистая сопка Да-Лаза. Тропа проходит у ее подножия. Китайцы говорят, что это излюбленное местопребывание тигров.

Река Синанца течет по продольной долине между Си-

---

⁸ Ханьда – лось (маньчжурское слово), хе-цзы – речка (китайское).

хотэ-Алинем и хребтом, ему параллельным. Она длиной около 75 км и шириной до 30 м. За скалистой сопкой сначала идут места открытые и отчасти заболоченные. Дальше поляна начинает возвышаться и незаметно переходит в террасу, поросшую редким лиственным лесом. Спустившись с нее, мы прошли еще с полкилометра и затем вступили в роскошный лес.

Если я хочу представить себе девственную тайгу, то каждый раз мысленно переношусь в долину Синанцы. Кроме обычных ясеня, березы Эрмана и ольхи, здесь произрастают: аянская ель – представительница охотской флоры, клен с красными ветвями, имеющий листву, как у неклена, затем черемуха Маака с желтой берестой, как у березы, и с ветвями, пригнутыми к земле, над чем немало потрудились и медведи, и, наконец, в изобилии по берегам реки ивняки, у которых молодые побеги имеют красновато-сизый оттенок.

Подлесье состояло из всевозможных кустарников, между которыми следует отметить колючий крыжовник с весьма мелкими закругленными мохнатыми листьями и белый дерен с гибкими длинными ветвями и ланцетовидными листьями, сверху темно-зелеными, снизу белесоватыми.

Вверху ветви деревьев переплелись между собой так, что совершенно скрыли небо. Особенно поражали своими размерами тополь и кедр. Сорокалетний молодняк, растущий под их покровом, казался жалкой порослью. Сирень, обычно растущая в виде кустарника, здесь имела вид дерева в пять

саженной высотой и два фута в объёме. Старый колодник, богато украшенный мхами, имел весьма декоративный вид и вполне гармонировал с окружающей его богатой растительностью.

Густой подлесок, состоящий из чертова дерева, виноградника и лиан, делает места эти труднопроходимыми, вследствие чего наш отряд подвигался довольно медленно: приходилось часто останавливаться, высматривать, где меньше бурелома, и обходить мулов стороной.

В этот день Н.А. Десулави отметил в своем дневнике растущие в сообществе следующие цветковые и тайнобрачные растения: клинтонию с крупными сочными листьями и белыми цветами на длинном стебельке, гнездовку, украшенную многочисленными ароматными фиолетовыми цветами; козлец – высокое растение с длинными сидящими листьями и беловато-желтыми цветами; затем папоротник, большие ажурные листья которого имеют треугольную форму и по первому впечатлению напоминают листья орляка; кочедыжник женский – тоже с отдельными большими листьями, форма которых меняется в зависимости от окружающей их обстановки.

Чем дальше, тем больше лес был завален колодником и тропа не приспособлена для передвижений с выюками.

Во избежание задержек вперед был послан рабочий авангард под начальством Захарова. Он должен был убирать бурелом с пути и, где нужно, делать обходы. Иногда упавшее

дерево застревало вверху. Тогда обрубали только нижние ветки его, оставляя проход в виде ворот; у лежащего на земле колодника обивали сучки, чтобы мулы не попортили ног и не накололись брюхом. После полудня отряд дошел до лудевы. Она пересекала долину Синанцы и одним концом упиралась в скалистую сопку. Лудева была старая, и потому следовало внимательно смотреть под ноги, чтобы не попасть в какую-нибудь ловушку. Путеводная тропа привела нас к покинутой зверовой фанзе. Около нее на сваях стоял амбар, предназначенный для хранения запасов продовольствия, зверовых шкур, пантов и прочего охотничьего имущества. Здесь мы и заночевали.

Утром спать нам долго не пришлось. На рассвете появилось много мошкеры: воздух буквально кишел ею. Мулы оставили корм и жались к биваку. На скорую руку мы напились чаю, собрали палатки и тронулись в путь.

От зверовой фанзы тропа идет густым лесом. Она сильно кружит, обходя колодник и густые заросли винограда.

Обыкновенно во второй половине лета появляются большие черные пауки. Они строят тенета колесного типа, причем основные нити бывают длиной от 5 до 7 м и так прочны, что их свободно можно оттягивать в сторону рукой. В августе пауки эти пропадают, и на их месте появляются другие, меньших размеров, желто-зеленого цвета, с красным рисунком на брюшке и головогруды. Их противные паутины встречались чуть ли не на каждом шагу. В особенности мно-

го неприятностей испытывает тот, кто идет впереди: ему то и дело приходится снимать паутину с лица или сбрасывать паука, уцепившегося за нос.

В этот день мы дошли до того места, где Синанца разделяется надвое: Да-Синанцу⁹ и Сяо-Синанцу¹⁰. Первая является главной рекой, вторая – ее притоком.

По мере приближения к водоразделу угрюмее становился лес и больше попадалось звериных следов; тропа стала часто прерываться и переходить то на одну, то на другую сторону реки, наконец мы потеряли ее совсем.

На этом протяжении в Синанцу впадают следующие горные речки: Пярл-гоу и Изимлу – справа; Лаза-гоу и Хунголя-гоу¹¹ – слева. Сама по себе река немноговодна, но бурелом, сложенный в большие груды, указывает на то, что во время дождей вода поднимается настолько высоко, что деревья по ней свободно переносятся с одного места на другое.

Чем дальше, тем труднее становилось идти. Поэтому я решил оставить мулов на биваке и назавтра продолжать путь с котомками. Мы рассчитывали в два дня достигнуть водораздела, однако этот переход отнял у нас четверо суток. В довершение всего погода испортилась – пошли дожди.

В верховьях река Синанца с левой стороны принимает в

---

⁹ Да-си-нань-ча – большой юго-западный приток (развилина).

¹⁰ Сяо-си-нань-ча – малый юго-западный приток.

¹¹ Пянь-эр-гоу – покатая долина. Лаза-гоу – скалистая долина. Хуан-га-лян-гоу – долина красного гаоляна.

себя целый ряд мелких ручьев, стекающих с Сихотэ-Алиня.

Выбрав один из них, мы стали взбираться на хребет. По наблюдениям Дерсу, дождь должен быть затяжным. Тучи низко ползли над землей и наполовину окутывали горы. Следовательно, на вершине хребта мы увидели бы только то, что было в непосредственной от нас близости. К тому же взятые с собой запасы продовольствия подходили к концу. Это принудило нас на другой день спуститься в долину.

Двое суток мы отсиживались в палатках. Наружу нельзя было показать носа. По хмурому небу низко, словно вперегонки, бежали тяжелые тучи и сыпали дождем. Наконец терпение наше лопнуло, и, невзирая на непогоду, мы решили идти назад, к морю. Не успели мы отойти от бивака на такое расстояние, с которого в тихую погоду слышен ружейный выстрел, как дождь сразу прекратился, выглянуло солнце, и тогда все кругом приняло ликующий вид, только мутная вода в реке, прибитая к земле трава и клочья тумана в горах указывали на недавнее ненастье.

Утомленные непогодой, мы рано стали на бивак. Вечером около нашего табора с ревом ходил тигр. Ночью мы поддерживали усиленный огонь и несколько раз стреляли из ружей.

Через два дня мы дошли до того места, где оставили мулов и часть команды. Около устья Синанцы мы застали семью, состоящую из горбатого тазы, его жены, двоих малых детей и еще одного молодого удэгейца по имени Чан Лин. Они стояли на галечниковой отмели и занимались ловлей

рыбы. Невдалеке от их стойбища на гальке лежала опрокинутая вверх дном лодка. Белизна дерева и свежие подпалины на бортах ее свидетельствовали о том, что она только что выдолблена и еще не видела воды. Горбатый таза объяснил нам, что сам он лодок делать не умеет и для этого нарочно пригласил своего племянника с реки Такемы.

Поговорив немного с туземцами, мы пошли дальше, а Дерсу остался. На другой день он догнал нас и сообщил много интересного. Оказалось, что местные китайцы решили отобрать у горбатого тазы жену с детьми и увезти их на Иман. Таз решил бежать. Если бы он пошел сухопутьем, китайцы догнали бы его и убили. Чан Лин посоветовал ему сделать лодку и уйти морем.

25 июля мы пошли к китайским фанзам, расположенным около реки Дунгоу, по долине которой идет путь на реку Санхобе.

Следующая ночь была темная и дождливая. Тазы решили воспользоваться ею для побега. Совпало так, что китайцы тоже в эту ночь решили сделать нападение и не только отобрать женщину, но и раз навсегда отделаться от обоих тазов. Дерсу как-то пронюхал об этом и сообщил удэгейцам о грозящей им опасности. Захватив с собой винтовку, он отправился в фанзу горбатого тазы и разжег в ней огонь, как будто все обитатели ее были дома. В это время тазы тихонько спустили лодку в воду и посадили в нее женщину и детей. Надо было проплыть мимо китайского селения. Ночь была

ветренная, дождливая, и это способствовало успеху.

Чтобы лодку не было видно, Дерсу вымазал ее снаружи грязью и углем. Как ни старались оба охотника, но обмануть собак не удалось. Они учуяли тазов и подняли неистовый лай. Китайцы выскочили из фанзы, но лодка прошла опасное место раньше, чем они успели добежать до реки. Дерсу решил проводить тазов до самого моря. Приблизительно через час лодка дошла до него. Здесь Дерсу распрощался с тазовыми и вышел на берег. Опасаясь встречи с китайцами, он не пошел назад по дороге, а спрятался в лесу и только под утро возвратился к нам на бивак. 26 июля мы пробыли еще на реке Иодзыхе. Стрелки занимались приведением в порядок своей обуви и стиркой белья.

Целый день Дерсу был в каком-то мрачном настроении. Он все время уединялся и не хотел ни с кем разговаривать. Потом он попросил у меня три рубля и ушел куда-то. В 4 часа пополудни Н.А. Десулави и П.П. Бордаков пошли экскурсировать по окрестностям, а я занялся вычерчиванием маршрута по Синанце. В сумерки снова появился туман. По мере того как становилось темнее, он сгущался все больше и больше; скоро в нем утонули противоположный берег реки и фанзы китайцев. Казалось, вместе с туманом на землю спустилась мертвящая тишина, нарушаемая только падением капель воды с намокшей листвы деревьев.

В это время пришел один из стрелков и стал рассказывать о том, что Дерсук (так всегда его звали) сидит один у огня

и поет песню.

Я спросил солдата, где он видел гольда.

– Далеко, – отвечал он мне, – в лесу, около речки.

Стрелок объяснил мне, что надо идти по тропе до тех пор, пока справа я не увижу свет. Это и есть огонь Дерсу. Шагов триста я прошел в указанном направлении и ничего не увидел. Я хотел уже было повернуть назад, как вдруг сквозь туман в стороне действительно заметил отблеск костра. Не успел я отойти от тропы и пятидесяти шагов, как туман вдруг рассеялся.

То, что я увидел, было так для меня неожиданно и ново, что я замер на месте и не смел пошевелинуться. Дерсу сидел перед огнем лицом ко мне. Рядом с ним лежали топор и винтовка. В руках у него был нож. Уткнув себе в грудь небольшую палочку, он строгал ее и тихо пел какую-то песню. Пение это было однообразное, унылое и тоскливое. Он не дорезал стружку до конца. Они загибались одна за другой и образовывали султанчик. Взяв палочку в правую руку и прекратив пение, он вдруг обращался к кому-то в пространство с вопросом и слушал, слушал напряженно, но ответа не было. Тогда он бросил стружку в огонь и принимался строгать новую. Потом он достал маленькую чашечку, налил в нее водки из бутылки, помочил в ней указательный палец и по капле бросил на землю во все четыре стороны. Опять он что-то прокричал и прислушался. Далеко в стороне послышался крик какой-то ночной птицы. Дерсу вскочил на ноги.

Он громко запел ту же песню и весь спирт вылил в огонь. На мгновение в костре вспыхнуло синее пламя. После этого Дерсу стал бросать в костер листья табака, сухую рыбу, мясо, соль, чумизу, рис, муку, кусок синей дабы, новые китайские улы, коробок спичек и, наконец, пустую бутылку. Дерсу перестал петь. Он сел на землю, опустил голову на грудь и глубоко о чем-то задумался.

Тогда я решил к нему подойти и нарочно спустился на прибрежную гальку, чтобы он слышал мои шаги. Старик поднял голову и посмотрел на меня такими глазами, в которых я прочел тоску. Я спросил его, почему он так далеко ушел от фанзы, и сказал, что беспокоился о нем. Дерсу ничего не ответил мне на это. Я сел против него у огня. Минут пять сидели мы молча. В это время опять повторился крик ночной птицы. Дерсу спешно поднялся с места и, повернувшись лицом в ту сторону, что-то закричал ей громким голосом, в котором я заметил нотки грусти, страха и радости. Затем все стихло.

Дерсу тихонько опустил на свое место и стал поправлять огонь. Накалившаяся докрасна бутылка растрескалась и стала плавиться.

Я не расспрашивал его, что все это значит, я знал, что он сам поделится со мною, – и не ошибся.

– Та м люди много, – начал он. – Китайцы, солдаты... Понимай нету, смеяться будут – мешай.

Я не прерывал его. Тогда он рассказал мне, что прошлой

ночью он видел тяжелый сон: он видел старую, развалившуюся юрту и в ней свою семью в страшной бедности. Жена и дети зябли от холода и были голодны. Они просили его принести им дрова и прислать теплой одежды, обуви, какой-нибудь еды и спичек. То, что он сжигал, он посылал в загробный мир своим родным, которые, по представлению Дерсу, на том свете жили так же, как и на этом.

Тогда я осторожно спросил его о криках ночной птицы, на которые он отвечал своими криками.

– Это ханяла¹², – ответил Дерсу. – Моя думай, это была жена. Теперь она все получила. Наша можно в фанзу ходи.

Дерсу встал и разбросал в стороны костер. Стало вдвое темнее. Через несколько минут мы шли назад по тропе. Дерсу молчал, и я молчал тоже.

Кругом было тихо. Сонный воздух точно застыл. Густой туман спустился в самую долину, и начало моросить.

При нашем приближении к фанзам собаки подняли громкий лай.

Дерсу по обыкновению остался ночевать снаружи, а я вошел в фанзу, растянулся на теплом кане и начал дремать. Рядом, за стеной, слышно было, как мулы ели сено.

Собаки долго не могли успокоиться.

---

¹² Тень, душа.

Глава 4

В горах

Река Дунгоу. – Непогода. – Медведь, добывающий мед. – Встреча с Чжан Бао. – Река Бея. – Зоогеографическая граница горалов. – Река Кудяхе. – Фанза Дун-Тавайза. – Реки Фату и Адимил. – Осыпи в горах. – Мелкие речки, текущие в море. – Береговая тропа. – Дикая кошка. – Нападение жуков.

На другой день погода была пасмурная, по небу медленно ползли тяжелые дождевые тучи, и самый воздух казался потемневшим, точно преддрассветные сумерки. Горы, которые еще вчера были так живописно красивы, теперь имели угрюмый вид.

Мои спутники знали, что если нет проливного дождя, то назначенное выступление обыкновенно не отменяется. Только что-нибудь особенное могло задержать нас на биваке. В 8 часов утра, расплатившись с китайцами, мы выступили в путь по уже знакомой нам тропе, проложенной местными жителями по долине реки Дунгоу к бухте Терней.

В природе чувствовалась какая-то тоска. Неподвижный и отяжелевший от сырости воздух, казалось, навалился на землю, и от этого все кругом притаилось. Хмурое небо, мокрая

растительность, грязная тропа, лужи стоячей воды и в особенности царившая кругом тишина – все свидетельствовало о ненастье, которое сделало передышку для того, чтобы снова вот-вот разразиться дождем с еще большей силой.

К полудню мы дошли до верховьев Дунгоу и сделали привал.

В то время когда мы сидели у костра и пили чай, из-за горы вдруг показался орлан белохвостый. Описав большой круг, он ловко, с налета, уселся на сухоствольной лиственнице и стал оглядываться. Захаров выстрелил в него и промакнулся. Испуганная птица торопливо снялась с места и полетела к лесу.

– Худо, – сказал Дерсу, – будет большой дождь.

На задаваемые вопросы он объяснил, что, если в тихую погоду туман поднимается кверху и при этом бывает сильное эхо, непременно надо ждать затяжного дождя.

Около часу дня я, Н.А. Десулави и П.П. Бордаков пошли вперед, а стрелки начали выучить мулов. К 3 часам мы взошли на перевал, откуда начинался сток воды в реку Каимбе. Надо было бы здесь стать на бивак, но я уступил просьбам своих товарищей, и мы пошли дальше. Не успели мы спуститься с водораздела, как начался дождь, скоро превратившийся в настоящий ливень. Мы развели большой огонь – мокли и сушились в одно и то же время. К сумеркам подошли мулы, только тогда мы начали переодеваться и ставить палатки. Вечером дождь пошел еще сильнее, и так – до са-

мого рассвета. Мы не спали всю ночь, зябли, подкладывали дрова в костер, несколько раз принимались пить чай и в промежутках между чаепитиями дремали.

Утром Н.А. Десулави хотел было подняться на гору Хунтами для сбора растений около гольцов, но это ему не удалось. Вершина горы была окутана туманом, а в 2 часа дня опять пошел дождь, мелкий и частый. Днем мы успели как следует обсушиться, оправить палатки и хорошо выспаться.

На следующий день, 26 июля, опять дождь. Нельзя разобраться, где кончается туман и где начинаются тучи. Этот мелкий, частый дождь шел подряд трое суток с удивительным постоянством. Терпение наше истощилось. Н.А. Десулави не мог больше ждать. Отпуск его кончался, и ему надлежало возвратиться в Хабаровск.

Несмотря на непогоду, он решил ехать в залив Джигит и там дожидаться парохода. Я дал ему двух мулов и двух провозных. Часов в одиннадцать утра мы расстались, пожелав друг другу счастливого пути и успехов.

В полдень погода не изменилась. Ее можно было бы описать в двух словах: туман и дождь. Мы опять просидели весь день в палатках. Я перечитывал свои дневники, а стрелки спали и пили чай. К вечеру поднялся сильный ветер. Царствовавшая дотоле тишина в природе вдруг нарушилась. Застывший воздух пришел в движение и одним могучим порывом сбросил с себя апатию.

Сорванная с деревьев листва закружилась в вихре и ста-

ла подниматься кверху. Порывы ветра были так сильны, что ломали сучья, пригибали к земле молодняк и опрокидывали сухие деревья.

– Кончай есть, – сказал Дерсу довольным тоном. – Сегодня ночью наша звезды посмотри. Завтра – посмотри солнце.

И действительно, часов в десять вечера темный небесный свод, усеянный миллионами звезд, совершенно освободился от туч. Сияющие ночные светила словно вымылись в дожде и приветливо смотрели на землю. К утру стало прохладнее.

Следующий день был последним днем июля. Когда занялась заря, стало видно, что погода будет хорошая. В горах еще кое-где клочьями держался туман. Он словно чувствовал, что доживает последние часы, и прятался в глубокие распадки. Природа ликовала: все живое приветствовало все-сильное солнце, как бы сознавая, что только одно оно может прекратить ненастье.

Этот день мы употребили на переход к знакомой нам грибной фанзе около озера Благодати. Опять нам пришлось мучиться в болотах, которые после дождей стали еще непроходимее. Чтобы миновать их, мы сделали большой обход, но и это не помогло. Мы рубили деревья, кусты, устраивали гати, и все-таки наши выючные животные вязли на каждом шагу чуть не по брюхо. Большого труда стоило нам перейти через зыбуны и только к сумеркам удалось выбраться на твердую почву.

На другой день мы выступили рано. Путь предстоял длин-

ный, и хотелось поскорее добраться до реки Сан-хобе, откуда, собственно, и должны были начаться мои работы. П.П. Бордаков взял ружье и пошел стороной, я с Дерсу по обыкновению отправился вперед, а А.И. Мерзляков с мулами остался сзади.

Около второго распадка я присел отдохнуть, а Дерсу стал переобуваться. Вдруг до нас донеслись какие-то странные звуки, похожие не то на вой, не то на визг, не то на ворчание. Дерсу придержал меня за рукав, прислушался и сказал:

– Медведь!

Мы встали и тихонько пошли вперед. Скоро мы увидели виновника шума. Медведь средней величины возился около большой липы. Дерево росло почти вплотную около скалы. С лицевой стороны на нем была сделана заметка топором, что указывало на то, что рой этот раньше нас и раньше медведя нашел кто-то из людей.

С первого взгляда я понял, в чем дело: медведь добывал мед. Он стоял на задних ногах и куда-то тянулся. Протиснуть лапу в дупло ему мешали камни. Медведь был из числа терпеливых. Он ворчал и тряс дерево изо всей силы. Вокруг вились пчелы и жалили его в голову. Медведь тер морду лапами, кричал тоненьким голосом, валялся по земле и затем вновь принимался за ту же работу. Его уловки были очень комичны. Наконец он утомился, сел на землю по-человечьи и, раскрыв рот, стал смотреть на дерево, видимо что-то сообщая. Та к просидел он минуты две. Затем вдруг поднялся,

быстро подбежал к липе и полез на ее вершину. Взобравшись наверх, он протиснулся между скалой и деревом и, упершись передними и задними лапами в камни, начал сильно давить спиной дерево. Дерево подалось немного. Но видимо, медведю было больно спину. Тогда он переменял положение и, упершись спиной в скалу, стал лапами давить на дерево. Липа затрещала и рухнула на землю.

Это и надо было медведю. Теперь оставалось только разобрать заболонь и добыть соты.

– Его шибко хитрый люди, – сказал Дерсу. – Надо его гоняй, а то скоро весь мед кушай. – Сказав это, он крикнул: – Тебе какой люди, тебе как чужой мед карабчи¹³!

Медведь оглянулся. Увидев нас, он побежал и быстро исчез за скалой.

– Надо его пугай, – сказал Дерсу и выстрелил в воздух.

В это время подошли кони. Услышав наш выстрел, А. И. Мерзляков остановил отряд и пришел узнать, в чем дело. Решено было для добычи меда оставить двое стрелков. Надо было сперва дать пчелам успокоиться, а затем морить их дымом и собрать мед. Если бы это не сделали мы, то все равно весь мед съел бы медведь.

Через пять минут мы тронулись дальше.

По мере того как продвигаешься на север по побережью моря, замечаешь, что представители маньчжурской флоры один за другим остаются позади. Первая отстала груша. Я

---

¹³ т. е. украл.

видел ее последний раз на реке Иодзыхе. Потом – акация Маака. Бухта Терней, по-видимому, является для нее северной границей. Дальше всех на север проникает монгольский дуб. Зато лиственница появилась на берегу моря небольшими группами. Кроме растущей здесь в изобилии калины, орешника и леспедецы мы заметили перистые пятерные листочки и характерные бледно-желтые цветы лапчатки, затем кустарниковую низкорослую рябину, дающую мелкие и почти безвкусные светло-красные плоды, а рядом с нею даурский можжевельник, стелющийся по земле и поднимающий кверху свои густые зеленые ветви с матово-синим оттенком и прошлогодними сухими ягодами.

Дальнейшее путешествие наше до реки Санхобе прошло без всяких приключений. К бухте Терней мы прибыли в 4 часа дня, а через час прибыли и охотники за пчелами и принесли с собой 9 кг хорошего сотового меда. Вечером казаки ловили рыбу в реке. Кроме горбуши, в неводок попало несколько голянов, мясо которых имело горьковатый привкус.

Здесь мы расстались с П.П. Бордаковым. Он тоже решил возвратиться в Джигит с намерением догнать Н.А. Десулави и с ним доехать до Владивостока. Жаль мне было терять хорошего товарища, но ничего не поделаешь. Мы расстались искренними друзьями. На другой день П.П. Бордаков отправился обратно, а еще через сутки (3 августа) снялся с якоря и я со своим отрядом.

На реке Санхобе мы опять встретились с начальником охотничьей дружины Чжан Бао и провели вместе целый день. Оказалось, что многое из того, что случилось с нами в прошлом году на Имане, ему было известно. От него я узнал, что зимой он ходил разбирать спорный земельный вопрос между тазами и китайцами, а весной был на реке Ното, где уничтожил шайку хунхузов.

Я чрезвычайно обрадовался, когда услышал, что он хочет идти со мной на север. Это было вдвойне выгодно. Во-первых, потому, что он хорошо знал географию прибрежного района; во-вторых, его авторитет среди китайцев и влияние на туземцев значительно способствовали выполнению моих заданий.

Небольшая речка Бея¹⁴ (по-удэгейски Иеля), по которой я пошел от бухты Терней, впадает в Санхобе в 2 км от устья. Она длиной около 12 км и течет по заболоченной долине, расположенной параллельно берегу моря. С правой стороны ее тянутся пологие увалы, с левой – скалистые сопки, состоящие из кварцевого порфира, диабазы и диорита.

В истоках Бея поворачивает на восток и доходит почти до самого моря. Тропа проложена китайцами по увалам с правой стороны долины. Окрестные горы, о которых идет здесь речь, покрыты весьма редким лесом, состоящим преимущественно из клена, бархата, ореха, липы и черной березы. По берегам речки густо растут ивняк и ольха. Открытые места

---

¹⁴ Бэй-я – северное разветвление.

заросли леспедцей, таволожником, шиповником и калиной. Внизу, по низинам, – царство тростника, подмаренника и полыни. Местами эти травы положительно глушат все другие растения. Только полевой горошек, пользуясь способностью цепляться за них, мог еще оспаривать свое право на существование.

Следуя за рекой, тропа уклоняется на восток, но не доходит до истоков, а поворачивает опять на север и взбирается на перевал Кудя-Лин¹⁵, высота которого определяется в 260 м. Подъем на него с юга и спуск на противоположную сторону – крутые. Куполообразную гору с левой стороны перевала китайцы называют Цзун-ган-шань¹⁶. Она состоит главным образом из авгитового андезита.

За перевалом мы нашли маленькую горную речку Кудя-хе¹⁷, которая на морских картах называется Кудия, а у тазов – Кудя-Бязани. Она не имеет выхода в море: устье ее занесено песком и галькой. Вследствие этого здесь образовалась болотина. По словам тазов, это лучшие солонцы во всем прибрежном районе. Действительно, около болота виднелось множество звериных следов. От моря Кудя-хе отделяется высокими скалистыми горами, покрытыми с подветренной стороны хвойным лесом. В зоогеографическом отношении это очень интересное место. Здесь проходит северная

---

¹⁵ Гу-цзя-лин – первая (или хребет) семьи Гу.

¹⁶ Цзунь-гань-шань – гора, от которой отходят главные дороги.

¹⁷ Гу-цзя-хе – речка семьи Гу.

граница распространения горалов.

Небольшие долинки, обставленные невысокими остроко-
нечными сопками, покрытые листовным редколесьем, весь-
ма удобны для поселений небольшими хуторами. Прибреж-
ные возвышенности состоят из фельзитовых порфири-
тов, поверх которых лежат слои вулканических туфов.

За рекой Кудя-хе тропа переваливает через небольшой
мысок и спускается в долину другой горной речки – Тавай-
зы¹⁸ (по-удэгейски Омуски) – длиной 7–8 км. Спуск в доли-
ну Тавайзы крутой, почти обрывистый. Еще один перевал, и
мы попали в великолепную плодородную долину небольшой
реки Адимил, которая на картах обозначена Акмой и кото-
рую удэгейцы называют Агама. Собственно говоря, здесь две
речки сходятся вместе в одном километре от моря. При устье
их углубление береговой линии образовало небольшую весь-
ма живописную бухточку. Здесь мы нашли хорошенькую ки-
тайскую фанзу с названием Дун-Тавайза¹⁹. От бухты Терней
до этого места 27 км. Из фанзы навстречу нам вышли 2 ки-
тайца. Они приняли мулов от людей, помогли нам раздеться
и пригласили к себе в жилище. Более радушного приема я
нигде не встречал. У этих китайцев не было и тени раболеп-
ства – они просто были гостеприимны и караулили каждое
наше желание. Впоследствии от староверов я слышал о них
именно такие же отзывы. Где они теперь? Один из них был

---

¹⁸ Да-вай-цзы – большой заливчик.

¹⁹ Дун-да-вай-цзы – восточная большая бухточка.

старик; быть может, его теперь уже нет в живых. Во всяком случае, у всех нас об этих людях сохранились самые хорошие воспоминания. Здесь было так хорошо и уютно, жизнь китайцев казалась такой тихой и мирной, что я решил остаться у них на дневку. Вечером, сидя у жаровни с угольями, я пил чай с солеными лепешками и расспрашивал старика о путях, ведущих на север.

Река Фату (по-удэгейски Фарту) впадает в Санхобе с левой стороны, в однодневном пути от устья, и течет с северо-востока параллельно берегу моря. Горный хребет, отделяющий бассейн ее от речек, текущих непосредственно в море, имеет в среднем высоту 600 м. Следующая большая река, которая берет начало с Сихотэ-Алиня, будет Билимбе, впадающая в море около горы Железняк, немного южнее мыса Шанца.

Я рассчитывал часть людей и мулов направить по тропе вдоль берега моря, а сам с Чжан Бао, Дерсу и тремя стрелками пойти по реке Адимил к ее истокам, затем подняться по реке Билимбе до Сихотэ-Алиня и обратно спуститься по ней же к морю.

Утром 4 августа мы стали собираться в путь. Китайцы не отпустили нас до тех пор, пока не накормили как следует. Мало того, они щедро снабдили нас на дорогу продовольствием. Я хотел было рассчитаться с ними, но они наотрез отказались от денег. Тогда я положил им деньги на стол. Они тихонько передали их стрелкам. Я тоже тихонько положил

деньги под посуду. Китайцы заметили это и, когда мы выходили из фанзы, побросали их под ноги мулам. Пришлось уступить и взять деньги обратно.

Река Адимил в верховьях слагается из двух ручьев, текущих навстречу друг другу. Километров в пяти от земледельческой фанзы находится другая, лудевая фанза, в которой живут три китайца-охотника, занимающиеся ловлей оленей ямами.

В долине реки Адимил произрастают лиственные леса дровяного и поделочного характера; в горах всюду видны следы пожарищ. На релках и по увалам – густые заросли таволги, орешника и леспедецы. Дальше в горах есть немного кедра и пихты. Широкие полосы гальки по сторонам реки и измочаленный колодник в русле указывают на то, что хотя здесь больших наводнений и не бывает, но все же в дождливое время года вода идет очень стремительно и сильно размывает берега.

Та к как отряд выступил от фанзы Дун-Тавайза довольно поздно, то пришлось идти почти до сумерек. К вечеру мы дошли до истоков Адимила и стали биваком близ перевала на реку Фату. В этот день погода стояла хотя пасмурная и туманная, но было душно и сильно парило. Я опасался дождя и спросил мнения Дерсу насчет погоды. Он сказал, что сейчас состояние погоды таково, что «туман сам еще не знает, превратиться ему в тучи или рассеяться». Сказал это он по-своему и опять назвал туман «люди». У него это вышло так,

как будто туман рассуждал, превратиться ли ему в дождь или подождать немного.

В 7 часов вечера вдруг туман быстро начал подниматься кверху. Одновременно с этим стал накрапывать дождь, который через 15 минут перестал, а вместе с ним рассеялся и туман. На небе выглянули звезды.

Наутро мы проснулись довольно рано, напились чаю и стали подниматься на гору Тигровую (595 м), сплошь покрытую осыпями.

Надо сказать, что в прибрежном районе осыпи больше развиты, чем к западу от Сихотэ-Алиня. Одни из них состоят из обломков в метр величиною, другие – из камней с конскую голову, третьи – с голову человека. Обломки в большинстве случаев угловатые и так плотно уложены, что по ним свободно можно идти, как по лестнице. Осыпи древнего происхождения всегда скрыты под мощным покровом растительности. Впрочем, мне часто приходилось видеть старые осыпи, покрытые одними только лишайниками. Они чаще всего располагаются по вершине гор и издали кажутся серыми пятнами. Иногда осыпи эти занимают большую часть горы. Тогда, наоборот, участки с растительностью на общем сером фоне осыпей кажутся зелеными пятнами.

Как произошли осыпи? Кажется, будто здесь были землетрясения и целые утесы распались на обломки. На самом деле это работа медленная, вековая и незаметная для глаза. Сначала в каменной породе появляются трещины; они уве-

личиваются в размерах, сила сцепления уступает силе тяжести, один за другим камни обрываются, падают, и мало-помалу на месте прежней скалы получается осыпь. Обломки скатываются вниз до тех пор, пока какое-либо препятствие их не задержит.

Движение по осыпям, покрытым мхом, всегда довольно затруднительно: то ставишь ногу на ребро, то попадаешь в щели между камнями. Внизу осыпи покрыты землей и травой настолько густо, что их не замечаешь вовсе, но по мере того как взбираешься выше, растительность постепенно исчезает.

Летом, в жаркие дни, багульник выделяет такое обилие эфирных масел, что у непривычного человека может вызвать обморочное состояние. За багульником идут мхи и лишайники. Осыпи для людей не составляют помехи, но для коней и мулов они являются серьезным препятствием. Приходится обходить их далеко стороною.

Поднявшись на хребет, мы повернули на север и некоторое время шли по его гребню. Теперь слева от нас была лесистая долина реки Фату, а справа – мелкие речки, текущие в море: Секуму, Одега Первая, Одега Вторая, Тания, Вязтыгни, Хотзе, Иеля и Шакира.

Вдоль берега моря проложена пешеходная тропа. Она пересекает все упомянутые речки в 3–5 км от их устьев. Твердый грунт тропы допускает движение вьючных обозов. Перевалы через горные отроги между речками не превышают

125 м.

На всем протяжении от реки Секуму до реки Шакиры в последовательном порядке располагаются следующие горные породы: известняки, известковые песчаники, граниты, гнейсы и кристаллические сланцы.

В 4 часа дня пошел дождь. Мы спустились с хребта и, как только нашли в ручье воду, тотчас стали биваком. Стрелки принялись развьючивать мулов, а мы с Дерсу по обыкновению отправились на разведку. Я пошел вверх, а он вниз по ключу.

Дождь в лесу – это двойной дождь. Каждый куст и каждое дерево при малейшем сотрясении обдают путника водой. В особенности много дождевой воды задерживается на листе леспедецы. Через 5 минут я был таким же мокрым, как если бы окунулся с головой в реку.

Я хотел было уже повернуть назад, как вдруг увидел какое-то странное животное. Оно спускалось с дерева на землю. Я прицелился и выстрелил. Животное стало биться на земле. Вторым выстрелом я прекратил его мучения. Это оказалась дикая кошка (по-китайски елиза). Меня поразили ее размеры. Сначала я думал, что это рысь, но отсутствие кисточек на ушах и длинный хвост убедили меня, что это кошка. Длина ее равнялась одному метру 9 сантиметрам; окраска – буровато-желтовато-серая с едва заметными пятнами по всему телу, брюхо и внутренняя сторона ног – грязновато-белые. Хвост короче, чем у домашней кошки, и не имеет попе-

речных темных полос. От домашней кошки она отличается не только своими крупными размерами, но и другими признаками: более сильными зубами, длинными усами и густой шерстью.

Дикая кошка ведет одинокий образ жизни и держится в густых сумрачных лесах, где есть скалистые утесы и дуплистые деревья. Это весьма осторожное и трусливое животное становится способным на яростное нападение при самозащите. Охотники делали опыты приручения молодых котят, но всегда неудачно. Удэгейцы говорят, что котята дикой кошки, даже будучи взяты совсем малыми, никогда не ручнеют.

Специально за дикой кошкой никто не охотится, и убой ее – дело случайное. Местные китайцы из кошачьего меха делают зимние воротники и шапки.

В Уссурийском крае дикая кошка распространена повсеместно, но чаще встречается около Владивостока – на Русском острове.

Забрав свой трофей, я возвратился на бивак. Там все уже было в сборе, палатки поставлены, горели костры, варился ужин. Вскоре возвратился и Дерсу. Он сообщил, что видел несколько свежих тигриных следов и одни из них недалеко от нашего бивака.

В 8 часов вечера дождь перестал, хотя небо было по-прежнему хмурое. До полуночи вызвался караулить Дерсу. Он надел унты, подправил костер и, став спиной к огню, стал что-

то по-своему громко кричать в лес.

– Кому ты кричишь, с кем говоришь? – спросили его стрелки.

– Амба, – отвечал он. – Моя говори ему: на биваке много солдат есть. Солдаты стреляй, тогда моя виноват нету.

И он опять принялся кричать протяжно и громко: «А-та-та-ай, а-та-та-ай». Ему вторило эхо, словно кто перекликался в лесу, повторяя на разные голоса последний слог – «ай». Крики уносились все дальше и дальше и замирали вдали.

Вдруг какой-то сильный шум, похожий на стрекотание, окружил нас. Что-то больно ударило меня в лицо, и в то же время я почувствовал посторонний предмет у себя на шее. Я быстро поднял руку и схватил что-то жесткое, колючее и испуганно сбросил на землю. Это был огромных размеров жук, похожий на оленя, но только без рогов. Другого такого жука я смахнул с руки и вдруг увидел еще 3 жуков у себя на рубашке и 2 на одеяле. Их было много. Они ползали около костра и падали в горящие уголья. Особенно страшными казались те, что летали и старались сесть на голову. Я вскочил с постели и отбежал в сторону. Жуки долго еще попадались то на одеяле, то на шинели, то у кого-нибудь в сумке, то в головном уборе.

Дерсу объяснил:

– Моя раньше такой люди, – он указал на жука, – много посмотри нету; один-один каждый год найди... Как его там много собрался?

Я поймал одного жука и позже узнал его научное название – гигантский усач. Он является представителем фауны, оставшейся в Уссурийском крае в наследие от третичного периода. Жук был коричневого цвета, с пушком на спине, с сильными челюстями, загнутыми кверху, и очень напоминал жука-дровосека, только усы у него были покороче. Длина тела его равнялась 9,5 сантиметра, а ширина – 3 сантиметрам.

Небольшие глаза треугольной формы были расположены по сторонам головы; они были темного цвета и как бы прикрыты мелкой сеткой.

Долго мы провозились с жуками и успокоились только после полуночи.

Глава 5

Наводнение

Река Билимбе. – Плохие приметы. – Чертово место. Ночная тревога. – Сихотэ-Алинь. – Непогода. – Зверовая фанза. – Тайфун. – Трехдневный ливень. – Разбушевавшиеся стихии. – Затопленный лес.

На другой день мы продолжали наш путь далее на север по хребту и часов в 10 утра дошли до горы Острой высотой 678 м. Осмотревшись, мы спустились в один из ключиков, который привел нас к реке Билимбе.

Погода все эти дни стояла хмурая; несколько раз начинал моросить дождь; отдаленные горы были задернуты не то туманом, не то какою-то мглой. По небу, покрытому тучами, на восточном горизонте протянулись светлые полосы, и это давало надежду, что погода разгуляется.

Накормив мулов травой, мы пошли вверх по Билимбе, которую удэгейцы называют Били, а китайцы – Бинь-лян-бэй²⁰. Она длиной около 90 км и берет начало с Сихотэ-Алиня. Перевалов с Билимбе будет три: один влево (если стоять лицом к истокам), на реку Санхобе, другой вправо, на реку

---

²⁰ Бинь-лян-бэй – холодный, как каменотесный, памятник. Вероятно, сильно искаженное туземное слово.

Такему, и третий прямо, на Иман. Билимбе течет по сравнительно узкой долине и на всем протяжении принимает в себя только 4 более или менее значительных притока, по две с каждой стороны. Самый большой из них будет река Забытая. Она впадает в Билимбе слева (по течению), в 26 км от устья. Истоки ее находятся в горном узле, откуда берут начало реки Амагу и Кулумбе, о которых речь будет ниже.

В то время реку Билимбе можно было назвать пустынной. В нижней половине река шириной около 20 м, глубиной до 1,5 м и имеет скорость течения от 8 до 10 км в час. В верховьях реки есть несколько зверовых фанз. Китайцы приходили сюда в Санхобе зимой лишь на время соболевания. В этот день нам удалось пройти км тридцать; до Сихотэ-Алиня оставалось еще столько же.

Билимбе – царство растений. По обоим берегам реки лес растет так густо, что кажется, будто река течет в коридоре. Наклонившиеся деревья во многих местах перепутались ветвями и образовали живописные арки.

По берегам протоки растут кустарники, любящие свет и влагу. В собранном мною гербарии имеются: даурский шиповник, лишенный шипов, с опушенными мелкими листочками и цветами средней величины; розовая иволистая таволжка, образующая вместе с леспедецей густые заросли. Тут же можно было видеть серебристо-белые пушки ломоноса с мелкими листьями на длинных черешках, отходящих в сторону от стебля; крупный раскидистый гречишник, обладаю-

щий изумительной способностью приспосабливаться и процветать во всякой обстановке, изменяя иногда свой внешний вид до неузнаваемости; особый вид астры, растущей всегда быстро, и высокую веронику, выдающую себя большим ростом и соцветием из белых колосовидных кистей.

В 4 часа дня мы стали высматривать место для бивака. Здесь река делала большой изгиб. Наш берег был пологий, а противоположный – обрывистый. Тут мы и остановились. Стрелки принялись ставить палатки, а Дерсу взял котелок и пошел за водой. Через минуту он возвратился, крайне недовольный.

– Что случилось? – спросил я гольда.

– Моя думай, это место худое, – отвечал он на мой вопрос. – Моя река ходи, хочу вода бери – рыба ругается.

– Как ругается? – изумились солдаты и покатались со смеху.

– Чего ваша смеется? – сердился Дерсу. – Плакать скоро будете.

Наконец я узнал, в чем дело. В тот момент, когда он хотел зачерпнуть воды, из реки выставилась голова рыбы. Она смотрела на Дерсу и то открывала, то закрывала рот.

– Рыба тоже люди, – закончил Дерсу свой рассказ. – Его тоже могу говори, только тихо. Наша его понимай нету.

Только что чайник повесили над огнем, как вдруг один камень накалился и лопнул с такой силой, что разбросал угли во все стороны, точно ружейный выстрел. Один уголь попал

к Дерсу на колени.

– Тьфу! – сказал он в сердцах. – Моя хорошо понимай, это место худое.

Стрелки опять стали смеяться.

После ужина я взял ружье и пошел прогуляться вблизи бивака. Отойдя с полкилометра, я сел на бурелом и стал слушать. Кругом царила тишина, только вверху, на перекатах, глухо шумела вода. На противоположном берегу, как исполинские часовые, стояли могучие кедры. Они глядели сурово, точно им известна была какая-то тайна, которую во что бы то ни стало надо было скрыть от людей. После теплого дождя от земли стали подниматься тяжелые испарения. Они сгущались все более и более, и вскоре вся река утонула в тумане. Порой легкое дуновение ветерка приводило туман в движение, и тогда сквозь него неясно вырисовывались очертания противоположного берега, покрытого хвойным лесом.

В это время я увидел в тумане что-то громоздкое и большое. Оно двигалось по реке мне навстречу медленно и совершенно бесшумно. Я замер на месте, сердце мое усиленно забилося. Но я еще больше изумился, когда увидел, что темный предмет остановился, потом начал подаваться назад и через несколько минут так же таинственно исчез, как и появился. Был ли это зверь какой-нибудь, или это плыл бурелом по реке, не знаю. Сумерки, угрюмый лес, густой туман и главным образом эта мертвящая тишина создавали картину невыразимо жуткую и тоскливую. Мне стало страшно. Я

встал и поспешно пошел назад. Через 10 минут я подходил к биваку.

Люди двигались около огня и казались длинными привидениями. Они тянулись куда-то кверху, потом вдруг сокращались и припадали к земле. Я спросил Захарова, не проплывало ли мимо что-нибудь по реке. Он ответил отрицательно.

Тогда я рассказал им о видении и пробовал объяснить это явление игрой тумана.

– Гм, какое худое место, – услышал я голос Дерсу.

Я обернулся. Он сидел у огня и качал головой.

– Надо его гоняй, – сказал он и вслед за тем взялся за топор.

– Кого? – спросил я.

– Черта, – отвечал гольд самым серьезным образом.

Затем он пошел в лес и принялся рубить сырую ель, осину, сирень и т. п., то есть такие породы, которые трещат в огне. Когда дров набралось много, он сложил их в большой костер и поджег. Яркое пламя взвилось кверху, тысячи искр закружились в воздухе. Когда дрова достаточно обуглились, Дерсу с криками стал разбрасывать их во все стороны. Стрелки обрадовались случаю и прибежали ему помогать. Они крутили горящими головешками и бросали их кверху. Красивую картину представляет собой такая вертящаяся ракета, разбрасывающая во все стороны искры. Два полена упали в воду. Они сразу потухли, но долго еще дымились. Наконец костер

был уничтожен. Разбросанные в лесу головешки медленно гасли одна за другой. После этого мы принялись за чаепитие, а затем стали укладываться на ночь. Я хотел было почитать немного, но не мог бороться со сном и незаметно для себя заснул. Мне показалось, что спал долго. Вдруг я почувствовал, что кто-то трясет меня за плечо.

– Вставайте скорее!

– Что случилось? – спросил я и открыл глаза.

Было темно – темнее, чем раньше. Густой туман, точно вата, лежал по всему лесу. Моросило.

– Какой-то зверь с того берега в воду прыгнул, – ответил испуганно караульный.

Я вскочил на ноги и взял ружье. Через минуту я услышал, как кто-то действительно вышел из воды на берег и сильно встряхивался. В это время ко мне подошли Дерсу и Чжан Бао. Мы стали спиной к огню и старались рассмотреть, что делается на реке, но туман был такой густой и ночь так темна, что в двух шагах решительно ничего не было видно.

– Ходи есть, – тихо сказал Дерсу.

Действительно, кто-то тихонько шел по гальке. Через минуту мы слышали, как зверь опять встряхнулся. Должно быть, животное услышало нас и остановилось. Я взглянул на мулов. Они жались друг к другу и, насторожив уши, смотрели по направлению к реке. Собаки тоже выражали беспокойство. Альпа забилась в самый угол палатки и дрожала, а Леший поджал хвост, прижал уши и боязливо поглядывал

по сторонам.

Но вот опять стала бренчать галька.

Я велел разбудить остальных людей и выстрелил. Звук моего выстрела всколыхнул сонный воздух. Гулкое эхо подхватило его и далеко разнесло по лесу. Послышалось быстрое бренчанье гальки и всплеск воды в реке. Испуганные собаки сорвались со своих мест и подняли лай.

– Кто это был? – обратился я к гольду. – Изюбр?

Он отрицательно покачал головой.

– Может быть, медведь?

– Нет, – отвечал Дерсу.

– Та к кто же? – спросил я нетерпеливо.

– Не знаю, – ответил он. – Ночь кончай, след посмотри, тогда понимай.

После переполоха сна как не бывало. Все говорили, все высказывали свои догадки и постоянно обращались к Дерсу с расспросами. Гольд говорил, что это не мог быть изюбр, потому что он сильнее стучит копытами по гальке; это не мог быть и медведь, потому что он пыхтел бы.

Посидели мы еще немного и наконец стали дремать. Остаток ночи взялись окарауливать я и Чжан Бао. Через полчаса все уже опять спали крепким сном, как будто ничего и не случилось.

Наконец появились предрассветные сумерки. Туман сделался серовато-синим и хмурым. Деревья, кусты и трава на земле покрылись каплями росы. Угрюмый лес дремал. Река

казалась неподвижной и сонной. Тогда я залез в свой комарник и крепко заснул.

Проснулся я в 8 часов утра. По-прежнему моросило. Дерсу ходил на разведку, но ничего не нашел. Животное, подхитившее ночью к нашему биваку, после выстрела бросилось назад через реку. Если бы на отмели был песок, можно было бы увидеть его следы. Теперь остались для нас только одни предположения. Если это был не лось, не изюбр и не медведь, то, вероятно, тигр.

Но у Дерсу на этот счет были свои соображения:

– Рыба говори, камень стреляй, тебе, капитан, в тумане худо посмотри, ночью какой-то худой люди ходи... Моя думай, в этом месте черт живи. Другой раз тут моя спи не хочу!

Часов в 9 утра мы снялись с бивака и пошли вверх по реке Билимбе. Погода не изменилась к лучшему. Деревья словно плакали: с ветвей их на землю все время падали крупные капли, даже стволы были мокрые.

Чем дальше, тем долина становилась все у же и у же. На пути нам повстречалось несколько пустых зверовых фанз. В них я увидел только то, что заметил бы и всякий другой наблюдатель, но Дерсу увидел еще многое другое. Так, например, осматривая ножи, он сказал, что у человека нож был тупой и что он, когда резал их, то за один край держал зубами. Беличья шкурка, брошенная звероловами, рассказала ему, что животное было задавлено бревном. В третьем месте Дерсу увидел, что в фанзе было много мышей и хозяин ее

вел немилосердную войну с ними, и т.д.

Мы немного задержались в последней фанзе и только к полудню достигли верховьев реки. Тропа давно кончилась, и мы шли некоторое время целиной, часто переходя с одного берега реки на другой.

По мере приближения к Сихотэ-Алиню лес становился гуще и больше был завален колодником. Дуб, тополь и липа остались позади, и место черной березы заняла белая.

Под ногами появились мхи, на которых обильно произрастали плаун, папоротник, мелкая лесная осока и заячья кислица.

В верховьях река Билимбе разбивается на две речки. Если пойти по правой, то можно перевалить на реку Кулумбе (верхний приток Имана), если же идти по левой (к северо-западу), то выйдешь в один из верхних притоков реки Арму. Мы пошли по правой речке, которая скоро привела нас к подножию Сихотэ-Алиня. Теперь Билимбе имела вид горного ручья с руслом, заваленным большими камнями. Вода маленькими струйками сбегала по ним вниз, пряталась в траве и вдруг неожиданно вновь появлялась где-нибудь в стороне около бурелома.

Подъем на перевал со стороны моря довольно крутой. В этих местах гребень Сихотэ-Алиня голый. Не без труда взобрались мы на Хребет. Я хотел остановиться здесь и осмотреться, но за туманом ничего не было видно. Дав отдохнуть мулам, мы тронулись дальше. Редкий замшистый хвойный

лес, заросли багульника и густой ковер мхов покрывают западные склоны Сихотэ-Алиня.

Спустившись немного с водораздела, мы стали биваком у первого же попавшегося ручья.

К вечеру погода не изменилась: земля по-прежнему, словно саваном, была покрыта густым туманом. Этот туман с изморосью начинал надоедать. Идти по лесу в такую погоду все равно что во время дождя: каждый куст, каждое дерево, которые нечаянно задеваешь плечом, обдают тысячами крупных капель.

После ужина, протерев ружья, стрелки сейчас же легли спать. Я хотел было заняться съемками, но работа у меня как-то не клеилась. Я завернулся в бурку, лег к огню и тоже уснул.

Следующий день был посвящен осмотру западных склонов Сихотэ-Алиня. Здесь нет настоящих горных ручьев. Вода бесшумно просачивается под мхом. Речки текут спокойно среди невысоких берегов, заросших елью, пихтой, лиственницей и ольхой.

Я хотел спуститься по реке Кулумбе до того места, где в прошлом году нашел удэгейцев, но Дерсу и Чжан Бао не советовали уходить далеко от водораздела. Они говорили, что надо ждать сильных дождей, и в подтверждение своих слов указывали на небо. Теперь туман поднялся выше и имел вид дождевых туч. Оба моих проводника объяснили мне, что, если во время штиля туман вдруг перестает моросить и начи-

нает подниматься кверху и если при этом раскатистое эхо исчезает, надо ждать весьма сильного дождя. Действительно, все эти дни земля точно старалась покрыться туманом, спрятаться от чего-то угрожающего, и вдруг туман изменил ей и, как бы войдя в соглашение с небом, отошел в сторону, предоставляя небесным стихиям разделаться с землей по своему усмотрению.

Чжан Бао советовал вернуться назад, на Билимбе, и постараться дойти до зверовых фанз. Совет его был весьма резонным, и потому мы в тот же день пошли обратно. Еще утром на перевале красовалось облако тумана. Теперь вместо него через хребет ползли тяжелые тучи. Дерсу и Чжан Бао шли впереди. Они часто поглядывали на небо и о чем-то говорили между собой. По опыту я знал, что Дерсу редко ошибается, и если он беспокоится, то, значит, тому есть серьезные основания.

В 4 часа дня мы дошли до первой зверовой фанзы. Вдруг опять появился туман, и такой густой, что, казалось, чтобы пройти сквозь него, нужно употребить усилие. Дерсу выстрелил в воздух. Гулкое эхо с перекатами разнеслось по лесу. После этого я совсем запутался в метеорологии и попросил у Дерсу объяснений. Он остался доволен. По его словам выходило, что повторное появление тумана с изморосью и гулкое эхо указывали на то, что дождь отодвигается по крайней мере до рассвета. Значит, можно идти дальше. Мы пошли скорее и к сумеркам добрались до второй фанзы. Она была

уютнее и больше размерами.

В несколько минут фанза была приведена в жилой вид. Разбросанное имущество мы сложили в один угол, подмели пол и затопили печь. Из-за тумана, а может быть и оттого, что печь давно уже не топилась, в трубе не было тяги, и вся фанза наполнилась дымом. Пришлось прогревать печь горячими углями. Только вечером, когда было уже совсем темно, тяга установилась и каны стали нагреваться. Стрелки развели снаружи большой костер, готовили чай и что-то со смехом рассказывали друг другу. У другого огня сидели Дерсу и Чжан Бао. Оба они молчали и курили трубки. Посоветовавшись с ними, я решил, что, если завтра большого дождя не будет, пойдем дальше. Надо было во что бы то ни стало пройти «щеки», иначе, если станет прибывать вода в реке, мы будем вынуждены совершить большой обход через скалистые сопки Онку и Джугдыни, что по-удэгейски значит «Чертово жилище».

Ночь прошла благополучно.

Было еще темно, когда всех нас разбудил Чжан Бао. Этот человек без часов ухитрился точно угадывать время. Спешно мы напились чаю и, не дожидаясь восхода солнца, тронулись в путь. Судя по времени, солнце давно взошло, но небо было серое и пасмурное. Горы тоже были окутаны не то туманом, не то дождевой пылью. Скоро начал накрапывать дождь, а вслед за тем к шуму дождя стал примешиваться еще какой-то шум. Это был ветер.

– Начинай есть, – сказал Дерсу, указывая на небо.

Действительно, сквозь разорвавшуюся завесу тумана совершенно явственно обозначилось движение облаков. Они быстро бежали к северо-западу. Мы очень скоро вымокли до последней нитки. Теперь нам было все равно. Дождь не мог явиться помехой. Чтобы не обходить утесы, мы спустились в реку и пошли по галечниковой отмели. Все были в бодром настроении духа; стрелки смеялись и толкали друг друга в воду. Наконец в 3 часа дня мы прошли теснины. Опасные места остались позади.

В лесу мы не страдали от ветра, но каждый раз, как только выходили на реку, начинали зябнуть. В 5 часов пополудни мы дошли до четвертой зверовой фанзы. Она была построена на берегу небольшой протоки с левой стороны реки. Перейдя реку вброд, мы стали устраиваться на ночь. Развьючив мулов, стрелки принялись таскать дрова и приводить фанзу в жилой вид.

Кому приходилось странствовать по тайге, тот знает, что значит во время непогоды найти зверовую фанзу. Во-первых, не надо заготавливать много дров, а во-вторых, фанза все же теплее, суше и надежнее, чем палатка. Пока стрелки возились около фанзы, я вместе с Чжан Бао поднялся на ближайшую сопку. Оттуда, сверху, можно было видеть, что делалось в долине реки Билимбе.

Сильный порывистый ветер клубами гнал с моря туман. Точно гигантские волны, катился он по земле и смешивался

в горах с дождевыми тучами.

В сумерки мы возвратились назад. В фанзе уже горел огонь. Я лег на кан, но долго не мог уснуть. Дождь хлестал по окнам; вверху, должно быть на крыше, хлопало корье; где-то завывал ветер, и не разберешь, шумел ли то дождь, или стонали озябшие кусты и деревья. Буря бушевала всю ночь.

Наутро, 10 августа, я проснулся от сильного шума. Не надо было выходить из фанзы, чтобы понять, в чем дело. Дождь лил как из ведра. Сильные порывы ветра сотрясали фанзу до основания.

Я спешно оделся и вышел наружу. В природе творилось что-то невероятное. И дождь, и туман, и тучи – все это перемешалось между собой. Огромные кедры качались из стороны в сторону, сердито шумели и словно жаловались на свою судьбу.

На берегу реки я заметил Дерсу. Он ходил и внимательно смотрел на воду.

– Ты что делаешь? – спросил я его.

– Камни смотрю: вода прибавляй, – отвечал он и стал ругать китайца, который построил фанзу так близко от реки.

Тут только я обратил внимание, что фанза действительно стояла на низком берегу и в случае наводнения могла быть легко затоплена.

Около полудня Дерсу и Чжан Бао, поговорив о чем-то между собою, пошли в лес. Накинув на себя дождевик, я пошел следом за ними и увидел их около той сопки, на которую

поднимался накануне. Они таскали дрова и складывали их в кучу. Меня удивило, почему они складывают их так далеко от фанзы. Я не стал мешать им и поднялся на горку. Напрасно я рассчитывал увидеть долину Билимбе: я ничего не видел, кроме дождя и тумана. Полосы дождя, точно волны, двигались по воздуху и проходили сквозь лес. Вслед за моментами затишья буря как будто хотела наверстать потерянное и неистовствовала еще сильнее.

Измокший и озябший, я возвратился в фанзу и послал Сабитова к Дерсу за дровами. Он возвратился и доложил, что Дерсу и Чжан Бао дров не дают. Зная, что Дерсу никогда ничего не делает зря, я пошел вместе со стрелками собирать дрова вверх по протоке.

Через 2 часа возвратились в фанзу Дерсу и Чжан Бао. На них не было сухой нитки. Они разделись и стали сушиться у огня.

Перед сумерками я еще раз сходил посмотреть на воду. Она прибывала медленно, и, по-видимому, до утра не было опасения, что река выйдет из берегов. Тем не менее я приказал уложить все имущество и заседлать мулов. Дерсу одобрил эту меру предосторожности. Вечером, когда стемнело, с сильным шумом хлынул страшный ливень. Стало жутко.

Вдруг в фанзе на мгновение все осветилось. Сверкнула яркая молния, и вслед за тем послышался резкий удар грома. Гулким эхом он широко прокатился по всему небу. Мулы стали рваться на привязи, собаки подняли вой.

Дерсу не спал, он лежал на кане и прислушивался к тому, что происходило снаружи. Чжан Бао сидел у дверей и время от времени перебрасывался с ним короткими фразами. Я что-то сказал, но Чжан Бао сделал мне знак молчать. Затаив дыхание, я стал тоже слушать. Ухо мое уловило за стеной слабый звук, похожий на журчанье. Дерсу вскочил со своего места и быстро выбежал из фанзы. Через минуту он вернулся и сообщил, что надо скорее будить людей, так как река вышла из берегов и вода кругом обходит фанзу. Стрелки вскочили и быстро стали одеваться. При этом Туртыгин и Калиновский перепутали обувь и начали смеяться.

– Чего смеетесь? – закричал сердито Дерсу. – Скоро будете плакать.

Пока мы обувались, вода успела просочиться сквозь стену и залила очаг. Угли в нем зашипели и погасли. Чжан Бао зажег смолье. При свете его мы собрали свои постели и пошли к мулам. Они стояли уже по колено в воде и испуганно озирались по сторонам. При свете бересты и смолья мы стали выючить коней – и было пора. За фанзой вода успела уже промыть глубокую протоку, и опоздай мы еще немного, то не переправились бы вовсе. Дерсу и Чжан Бао куда-то убежали, и я, признаться, испугался изрядно. Приказав людям держаться ближе друг к другу, я направился к той горке, на которую взбирался днем. Тьма, ветер и дождь встретили нас сразу, как только мы завернули за угол фанзы.

Ливень хлестал по лицу и не позволял открыть глаза. Не

было видно ни зги. В абсолютной тьме казалось, будто вместе с ветром неслись в бездну деревья, сопки и вода в реке и все это вместе с дождем образовывало одну сплошную, с чудовищной быстротой движущуюся массу.

Среди стрелков произошло замешательство.

В это время я увидел впереди небольшой огонек и догадался, что его разложили Дерсу и Чжан Бао. За фанзой образовалась глубокая протока. Я велел стрелкам держаться за мулов со стороны, противоположной течению. До костра было не больше полутора шагов, но, чтобы пройти их, потребовалось много времени. В темноте мы залезли в бурелом, запутались в кустах, потом опять попали в воду. Она быстро бежала вниз по долине, из чего я заключил, что к утру, вероятно, будет затоплен весь лес. Наконец мы добрались до сопки. Тут только я увидел, до какой степени были предусмотрительны Дерсу и Чжан Бао. Теперь только мне стало ясно, зачем они собирали дрова. На жердях были укреплены два куска кедрового корья. Под этой-то защитой они и развели огонь. Не теряя времени, мы стали ставить палатку. Высокая скала, у подножия которой мы расположились, защищала нас от ветра. О сне нечего было и думать. Долго мы сидели у огня и сушились, а погода бушевала все неистовее, шум реки становился все сильнее.

Наконец стало светать. При дневном свете мы не узнали того места, где была фанза: от нее не осталось и следа. Весь лес был в воде, вода подходила уже к нашему биваку, и по-

ра было позаботиться перенести его выше. С одного слова люди поняли, что надо делать. Одни принялись переносить палатки, другие – рубить хвою и устилать ею сырую землю. Дерсу и Чжан Бао опять принялись таскать дрова. Перенос бивака и заготовка дров длились часа полтора. В это время дождь как будто немного стих. Но это был только небольшой перерыв. Опять появился густой туман; он быстро поднялся кверху, и вслед за тем снова хлынул сильнейший ливень. Такого дождя я не помню ни до, ни после этого. Ближайшие горы и лес скрывались за стеной воды. Мы снова забились в палатки.

Вдруг раздались крики. Опасность появилась с той стороны, откуда мы ее вовсе не ожидали. По ущелью, при устье которого мы расположились, шла вода. На наше счастье, одна сторона распадка была глубже. Вода устремилась туда и очень скоро промыла глубокую рывину. Мы с Чжан Бао защищали огонь от дождя, а Дерсу и стрелки боролись с водой. Никто не думал о том, чтобы обсушиться, – хорошо, если удавалось согреться.

Порой сквозь туман было видно темное небо, покрытое тучами. Они шли совсем не в ту сторону, куда дул ветер, а к юго-западу.

– Худо, – говорил Дерсу, – скоро кончай нету.

По его словам, такой же тайфун был в 1895 году. Наводнение застало его на реке Даубихе, около урочища Анучино. Тогда на маленькой лодочке он спас заведующего почто-

во-телеграфной конторой, двух солдаток с детьми и четырех китайцев. Два дня и две ночи он разъезжал на оморочке и снимал людей с крыш домов и с деревьев. Сделав это доброе дело, Дерсу ушел из Анучина, не дожидаясь полного спада воды. Его потом хотели наградить, но никак не могли разыскать в тайге.

Перед сумерками мы все еще раз сбегали за дровами, дабы обеспечить себя на ночь.

Утром 12 августа, на рассвете, подул сильный северовосточный ветер, но скоро стих. Дождь лил по-прежнему без перерыва. Все страшно измучились и от усталости еле стояли на ногах. То надо было держать палатку, чтобы ее не сорвало ветром, то укрывать огонь, то таскать дрова. Ручей, бегущий по ущелью, доставлял нам немало хлопот. Вода часто прорывалась к палаткам; надо было устраивать плотины и отводить ее в сторону. Намокшие дрова горели плохо и сильно дымили. От бессонницы и от дыма у всех болели глаза. Ощущение было такое, как будто в них насыпали песок. Несчастные собаки лежали под скалой и не поднимали головы.

На реку было страшно смотреть. От быстро бегущей воды кружилась голова. Казалось, что берег с такой же быстротой двигался в противоположную сторону. Вся долина – от гор и до гор – была залита водой. Русло реки определялось только стремительным течением. По воде плыли мелкий мусор и крупные коряжины; они словно спасались бегством от то-

го ничем не поправимого несчастья, которое случилось там, где-то в горах. Подмытые в корнях лесные великаны падали в реку, увлекая за собой глыбы земли и растущий на ней молодняк. Тотчас этот бурелом подхватывался водой и уносился дальше. словно разъяренный зверь, река металась в своих берегах. Бешеными прыжками стремилась вода по долине. Там, где ее задерживал плавник, образовывались клубы желтой пены. По лужам прыгали пузыри. Они плыли по ветру, лопались и появлялись вновь.

Миновал еще один день. Вечером дождь пошел с новой силой. Вместе с тем усилился и ветер. Эту ночь мы провели в состоянии какой-то полудремоты. Один поднимался, а другие валялись с ног.

Природа словно хотела показать, до какой степени она способна обессилить человека в борьбе со стихиями. Та к прошла четвертая бурная ночь.

На рассвете то же, что и вчера. Невозможно разобрать, отчего происходит такой шум: от ветра, от дождя или от воды в реке. Часов в 9 утра ветер переменялся еще раз и подул с юго-востока. Стрелки забились в палатки и, прикрывшись шинелями, лежали неподвижно. У огня оставались только Дерсу и Чжан Бао, но и они, видимо, начали уставать. Что же касается меня, то я чувствовал себя совершенно разбитым. Мне не хотелось ни есть, ни пить, ни спать – мне просто хотелось лежать, не шевелиться. Около полудня небо как будто просветлело, но дождь не уменьшился.

Вдруг появились короткие, но сильные вихри. После каждого такого порыва наступал штиль. Вихри эти становились реже, но зато каждый последующий был сильнее предыдущего.

– Скоро кончай есть, – сказал Дерсу.

Слова старика сразу согнали с людей апатию. Все оживилось, поднялись на ноги. Дождь утратил постоянство и шел порывами, переходя то в ливень, то в изморось. Это вносило уже некоторое разнообразие и давало надежду на перемену погоды. В сумерки он начал заметно стихать и вечером прекратился совсем. Мало-помалу небо стало очищаться, кое-где проглянули звезды...

С каким удовольствием мы обсушились, напились чаю и легли на сухую подстилку. Это был настоящий отдых.

Глава 6

Возвращение к морю

Переправа через реку Билимбе. – Встреча с А.И. Мерзляковым. – Доставка продовольствия китайцами. – Устье реки Билимбе. – Олений хвост. – Птицы. – Тигр, убитый Дерсу. – Свечение моря.

На следующий день мы проснулись поздно. Сквозь разрывы в облаках виднелось солнце. Оно пряталось в тучах, точно не желало смотреть на землю и видеть, что натворил тайфун. Мутная вода шумящими каскадами сбегала с гор; листва на деревьях и трава на земле еще не успели обсохнуть и блестели как лакированные; в каплях воды отражалось солнце и переливалось всеми цветами радуги. Природа снова возвращалась к жизни. Тучи шли к востоку. Теперь буря свирепствовала где-нибудь у берегов Японии или южной оконечности острова Сахалин.

Весь этот день мы простояли на месте: сушили имущество и отдыхали. Человек скоро забывает невзгоды. Стрелки стали смеяться и подтрунивать друг над другом.

Вечерняя заря была багрово-красная, и сумерки длинные. В этот день мы улеглись спать рано. Нужно было отоспаться и за прошедшее, и на будущее.

Следующий день был 15 августа. Все поднялись рано, с зарей. На восточном горизонте темной полосой все еще лежали тучи. По моим расчетам, А.И. Мерзляков с другой частью отряда не мог уйти далеко. Наводнение должно было задержать его где-нибудь около реки Билимбе. Для того чтобы соединиться с ним, следовало переправиться на правый берег реки. Сделать это надо было как можно скорее, потому что ниже в реке воды будет больше и переправа труднее.

Для исполнения этого плана мы пошли сначала вниз по долине, но вскоре должны были остановиться: река подмывала скалы. Вода несла сюда много бурелома и сложила его в большую плотину. По ту сторону виднелся небольшой холмик, не покрытый водою. Надо было обследовать это место. Первым перешел Чжан Бао. По пояс в воде, с палкой в руках он бродил около противоположного берега и ощупывал дно. Исследования показали, что река здесь разбивается на два рукава, находящиеся один от другого на расстоянии 30 м. Второй рукав был шире и глубже первого и не был занесен плавником. Шестом достать дна нельзя было, потому что течение относило его в сторону. Дерсу и Чжан Бао принялись рубить большой тополь. Скоро на помощь им пришли стрелки с поперечной пилой. Стоя больше чем по колено в воде, они работали очень усердно. Через 15 минут дерево затрещало и с грохотом упало в воду. Комель тополя сначала было подался вниз по течению, но вскоре за что-то зацепился, и дерево осталось на месте. По этому мосту мы перешли через

вторую протоку. Оставалось пройти затопленным лесом еще метров пятьдесят.

Убедившись, что больше проток нет, мы вернулись назад.

Люди перейдут, имущество и седла тоже можно перенести, но как быть с мулами? Если их пустить вплавь, то силой течения их снесет под бурелом раньше, чем они достигнут противоположного берега. Тогда решено было переправить их на веревке. Выбрав самый крепкий недоуздок, мы привязали к нему веревку и перетаскивали конец ее через завалы. Когда все было готово, первого мула осторожно спустили в реку. В мутной воде он оступился и окунулся с головой. Сильное течение тотчас подхватило его и понесло к завалу. Вода пошла через голову мула. Бедное животное оскалило зубы и начало задыхаться. В этот момент его подтащили к берегу.

Первый опыт был не совсем удачен. Тогда мы выбрали другое место, где спуск к реке был пологий. Тут дело пошло успешнее.

Немало трудностей доставил нам переход по затопленному лесу. В наносной илистой почве мулы вязли, падали и выбивались из сил. Только к сумеркам нам удалось подойти к горам с правой стороны долины. Вьючные животные страшно измучились, но еще больше устали люди. К усталости присоединился озноб, и мы долго не могли согреться.

Но самое главное было сделано: мы переправились через реку.

Когда стемнело, пошел дождь, мелкий и частый. Всю ночь

моросило.

От места нашей переправы через Билимбе до моря осталось еще километров сорок. Это расстояние мы прошли в два дня (16 и 17 августа) без всяких приключений. Как и надо было ожидать, чем ниже, тем воды в реке было больше. В тех местах, где маленькие распадки выходили в долину, около устья их была нагромождена масса песка и глины. Завалы эти надо исчислять тысячами тонн. И все это образовалось в течение каких-нибудь трех суток. Кое-где вода промыла глубокие овраги, по сторонам их произошли огромные оползни, но от обвалившейся земли не осталось и следа – бешеный поток все унес и разметал по долине. Маленькие, ничтожные ручейки превратились теперь в бурные многоводные потоки, переправа через которые отняла у нас много времени. Волей-неволей пришлось придерживаться возвышенного края долины, следуя всем ее изгибам.

По мере того как мы приближались к морю, лес становился хуже и однообразнее. Иногда встречались группами береза и лиственница, клен, липа и дуб дровяного характера.

Около речки на галечниковых наносах в изобилии растут: корзиночная ива и пирамидальная ива, из ствола которой туземцы выдалбливают челноки. Среди ивняков на затопляемой гальке мы видим особое сообщество растений. Чаще всего (и в данном случае) здесь можно видеть: довольно высокую охотскую хохлатку с мелкими желтыми цветами, нежные розовые цветы донтостемона, у которого и стебель, и

верхние листья покрыты тонким пушком, и цепляющийся за ивняки схизопепон переступенелистый с выемчатыми сердцевидными листьями; затем звездчатку водяную с характерными для нее бледной листвой и узловатым стебельком и пышный белокопытник, образующий большие заросли громадных жирных листьев, напоминающих лопасти рогов сохатого.

Недолго нас баловала хорошая погода. Вечером 16 августа опять появился туман и опять начало моросить. Эта изморось продолжалась всю ночь и весь следующий день. Мы шли целый день чуть ли не по колено в воде. Наконец начало темнеть, и я уже терял надежду дойти сегодня до устья Билимбе, как вдруг услышал шум моря. Оказалось, что в тумане мы внезапно вышли на берег и заметили это только тогда, когда у ног своих увидели окатанную гальку и белую пену прибойных волн. Я хотел было идти налево, но Дерсу советовал повернуть направо. Свои соображения он основал на том, что видел на песке человеческие следы. Они шли от реки Шакиры к Билимбе и обратно. Поэтому гольд и заключил, что бивак А.И. Мерзлякова был в правой стороне.

Я сделал два выстрела в воздух, и тотчас же со стороны реки Шакиры последовал ответ. Через несколько минут мы были у своих. Начались обоюдные расспросы: с кем что случилось и кто что видел?

Вечером мы долго сидели у костра и делились впечатлениями.

Странно устроен человек... Бивак этот ничем не отличался от других биваков. Та к же он был под открытым небом, так же около односкатной палатки горел костер, так же кругом было мокро и сыро, но тем не менее все чувствовали себя так, как будто вернулись домой.

Часов в девять вечера прошел короткий, но сильный дождь, после которого туман сразу исчез и мы увидели красивое звездное небо. И это небо, по которому широкой полосой протянулся Млечный Путь, и темный океан, в котором разом отражались все светила небесные, одинаково казались беспредельно глубокими.

Ночью было холодно. Стрелки часто вставали и грелись у огня. На рассвете термометр показывал $+7^{\circ}\text{C}$. Когда солнышко пригрело землю, все снова уснули и проспали до 9 часов утра.

Переправляться через Билимбе, пока не спадет вода, нечего было и думать. Нет худа без добра. Мы все нуждались в отдыхе; у мулов был измученный вид; надо было починить одежду и обувь, справить седла, почистить ружья. Кроме того, у нас начали иссякать запасы продовольствия.

Я решил заняться охотой, послал двух стрелков к китайцам на реку Адимил за покупками. За последние пять дней я запустил свою работу, и нужно было заполнить пробелы.

Стрелки Сабитов и Аринин стали собираться в дорогу, а я отправился на реку Билимбе, чтобы посмотреть, насколько спала вода за ночь. Не успел я отойти и ста шагов, как меня

окликнули. Я возвратился назад и увидел подходящих к биваку двух китайцев с вьючными конями. Это были рабочие из фанзы Дун-Тавайза, куда я хотел посылать за продовольствием. Китайцы сказали, что хозяева их, зная, что перейти теперь через Билимбе нам не удастся, решили послать 4 кулька муки, 10 кг свиного сала, 16 кг риса, 4 кг бобового масла, 4 кг сахара и плитку кирпичного чая. При этом они заявили, что им воспрещено брать с нас деньги. Я был тронут таким вниманием китайцев и предложил им подарки, но они отказались их принять.

Китайцы остались у нас ночевать. От них я узнал, что большое наводнение было на реке Иодзыхе, где утонуло несколько человек. На реке Санхобе снесло водой несколько фанз; с людьми несчастий не было, но зато там погибло много лошадей и рогатого скота.

На другой день китайцы, уходя, сказали, что если у нас опять не хватит продовольствия, то чтобы приходили к ним без стеснения.

Отпустив их, мы с А.И. Мерзляковым пошли к устью Билимбе. Море имело необыкновенный вид, на расстоянии двух или трех километров от берега оно было грязно-желтого цвета, и по всему этому пространству плавало множество буреломного леса. Издали этот плавник казался лодками, парусами, шаландами и т.д. Некоторые деревья были еще с зеленой листвой. Как только переменился ветер, плавник погнало обратно к берегу. Море стало выбрасывать назад все

лишнее, все мертвое и все, что чуждо было его свободной и живой стихии.

Устье Билимбе находится около горы Железняк (460 м), состоящей из кварцевого порфирита, прорезанного в разных местах жилами глубинной зеленокаменной породы, дающей при разрушении охристо-желтый дресвяник. Недалеко от устья, с левой стороны реки, высится небольшая береговая терраса с основанием из мелкозернистого туфа, а с правой расстилается заболоченная низина. Раньше здесь проходила река Билимбе. Устье ее было в том месте, где теперь находится река Шакира. Со временем морским прибоем заметало старое русло; тогда река проложила себе выход в море около горы Железняк.

В нижнем течении Билимбе в малую воду имеет ширину 25 м. Желтая, грязная вода шла сильной струей, и казалось, будто и в море еще продолжала течь Билимбе.

Продукты разрушения горы в виде мелкого песка, выносимого рекою, отлагаются там, где течение пресной воды ослабляется морским прибоем, поэтому около устья Билимбе образовалась полоса мелководья – бар, которая, как барьером, преграждает доступ к реке.

С 19 по 21 августа мы простояли на месте. Стрелки по очереди ходили на охоту, и очень удачно. Они убили козулю и двух кабанов, а Дерсу убил оленя. Из голеней и берцовых костей изюбра он вынул костный жир, подогрел его немного на огне и слил в баночку. Жир этот у туземцев предназна-

ется для смазки ружей. После кипячения он остается жидким и не застывает на морозе.

Вечером Дерсу угостил меня оленим хвостом. Он насадил его на палочку и стал жарить на углях, не снимая кожи. Олений хвост (по-китайски лу-иба) представляет собой небольшой мешок, внутри которого проходит тонкий стержень. Все остальное пространство наполнено буровато-белой массой, по вкусу напоминающей не то мозги, не то печенку. Китайцы ценят олений хвост как гастрономическое лакомство.

Целые дни я проводил в палатке, вычерчивал маршруты, делал записи в дневниках и писал письма. В перерывах между этими занятиями я гулял на берегу моря и наблюдал птиц.

Один раз из болот, заросших тростниками, я выгнал камышевку. Отлетев немного, она сейчас же спустилась в осоку, и после, сколько ни искал ее, не мог уже найти вторично. Тут же были и кулики средней величины, с загнутыми кверху носами, должно быть улиты; вероятно, уже началось перекочевывание их к югу. По берегу моря, по песку, у самой воды, бегали грациозные кулички-песочники; они тоже готовились к перелету. В море на воде держались нырковые утки и белые и сизые чайки. Около устья Билимбе по воздуху с быстротой молнии носились какие-то темные длиннокрылые птички, похожие на ласточек. Я с трудом убил одну из них. Это оказался иглохвостый стриж. Около береговых обрывов можно было усмотреть каменных дроздов с темно-бу-

рой окраской, с белыми крапинками на спине. Они весьма подходили под цвет окружающей обстановки и ловко прятались в камнях.

В ручьях, среди кустарников, и в ямках с водой около реки держались чирки-клоктуны²¹.

Эти доверчивые и смирные утки при приближении человека не выказывали испуга и не улетали прочь, а старались лишь немного отплыть в сторону, точно так, как это делают домашние утки.

Вечером мы с Дерсу долго разговаривали об охоте, о зверях, о лесных пожарах и т.д. У него были интересные и тонкие наблюдения. Так, по его словам, лет двадцать назад две зимы подряд тигры двигались с запада на восток. Заметил это не он один, а также и другие охотники. Все тигриные следы шли в этом направлении. По его мнению, это был массовый переход тигров из Сунгарийского края в Сихотэ-Алинь. Затем он припомнил, что в 1886 году был общий падеж зверя. Летом гибли пятнистые олени, потом стали падать изюбры, а зимой – кабаны.

Раньше я несколько раз пытался расспрашивать Дерсу, при каких обстоятельствах он убил тигра, но гольд упорно отмалчивался или старался перевести разговор на другую тему, а сегодня мне удалось выпытать от него, как это случилось.

---

²¹ Определения иглохвостого стрижа и чирка-клоктуна сделаны С.А. Батурлиным.

Дело было на реке Фудзине в мае. Дерсу шел по долине среди дубового редколесья. При нем была маленькая собачонка. Сначала она весело бежала вперед, но потом стала выказывать признаки беспокойства.

Не видя ничего подозрительного, Дерсу решил, что собака боится медвежьего следа, и без опаски пошел дальше.

Но собака не унималась и жалась к нему так, что мешала идти. Оказалось, что поблизости был тигр. Увидев человека, он спрятался за дерево. По совершенной случайности вышло так, что Дерсу направился именно к тому же дереву.

Чем ближе подходил человек, тем больше прятался тигр; он совсем сжался в комок. Не замечая опасности, Дерсу толкнул собаку ногой, но в это время выскочил тигр. Сделав большой прыжок в сторону, он начал бить себя хвостом и яростно реветь.

– Что реवेशь? – закричал ему Дерсу. – Моя тебя трогай нету. Зачем сердиться?

Тогда тигр отпрыгнул на несколько шагов и остановился, продолжая реветь. Гольд опять закричал ему, чтобы он уходил прочь. Тигр сделал еще несколько прыжков и снова заревел.

Видя, что страшный зверь не хочет уходить, Дерсу крикнул ему:

– Ну, хорошо! Тебе ходи не хочу – моя стреляй, тогда виноват не буду.

Он поднял ружье и стал целиться, но в это время тигр пе-

рестал реветь и шагом пошел на увал в кусты. Надо было воздержаться от выстрела, но Дерсу не сделал этого. В тот момент, когда тигр был уже на вершине увала, Дерсу спустил курок. Тигр бросился в заросли. После этого Дерсу продолжал свой путь. Дня через четыре ему случилось возвращаться той же дорогой. Проходя около увала, он увидел на дереве трех ворон, из которых одна чистила нос о ветку.

«Неужели я убил тигра?!» – мелькнуло у него в голове.

Едва он перешел на другую сторону увала, как наткнулся на мертвого зверя. Весь бок у него был в червях. Дерсу сильно испугался. Ведь тигр уходил, зачем он стрелял?.. Дерсу убежал. С той поры мысль, что он напрасно убил тигра, не давала ему покоя. Она преследовала его повсюду. Ему казалось, что рано или поздно он поплатится за это и даже по ту сторону смерти должен дать ответ.

– Моя теперь шибко боится, – закончил он свой рассказ. – Раньше моя постоянно один ходи, ничего бойся нету, а теперь чего-чего посмотри – думай, след посмотри – думай, один тайга спи – думай...

Он замолчал и сосредоточенно стал смотреть на огонь. Я почувствовал усталость и пошел спать.

Дня через два вода в реке начала спадать, и можно было попытаться переправиться на другую ее сторону. Буреломный лес хотя и продолжал еще плыть, но не уносился в море, а застревал на बारे.

Приказ наступать назавтра обрадовал моих спутников.

Все стали суетиться, разбирать имущество и укладывать его по местам. После бури атмосфера пришла в равновесие и во всей природе воцарилось спокойствие. Особенно тихими были вечера. Ночи стали прохладными.

На следующий день, когда я проснулся, солнце было уже высоко. Мои спутники напились чаю и ждали только меня. Быстро я собрал свою постель, взял в карман кусок хлеба и, пока солдаты выючили мулов, пошел вместе с Дерсу, Чжан Бао и А.И. Мерзляковым к реке Билимбе.

Собаки тотчас переплыли на другую сторону, но, видя, что мы не переходим, вернулись обратно. Надо было поискать брод. С той и с другой стороны тянулись отмели. Одна из них была выше по течению, а другая ниже. Очевидно, брод шел наискось. Вода в реке стояла еще довольно высоко, и течение было быстрое. Положим, что лошади и люди могли бы переплыть, но как перетащить грузы? Оставалось только одно средство – сделать плот и на нем переправиться. Эта работа отняла у нас почти целый день. Часов в семь вечера мы закончили переправу, основательно устав и промокнув. Мулы, напуганные во время наводнения, сначала не хотели идти в воду. Дьяков переплыл с одним из них, и тогда остальные без всяких заминок пошли сзади. На другом берегу высилась большая терраса. Тут мы и остановились.

Когда на западе угасли последние отблески вечерней зари и все кругом погрузилось в ночной мрак, мы могли наблюдать весьма интересное явление из области электроме-

теорологии – свечение моря и в то же время исключительную яркость Млечного Пути. Море было тихое. Нигде ни единого всплеска. И вся обширная гладь воды как-то тускло светилась. Иногда вдруг разом вспыхивало все море, точно молния пробегала по всему океану. Вспышки эти исчезали в одном месте, появлялись в другом и замирали где-то на горизонте. На небе было так много звезд, что оно казалось одной сплошной туманностью; из всей этой массы особенно явственно выделялся Млечный Путь. Играла ли ту роль прозрачность воздуха, или действительно существовала какая-нибудь связь между этими двумя явлениями – боюсь сказать. Мы долго не ложились спать и любовались то на небо, то на море. На другое утро караульные сообщили мне, что свечение морской воды длилось всю ночь и прекратилось только перед рассветом.

Глава 7

Экскурсия на Сяо-Кему

Мелкие речки, текущие в море. – Кости оленей. – Комета. – Что такое солнце? – Река Конор. – Староверы. – Непогода. – Река Сакхома. – Недоразумение с условными знаками. – Река Угрюмая. – Жаренье мяса в земле. – Горы в истоках реки Горелой. – Звезды. – Суеверие дикаря и образованного человека. – Красные волки. – Возвращение.

Двадцать четвертого августа мы распрощались с рекой Билимбе и пошли вдоль берега моря. Продолжением берегового хребта, отделяющего реки Фату и Бейцу (притоки Санхобе) от моря, будет гора Узловая. Далее на север за ней в море впадают следующие мелкие речки: Кольгатео (по-удэгейски Куалигаса), Хаома (Хома), Сюригчи (Сюликси), Гицироза, Вестыгпи, Ойонктого (по-китайски Куандол, по-удэгейски Куанда), Ада, Чуркан (по-китайски Чаан-уоза, по-удэгейски Анку-га) и Конор. На этом протяжении в обнажениях на берегу моря встречаются слюдистые сланцы, известковые и глинистые песчаники, окрашенные окисью железа, затем известняки, сланцевая глина, мелафиры, базальты и андезиты. Гора Железняк падает к морю обрывистыми утесами, у подножия которых тянется узкая, местами совсем исчезаю-

щая полоса прибоя. Во время волнения идти здесь совсем нельзя. Около реки Кольгатео есть скала, удивительно похожая на голову человека. Удэгейцы называют ее Кадани, то есть «Каменный человек». По их преданию, это был великан. Один раз он вошел в воду и стал кричать, что никого не боится. В этот момент властитель морей Тэму превратил его в камень. От тяжести он стал увязать в землю и опускаться все ниже и ниже. Лет 50 назад еще были видны его плечи, а теперь над водной поверхностью осталась только одна голова. Иногда великан шевелится; тогда содрогаются и стонут прибрежные сопки.

От устья Билимбе до Конора – 12 км по прямой линии. В этот день, несмотря на хорошую погоду, нам удалось пройти немного. На бивак мы стали около небольшой речки Сюригчи. Нижняя часть ее заболочена, а верхняя покрыта гарью. Здесь был когда-то хороший лес. Недавнее наводнение размывало оба берега речки.

Невдалеке от бивака Дьяков нашел скелеты двух оленей, спутавшихся рогами. Я отправился по указанному направлению и вскоре действительно увидел на земле излюбровые кости. Видно было, что над уборкой трупов потрудились и птицы, и хищные звери. Особенный интерес представляли головы животных. Во время драки они так сцепились рогами, что уже не могли разойтись и погибли от голода. Стрелки пробовали разнять рога: шесть человек (по три с каждой стороны) не могли этого сделать. Можно представить себе, с

какой силой бились изюбры! Очевидно, при ударе рога раздалась и приняли животных в смертельные объятия. Хотя мулы наши были перегружены, тем не менее я решил дотащить эту редкую находку до первого жилого пункта и там оставить ее на хранение у китайцев.

Ночью, перед рассветом, меня разбудил караульный и доложил, что на небе видна «звезда с хвостом». Спать мне не хотелось, и потому я охотно оделся и вышел из палатки. Чуть светало. Ночной туман исчез, и только на вершине горы Железняк держалось белое облачко. Прилив был в полном разгаре. Вода в море поднялась и затопила значительную часть берега. До восхода солнца было еще далеко, но звезды стали уже меркнуть. На востоке, низко над горизонтом, была видна комета. Она имела длинный хвост.

Скоро проснулись остальные люди и принялись рассуждать о том, что предвещает эта небесная странница. Решили, что Земля обязана ей своим недавним наводнением, а Чжан Бао сказал, что в той стороне, куда направляется комета, будет война. Видя, что Дерсу ничего не говорит, я спросил его, что думает он об этом явлении.

– Его так сам постоянно по небу ходи, людям никогда мешай нету, – ответил гольд равнодушно.

При всем своем антропоморфизме он был прав и судил о вещах так, каковы они есть на самом деле.

Но вот на востоке стала разгораться заря, и комета пропала. Ночные тени в лесу исчезли; по всей земле разлился се-

ровато-синий свет утра. И вдруг яркие солнечные лучи вырвались из-под горизонта и разом осветили все море.

– Дерсу, – спросил я его, – что такое солнце?

Он посмотрел на меня недоумевающе и в свою очередь задал вопрос:

– Разве ты никогда его не видал? Посмотри! – сказал он и указал рукой на солнечный диск, который в это время поднялся над горизонтом.

Все засмеялись. Дерсу остался недоволен: как можно спрашивать человека, что такое солнце, когда это самое солнце находится перед глазами? Он принял это за насмешку.

Вследствие того что мы рано встали, мы рано выступили и с бивака. Тропа по-прежнему шла по берегу моря. После реки Сюригчи на значительном протяжении идут метаморфические глинистые сланцы.

Из мелких речек здесь наиболее интересна Конор. Она длиной около десяти километров и состоит из слияния двух речек: большой –левой и меньшей – правой. Истоки реки Конор находятся в том же горном узле (горы Туманная и Дромацер), где истоки реки Забытой (приток реки Билимбе). Долина Конор большей частью болотистая, покрыта листовым редколесьем; река маловодная, но имеет довольно быстрое течение. Около устья она разделяется на два рукава, текущие по глубоким расщелинам. По сторонам их возвышаются морские береговые террасы как результат отрица-

тельного движения береговой линии.

Отдохнув немного на Коноре, мы снова тронулись в путь.

Тут тропа оставляет берег моря и по ключику Ада поднимается в горы, затем пересекает речку Чуриги и тогда выходит в долину реки Сяо-Кемы, которая на морских картах названа Сакхемой.

На Сяо-Кеме, в полутора километрах от моря, жил старообрядец Иван Бортников с семьей. Надо было видеть, какой испуг произвело на них наше появление! Схватив детей, женщины убежали в избу и заперлись на засовы. Когда мы проходили мимо, они испуганно выглядывали в окна и тотчас прятались, как только встречались с кем-нибудь глазами. Пройдя еще с полкилометра, мы стали биваком на берегу реки, в старой липовой роще.

Сегодня весь день стояла в воздухе какая-то мгла. Она медленно сгущалась. После полудня в ней потонули дальние горы. Барометр стоял на 757 мм при +14,5°C. На западной части неба все время держалась темная туча с резко очерченными краями. Характер ветра был неровный: то становился порывистым, то спадал до полного штиля. В тот момент, когда солнце скрылось за облаками, края последних стали светиться, как будто были из расплавленного металла. Прошло несколько минут, и вдруг из-за туч по желто-зеленому фону неба веером поднялись три пурпуровых луча. Явление это продолжалось не более двух минут. Затем оно начало блекнуть, и вместе с тем туча стала быстро застилать небо.

Я думал, что на другой день, 26 августа, будет непогода. Но опасения мои оказались напрасными. Наутро небо очистилось, и день был совершенно ясный.

Староверы Бортниковы жили зажиточно, повинностей государственных не несли, земли распахивали мало, занимались рыболовством и соболеванием и на свое пребывание здесь смотрели как на временное. Они не хотели, чтобы мы шли в горы, и неохотно делились с нами сведениями об окрестностях.

Река Сяо-Кема состоит из слияния двух рек: Горелой (длиной 15 км) и Сакхомы (длиной 20–25 км). Слияние их происходит недалеко от моря. Здесь долина становится шире и по сторонам окаймляется невысокими сопками, состоящими главным образом из базальтов с резко выраженной флюидалной структурой и листоватой сфероидальной отдельностью.

Во время недавнего наводнения вода сильно размыла русло реки и всюду проложила новые протоки. Местами видно было, что она шла прямо по долине и плодородную землю занесла песком и галькой. Около устья все протоки снова собираются в одно место и образуют нечто вроде длинной заводи.

Сегодняшняя вечерняя заря была опять очень интересной и поражала разнообразием красок. Крайний горизонт был багровый, небосклон оранжевый, затем желтый, зеленый и в зените мутно-бледный. Это была паутина перистых облаков.

Мало-помалу она сгущалась и наконец превратилась в слоистые тучи. Часов в 10 вечера за нею скрылись последние звезды. Началось падение барометра.

Утром меня разбудил шум дождя. Одевшись, я вышел на улицу. Низко бегущие над землей тучи, порывистый ветер и дождь живо напомнили мне бурю на реке Билимбе. За ночь барометр упал на 17 мм. Ветер несколько раз менял свое направление и к вечеру превратился в настоящий шторм.

В этот день работать не удалось. Палатку так сильно трепало, что казалось, вот-вот ее сорвет ветром и унесет в море. Часов в десять вечера непогода стала стихать. На рассвете дождь перестал, и небо очистилось.

28, 29 и 30 августа были посвящены осмотру реки Сяо-Кемы. На эту экскурсию я взял с собой Дерсу, Аринина, Сабитова и одного мула. Маршрут я наметил по реке Сакхоме до истоков и назад, к морю, по реке Горелой. Стрелки с вьючным мулом должны были идти с нами до тех пор, пока будет тропа. Дальше мы идем сами с котомками, а они той же дорогой возвращаются обратно.

В восемь часов утра мы выступили с бивака.

Тропа начинается от самого дома старовера и идет по левому берегу реки. Здесь рельеф представляется в виде холмов с длинными пологими скатами. Разбросанные по долине реки, густо поросшие орешником холмы чередуются с болотцами и каменистыми участками, лишенными растительности. Между ними река проложила себе много протоков. По-

сле недавнего дождя они все были переполнены водой. Эти пологие увалы есть не что иное, как размытые речные террасы, покрытые редколесьем из дуба, бархата, клена, черной березы, тополя, вяза и липы в возрасте от 150 до 200 лет.

Как и везде, густое подлесье в долине Сакхомы состояло из зарослей калины, таволожки и леспедецы. Среди кустарников нашел себе приют охотский хмель с зимующим одеревенелым стеблем, повесивший на близрастущее деревце свои цепкие плети с белыми пушками, как у одуванчика. В другом месте тонкие длинные ветви ломоноса с мелкими белыми цветами совсем опутали куст шиповника. Тут же из зарослей поднимала свою красивую головку пышная ятрышниковая любка, а рядом с нею – ядовитая чемерица, которую легко узнать по плейчатым грубым листьям и шапке белых цветов, теперь уже побуревших и засохших.

По дну длинных балок, прорезывающих террасы в направлении, перпендикулярном к линии тальвега долины, текут небольшие извилистые ручейки. Около их устьев кустарники прерываются, и их места занимают тростники и обыкновенная полынь саженой высоты, оспаривающие друг у друга открытые и сухие места.

Мул, которого взяли с собой Аринин и Сабитов, оказался с ленцой, вследствие чего стрелки постоянно от нас отставали. Из-за этого мы с Дерсу должны были часто останавливаться и поджидать их. На одном из привалов мы условились с ними, что в тех местах, где тропы будут разделяться, мы

будем ставить сигналы. Они укажут им направление, которого надо держаться. Стрелки остались поправлять седловку, а мы пошли дальше.

Река Сакхома около устья шириной 6–8 и глубиной не более 1–1,5 м. Немного выше того места, где она соединяется с рекой Горелой, долина суживается. С правой стороны поднимаются высокие горы, поросшие густым смешанным лесом, а слева тянутся размытые террасы с лиственным редколесьем.

Здесь тропы первый раз разделились: одна пошла вверх по реке, другая – куда-то вправо. Надо было поставить условленный сигнал. Дерсу взял палочку, застругал ее и воткнул в землю; рядом с нею он воткнул прутик, согнул его и надломленный конец направил в ту сторону, куда надо идти. Установив сигналы, мы отправились дальше в уверенности, что стрелки поймут наши знаки и пойдут как следует. Пройдя километра два, мы остановились. Не помню, мне что-то понадобилось во вьюках. Мы стали ждать стрелков, но не дождались и пошли назад, к ним навстречу. Через 20 минут мы были у места разветвления троп. С первого же взгляда стало ясно, что стрелки не заметили нашего сигнала и пошли по другой дороге. Дерсу начал ругаться.

– Какой народ! – говорил он в сердцах. – Та к ходи, головой качай, все равно как дети. Глаза есть – посмотри нету. Такие люди в сопках живи не могу – скоро пропади.

Его удивляло не то, что Аринин и Сабитов ошиблись. Это

не беда! Но как они, идя по тропе и видя, что на ней нет следов, все-таки продолжают идти вперед?! Мало того, они столкнули оструганную палочку. Он усмотрел, что сигнал был опрокинут не копытом мула, а ногой человека.

Однако разговором дела не поправишь. Я взял свое ружье и два раза выстрелил в воздух. Через минуту откуда-то изда- лека послышался ответный выстрел. Тогда я выстрелил еще два раза. После этого мы развели огонь и стали ждать. Через полчаса стрелки возвратились. Они оправдывались тем, что Дерсу поставил такие маленькие сигналы, что их легко было не заметить. Гольд не возражал и не спорил. Он понял, что то, что ясно для него, совершенно неясно для других.

Напившись чаю, мы опять пошли вперед. Уходя, я велел людям внимательно смотреть под ноги, чтобы не повторить ошибки. Через два часа мы достигли того места, где в Сак- хому с правой стороны впадает река Угрюмая.

Тут тропы опять разделились. Первая ведет на перевал к реке Илимю (приток Такемы), а по второй нам следовало ид- ти, чтобы попасть в истоки реки Горелой. Дерсу снял котом- ку и стал таскать бурелом.

– Рано делать бивак, – сказал я ему. – Пойдем дальше.

– Моя дрова таскай нету. Моя дорога закрывай, – ответил он серьезным тоном.

Тогда я понял его. Стрелки бросили ему укор в том, что оставляемые им сигналы незаметны. Теперь он решил устро- ить такую преграду, чтобы они уперлись в нее и останови-

лись. Меня это очень рассмешило. Дерсу навалил на тропе множество бурелома, нарубил кустов, подрубил и согнул соседние деревья – словом, создал целую баррикаду. Завал этот подействовал. Натолкнувшись на него, Сабитов и Ари-нин осмотрелись и пошли как следует.

Река Угрюмая течет в широтном направлении. Узкая долина ее покрыта густым хвойно-смешанным лесом. Следы разрушительного действия воды видны на каждом шагу. Лежащие на земле деревья, занесенные галькой и песком, служат запрудами, пока какое-нибудь новое большое наводнение не перенесет их в другое место.

По дороге мы несколько раз видели козуль. Я стрелял и убил одну из них. В сумерки мы дошли до верховьев реки и стали биваком.

Вечером Дерсу особым способом жарил козлятину. Он выкопал в земле яму размерами 40 см³ и в ней развел большой огонь. Когда стенки ямы достаточно прогрелись, жар из ямы был вынут. После этого гольд взял кусок мяса, завернул его в листья подбела и опустил в яму. Сверху он прикрыл ее плоским камнем, на котором снова развел большой огонь на полтора часа. Приготовленное таким образом мясо было удивительно вкусно. Ни в одном первоклассном ресторане не сумели бы так хорошо его зажарить: снаружи козлятина покрылась красновато-бурой пленкой, но внутри была сочная. С той поры при каждом удобном случае мы жарили именно таким способом.

Отсюда на другой день стрелки Аринин и Сабитов с мулом пошли обратно, а мы с Дерсу продолжали маршрут дальше.

В верховьях Угрюмая разбивается на две речки, расходящиеся под углом градусов в тридцать. Мы пошли влево и стали взбираться на хребет, который здесь описывает большую дугу, охватывая со всех сторон истоки реки Горелой (Угрюмая огибает его с запада). С этих гор берут начало и другие реки. На запад течет Сяо-Кунчи (приток Такемы), на юг – один из притоков Билимбе, на юго-восток – Конор. Если стоять лицом вверх по реке Горелой, а спиной к морю, то вершины, составляющие упомянутый горный хребет, располагаются справа налево в следующем порядке: гора Голиаф (960), Туманная (970), Шпиц (940), Шанц (1000), Дромадер (1060), Облачная (980) и Алмазная (900 м). Последняя состоит из крупнозернистого кварцевого порфира. Здесь в жилах часто находили друзы горного хрусталя. Это обстоятельство, вероятно, и послужило поводом для того, чтобы окрестить ее Алмазной горой.

Все окрестные сопки обезлесены пожарами: дожди смыли всю землю и оголили старые осыпи, среди которых кое-где сохранились одинокие скалы с весьма причудливыми очертаниями. Одни из них похожи на людей, другие – на колонны, третьи – на наковальни и т.д.

Мы с Дерсу прошли вдоль по хребту. Отсюда сверху было видно далеко во все стороны. На юге, в глубоком распадке,

светлой змейкой извивалась какая-то река; на западе в синеве тумана высилась высокая гряда Сихотэ-Алиня; на севере тоже тянулись горные хребты; на восток они шли уступами, а дальше за ними виднелось темно-синее море. Картина была величественная и суровая.

Когда начало смеркаться, мы немного спустились с гребня хребта в сторону реки Горелой. После недавних дождей ручьи были полны водой. Очень скоро мы нашли удобное место и расположились биваком высоко над уровнем моря.

С утра день был облачный, но к вечеру небо очистилось. Золотисто-розовые лучи заходящего солнца некоторое время скользили по склонам гор и взбирались все выше и выше. Потом они оставили скалы и стали играть с облаками на небе, потом угасло и это явление: вечерняя заря стала медленно замирать. Дромадер, Шанц и Алмазная горы резко вырисовывались на светлом фоне неба и казались теперь еще сумрачнее и выше. По мере того как пропадал свет солнца на небе, по земле разливался другой, бледно-голубой свет луны. Тени стали резче и темнее. Кругом пала обильная роса. Ночь обещала быть холодной, и потому мы постарались собрать побольше дров, благо в них здесь не было недостатка.

Лежа у костра, я любовался звездами. Дерсу сидел против меня и прислушивался к ночным звукам. Он понимал эти звуки, понимал, что бормочет ручей и о чем шепчется ветер с засохшей травой.

Одна половина была освещена красным светом костра, а

другая – бледными лучами месяца, точно рядом, прижавшись друг к другу, сидели два человека – красный и голубой.

Мы разговаривали: говорили о небе, о луне, о звездах. Мне интересно было узнать, как объясняет все небесные явления человек, проведший всю жизнь среди природы, ум которого не был заполнен книжными аксиомами.

Оказалось, что он никогда не задумывался над тем, что такое небо, что такое звезды. Объяснял он все удивительно просто. Звезда – звезда и есть; луна – каждый ее видел, значит, и описывать нечего; небо – синее днем, темное ночью и пасмурное во время ненастья. Дерсу удивился, что я спрашиваю его о таких вещах, которые хорошо известны всякому ребенку.

– Кругом люди понимай. Разве тебе, капитан, посмотри нету? – спрашивал он меня в свою очередь.

Я так увлекся созерцанием звездного неба, что совершенно забыл о том, где я нахожусь. Вдруг голос Дерсу вывел меня из задумчивости.

– Посмотри, капитан, – сказал он, – это маленькая уикта (звезда).

Я долго не мог разобраться, на какое светило он указывал, и наконец после разъяснений понял, что он говорит про Полярную звезду.

– Это самый главный люди, – продолжал гольд. – Его всегда одно место стоит, а кругом его все уикта ходят.

В это время яркая падающая звезда черкнула по небу.

– Что это такое, Дерсу? Как ты думаешь? – спросил я его.

– Одна уикта упала.

Я думал, что он свяжет это явление с рождением или со смертью человека, даст ему религиозную окраску. Ничего подобного. Явление простое: одна звезда упала.

– Китайские люди говорят, – добавил он, – там, где упала звезда, надо искать женьшень.

Для образованного человека это явление сложное: осколок астероида, случайно вошедший в сферу земного притяжения, раскалившийся от трения о воздух, горящий за счет кислорода воздуха, метеорное железо, космическая пыль... Падение их на Землю в течение многих веков должно влиять на объем, вес и плотность ее, а всякое малейшее изменение в этом направлении влечет изменение в движении ее и рефлектирует на движении других планет и т.д.

Я очнулся от своих дум. Костер угасал. Дерсу сидел, опустив голову на грудь, и думал. Я подбросил дров в огонь и стал устраиваться на ночь.

На другое утро мы проснулись от холода. Роса, выпавшая с вечера на землю, замерзла и превратилась в иней. Согревшись чаем, мы надели свои котомки и стали спускаться к реке Горелой. Долина ее шире, чем долина реки Сакхомы, и имеет явно выраженный характер размыва. Другой отличительной чертой ее будет отсутствие лесов, большей частью уничтоженных пожарами. Все склоны гор, обращенные к реке Горелой, сплошь покрыты осыпями, заросшими травой,

кустарниками и завалены буреломом. Река имеет порожи-
стый характер. Долина ее длиною 14 км, ширина устья около
4–6 м и глубина не более 0,6–0,9 м.

По мере того как мы подвигались книзу, ручей становился
многоводнее. Справа и слева в него впадали такие же ручьи,
и скоро наш ручей стал довольно большой горной речкой.
Вода с шумом стремилась по камням, но этот шум до того
однообразен, что забываешь о нем и кажется, будто в долине
царит полная тишина.

Пробираться сквозь заросли горелого леса всегда трудно.
Оголенные от коры стволы деревьев с заостренными сучка-
ми в беспорядке лежат на земле. В густой траве их не видно,
и потому часто спотыкаешься и падаешь. Обыкновенно по-
сле однодневного пути по такому горелому колоднику ноги у
лошадей изранены, у людей одежда изорвана, а лица и руки
исцарапаны в кровь. Зная по опыту, что гарь выгоднее обой-
ти стороной, хотя бы и с затратой времени, мы спустились к
ручью и пошли по гальке.

Вдруг за поворотом речки я увидел какое-то животное,
похожее на собаку, только выше ростом. Широкая голова,
небольшие мохнатые стоячие уши, притупленная морда, су-
хое сложение и длинный пушистый хвост изобличали в нем
красного волка или шакалоподобную дикую собаку. Цвет
волка действительно был красный, темный на спине и свет-
лый на брюхе. Животное лакало воду. Когда мы вышли на
гальку, оно перестало пить и большими прыжками побежа-

ло к лесу. Вслед за ним из прибрежных кустов выскочили еще два волка, из которых один был такой же окраски, как и первый, а другой темнее, и еще несколько животных промелькнуло мимо нас по кустам. Я стрелял и ранил одного из них. В это время подошел Дерсу. Узнав, в чем дело, он направился в заросли и стал что-то искать. Минуты через две я услышал его оклик и повернул в ту сторону. Гольд стоял около большого кедра и махал мне рукой. Подойдя к нему, я увидел на земле большое кровавое пятно и кое-где клочки оленьей шерсти. Дерсу сообщил мне, что красные волки всегда бродят по тайге стаями и охотятся за козами сообца, причем одни играют роль загонщиков, а другие устраивают засаду. Когда они бросаются на животное, то растаскивают его на части, оставляя на месте, как и в данном случае, только кровавое пятно и клочки шерсти. Охотники говорят, что бывали случаи нападения их на человека.

Область распространения красных волков обнимает длину реки Уссури, Южно-Уссурийский край и прибрежный район к северу от залива Ольги до мыса Плитняк. Другими словами, северная граница их обитания совпадает с границей распространения диких коз и пятнистых оленей. Чаще всего животное это встречается в Посьетском, Барабашском и Суйфунском районах.

Отдохнув немного около речки, мы пошли дальше и к вечеру дошли до берега моря.

Следующий день, 31 августа, мы провели на реке Сяо-

Кеме, отдыхали и собирались с силами. Староверы, убедившись, что мы не вмешиваемся в их жизнь, изменили свое отношение к нам. Они принесли нам молока, масла, творогу, яиц и хлеба, расспрашивали, куда мы идем, что делаем и будут ли около них сажать переселенцев.

Глава 8

Такема

Птицы на берегу моря. – Население. – Дугообразно расположенные горные складки. – Река Илимo. – Старуха с внучатами. – Река Цимухе. – Леший и следы тигра. – Изюбр. – Пороги. – Переправа вброд. – Бивак старика китайца.

Сегодня первый день осени (1 сентября). После полудня мы оставили реку Сяо-Кему и перешли на Такему. Расстояние это небольшое – всего только 7 км при хорошей тропе, проложенной параллельно берегу моря.

Окрестные горы состоят из метаморфизированных базальтов, авгитового андезита и туфов и имеют вид размытых невысоких холмов с пологими скатами. На Такему мы пришли рано, но долго не могли переправиться через реку. На правом ее берегу, около устья, паслись лошади под наблюдением старика китайца и хромого тазы. Последний, по словам старика, поехал на лодке в деревню за продуктами и должен был скоро возвратиться обратно. Пришлось его дожидаться. Пока стрелки готовили чай, я от нечего делать пошел к берегу моря посмотреть птиц.

Перелет только что начался. Прежде всего я заметил серых уток и узконосых чирков. Тех и других было очень мно-

го. Первые очень пугливы. Они не подпускали к себе человека и взлетали тотчас, как только слышали шум шагов. Вторые – маленькие серые утки с синими зеркальцами на крыльях – смиренные и доверчивые, старались только немного отплыть в сторону. В другом месте я увидел несколько чернтей. Черные, с синим отливом и белыми пятнами на спине, они быстро плавали по лагуне и часто ныряли. Я убил двух птиц, но есть их было нельзя, потому что мясо сильно пахло рыбой. На противоположном берегу стайками ходило много куличков. Некоторые из них перелетели на нашу сторону. Это были красноногие щеголи. Около воды сустились камнешарки – красивые пестренькие птички, тоже с красными ногами. Они бегали по воде и каждый раз, когда отходила волна, заглядывали под камни, переворачивали травинки и выискивали корм. Ближе к морю держались самые крупные и красивые кулики-сороки с красными клювами и ногами серо-фиолетового цвета. Они подпускали человека не более как на 150–200 шагов, затем снимались по очереди и, отлетев шагов на 400, снова садились у воды, озираясь по сторонам. Около устья реки в одиночку бегали по камням, помахивая хвостиком, грациозные трясогузки и несколько не боялись присутствия человека. В море плавали обычные камешки, которые, видимо, были совершенно равнодушны к перелету. Их не беспокоили надвигавшиеся холода.

Приближалось время хода кеты, и потому в море перед устьем Такемы держалось множество чаек. Уже несколько

дней птицы эти в одиночку летели куда-то к югу. Потом они пропали и вот теперь неожиданно появились снова, но уже стаями. Иногда чайки разом снимались с воды, перелетали через бар и опускались в заводь реки. Я убил двух птиц. Это оказались тихоокеанские клуши.

На Такеме фазанов нет вовсе, несмотря на то что китайцы возделывают землю здесь более 10 лет. Это объясняется тем, что между реками Санхобе и Такемой лежит пустынная область, без пашен и огородов. По-видимому, Такема в Зауссурийском крае является северной границей распространения обыкновенной белобокой сороки, столь обычной для Ольгинского района и быстро сокращающейся в числе по мере продвижения на север по побережью моря.

Наконец хромой таза вернулся, и мы стали готовиться к переправе. Это было не так просто и легко, как казалось с берега. Течение в реке было весьма быстрое, перевозчик-таза каждый раз поднимался вверх по воде метров на 300 и затем уже пускался к противоположному берегу, упираясь изо всех сил шестом в дно реки, и все же течением его сносило к самому устью.

В низовьях Такема разбивается на три рукава. Они все впадают в длинную заводь, которая тянется вдоль берега моря и отделена от него песчаным валом. Раньше устье Такемы было в 12 км от моря, там, где долина суживается и образует «щеки». Об этом красноречиво говорят следы коррозии²²

---

²² Углубления, проделанные морским прибоем в горной породе.

с левой стороны долины, у подножия отодвинутых ныне в глубь страны береговых обрывов, состоящих из аклировидного гранита.

Километрах в десяти от моря правый берег реки скалистый и состоит из крепкого, не поддающегося разрушению гранита с многочисленными жилами из афанита и скилита.

Переправившись на другую сторону реки, мы пошли к фанзам, видневшимся вдали. Население Такемы смешанное и состоит из китайцев и тазов. Китайских фанз – 23, тазовских – 11.

В горах с правой стороны реки, против фанзы Сиу Фу, китайцы мыли золото, но бросили это дело вследствие того, что добыча драгоценного металла не оправдывала затрачиваемых на нее усилий.

Тазы на Такеме те же, что и в Южно-Уссурийском крае, только менее подвергшиеся влиянию китайцев. Жили они в фанзах, умели делать лодки и лыжи, летом занимались земледелием, а зимой соболеванием. Говорили они по-китайски, а по-удэгейски знали только счет да отдельные слова. Китайцы на Такеме были полными хозяевами реки; туземцы забиты и, как везде, находились в неоплатных долгах.

Когда мы подходили к поселку, навстречу нам вышел старшина Сю Кай. Это был благообразный старик с седой бородой. Местом стоянки я выбрал фанзу таза Сиу Фу, одиноко стоящую за протокой.

На следующий день, 2 сентября, была назначена дневка.

Любители ловить рыбу ходили на реку. Они поймали три кеты, одну горбушу и двух бычков-подкаменщиков с пестрой окраской и оранжевой каймой на темно-оливковом спинном плавнике. Остальные люди приводили в порядок одежду и чистили оружие.

Посоветовавшись с тазами, я решил вверх по реке Такеме идти с Дерсу, Чжан Бао, Арининым и Чан Лином, племянником горбатого тазы, убежавшего с реки Иодзыхе. А.И. Мерзлякову с остальными и мулами я велел отправиться на реку Амагу, где и ждать моего возвращения.

Выступление было назначено на другой день, но осуществить его не удалось из-за весьма ненастной погоды. Наконец 4 сентября дождь перестал. Тогда мы собрали свои котомки и после полудня выступили в дальний путь.

К северу от мыса Видного прибрежная полоса в географическом отношении представляет область, совершенно непохожую на то, что мы видели южнее.

Интересной особенностью этой части Зауссурийского края являются дугообразно расположенные горные складки. В связи с этим и направление течения рек к морю дугообразное. Такими именно реками будут Такема, Кусун, Кулумбе и Амагу. Первые две – объемлющие, а вторые – объемлемые, причем верховья Такемы заходят за верховья Кусуна. Кулумбе и Амагу, в свою очередь, охватывают реки Вандагоу, Наину и Момокчи. Река Такема длиной более 120 км. Течет она по продольной долине и в нижнем течении проры-

вает горный хребет. Такема – река быстрая, многоводная и чрезвычайно порожистая. Ширина ее в нижнем течении 60 м и глубина до 1,5 м.

От тазовских фанз вверх по долине идет пешеходная тропа. Она придерживается левого берега реки и всячески избегает бродов. Там, где долина суживается, приходится карабкаться по скалам и даже идти вброд по воде. Первые «щеки» (из кварцепорфирового туфа) находятся в 12 км от моря, вторые будут на 2,5 км выше. Здесь в обнажениях можно видеть диабазовый и сильно хлоритизированный порфирит. В углублении одной из скал китайцы устроили кумирню, посвященную божеству, охраняющему леса и горы.

За «щеками» долина опять расширяется. Эта местность называется Илимo – по имени реки, впадающей в Такему с правой стороны. Длина ее – 35 км, и в истоках она состоит из трех горных ручьев. Наиболее интересный – левый ее приток Чаку с перевалом на Такунчи (приток Такемы). По словам туземцев, в верховьях Чаку есть высокая скалистая сопка, которую китайцы называют Ян-Лаза (то есть «Трубчатая скала»). Средний безымянный ключик приведет путника на Билимбе, а правый – на Сяо-Кему.

Долина реки Илимo прямая, в нижней части открытая и каменистая. С левой стороны ее тянутся террасы, местами болотистые и заросшие редколесьем из черной березы, липы и лиственницы.

Около устья Илимo мы нашли две маленькие полуразру-

шенные фанзочки. В одной из них жила старуха с внучатами: мальчиком девяти и девочкой семи лет. У этих детей отец и мать умерли от оспы два года назад. Китайцы воспользовались беззащитностью старухи и обобрали ее дочиста: отняли жилище, огороды, кур, свиней и даже собак. Несчастной старухе ничего не осталось, как перекочевать на Илимю и поселиться здесь в одиночестве. Я застал семью в ужасной бедности. Мальчик ловил рыбу и тем кормил старуху и свою сестренку.

Нигде потеря мужа не является таким несчастьем, как у тазов. Со смертью кормильца семьи являются кредиторы. Как хищные птицы, они набрасываются на имущество покойного и буквально начисто обирают вдову.

К ее душевным страданиям присоединяется еще страх перед изгнанием из жилища, нищетой и разлукой с детьми, которых китайцы обыкновенно продают, как рабов, на сторону.

Мне стало жаль старуху, и я ей дал 3 рубля. Она растерялась, заплакала и просила меня не говорить об этом китайцам. Простившись с нею, мы отправились дальше. Мальчик пошел проводить нас до реки Цимухе.

От устья Илимю Такема поворачивает на север и идет в этом направлении 6 или 7 км. Она все время придерживается правой стороны долины и протекает у подножия гор, покрытых осыпями и почти совершенно лишенных растительности. Горы эти состоят из глинисто-кремнистых сланцев и гранитного порфира. С левой стороны реки тянется широ-

кая полоса земли, свободная от леса. Здесь можно видеть хорошо сохранившиеся двойные террасы. Деревья, разбросанные в одиночку и небольшими группами, придают им живописный вид.

Долина Цимухе кажется как бы продолжением долины Такемы. Из зелени леса около ее устья поднимается одинокая скала без названия, которая может служить прекрасным ориентировочным пунктом. Вдали виднеется высокий горный хребет, окаймляющий бассейн Такемы с северо-восточной стороны и совершенно оголенный от леса.

От реки Цимухе Такема делает крутой поворот на запад и проходит по ущелью между гор, состоящих из полевошпатового порфира с включениями хлорита; с правой стороны наблюдаются обнажения фальзитов и кварцевого порфира с эпидотом. Тут много скал, от действия воды принявших причудливые очертания. Некоторые из них похожи на ворота, другие – на допотопных животных с маленькими головами, третьи – на фигурные столбы и т.д. Они тянутся на протяжении двух или трех километров. Затем долина опять расширяется. Во время дождей здесь всегда скопится много воды. Тогда река выходит из берегов и затопляет весь лес. В долине Такемы произрастают могучие девственные леса, которых ни разу еще не касалась рука человека. Казалось, природа нарочно избрала эти места для того, чтобы показать, какова может быть производительная сила земли.

Кедр, тополь, клен, ольха, черемуха Максимовича, ши-

повник, рябина бузинолистная, амурский барбарис и чертово дерево, опутанные виноградом, актинидиями и лимонником, образуют здесь такую непролазную чащу, что пробраться через нее можно только с ножом в руке, затратив большие усилия и рискуя оставить одежду свою на кустах.

Мы шли довольно шумно. Дерсу что-то рассказывал. Чжан Бао и Чан Лин смеялись. Вдруг Леший остановился, поджал под себя хвост, сгорбился и, прижав уши, со страхом стал озираться по сторонам. Пропустив мимо себя людей, он тихонько поплелся сзади. Причина его страха скоро разъяснилась: впереди на илистой почве были видны отпечатки тигриных лап. Зверь только что бродил здесь, но, услышав наши голоса, скрылся в зарослях. В это время моя Альпа, понимающая толк только в пернатой дичи, отстала немного и затем бросилась нас догонять. Услышав, что сзади кто-то бежит, Леший с визгом бросился вперед и так ударил под ноги Дерсу, что опрокинул его на землю. Мы тоже сначала испугались и приготовились к обороне. Дерсу поднялся с земли и сказал, обращаясь к Лешему:

– Нет, тебе вместе с людьми ходи не могу. Моя тебе товарищ нету. С такой собакой в компании ходи – скоро пропади.

В заключение своей фразы он плюнул в ее сторону. И действительно, с такой собакой очень опасно ходить на охоту. Она может привлечь зверя на охотника и в то время, когда последний целится из ружья, сбить его с ног.

Часа в 4 или в 5 пополудни мы стали биваком. Котомки

наши были тяжелы, и потому все сильно устали. Кругом было много травы и сухостоя для дров. Чтобы не зажечь лес, мы устроились на гальке около реки.

Приближалась осень. Сумерки стали наступать раньше, ночи сделались длиннее, начала выпадать обильная роса. Это природа оплакивала весну и лето, когда все было молодо и наслаждалось жизнью.

Вечером, после ужина, я пошел немного побродить по галечниковой отмели. Дойдя до конца ее, я сел на пень, принесенный водой, и стал смотреть на реку.

Ночь была ясная. Одна сторона реки была освещена, другая – в тени. При лунном свете листва деревьев казалась посеребренной, стволы – белесовато-голубыми, а тени – черными. Кусты тальника низко склонились над водой, точно они хотели скрыть что-то около своих берегов. Кругом было тихо, безмолвно, только река слабо шумела на перекатах.

Вдруг до слуха моего донесся шорох. Он исходил из кустов. Я вспомнил встречу с тигром и немного испугался. По опыту я знал, что шорох еще не означает опасности. Сплошь и рядом его причиной является какое-нибудь мелкое животное, вроде мыши или лягушки. Я взял себя в руки и остался на месте. Через минуту затем на галечниковую отмель, освещенную луной, вышел олень. Он подошел к реке и жадно стал пить воду. Я не смел шевельнуться и минуты две любовался прекрасным животным. В это время наши собаки почуяли зверя и подняли лай. Изюбр встрепенулся, рысью вы-

бежал из реки, положив рога на спину, прыгнул на берег и скрылся в лесу. Я поднялся с пня и возвратился на бивак.

Вечером мы долго еще сидели у огня и говорили об охоте.

На другой день все поднялись рано: первые утренние лучи застали нас уже в дороге.

Теперь река повернула на запад. В этих местах она шириной от 60 до 80 м и глубиной 1,5–2 м. Река Такема в прибрежном районе считается самой бурной. И действительно, скорость течения ее в среднем из четырех измерений дала 10 км/ч.

Благодаря тому что в долине Такемы хорошие леса, сохранились и звери. Здесь можно найти всех представителей четвероногих, начиная с белки и кончая тигром. В особенности много изюбров. Всюду по пути нам встречались китайские охотничьи шалаши и соболиные ловушки.

Все время мы шли левым берегом по зверовой тропе. Таких троп здесь довольно много. Они слабо протоптаны и часто теряются в кустах. Четвероногие по ним идут свободно, но для человека движение затруднительно. Надо иметь большую сноровку, чтобы с ношей за плечами прыгать с камня на камень и карабкаться по уклону более чем в 40 градусов.

По мере того как мы продвигались вперед, издали доносился какой-то шум. Чан Лин сказал нам, что это пороги. На Такеме их шесть. Самый большой около реки Такунчи, а меньшие – близ устьев Охотхе и Чандинго-уза. Здесь нам надлежало переправиться на другую сторону Такемы.

Перейти вброд глубокую и быструю реку не так-то просто. Если вода низкая, то об этом разговаривать не стоит, но если вода доходит до пояса, то переходить ее надо с большой осторожностью.

Я уже говорил, что отличительной чертой здешних рек будет низкая температура воды, поэтому переходить вброд надо одетым. Голое тело зябнет, в особенности голени. Затем надо идти не по прямой линии и отнюдь не против воды, а наискось, по течению. Ни в каком случае не следует поворачиваться к воде лицом или спиной, иначе течение собьет с ног. Для того чтобы вода не снесла с намеченного пути, надо крепко держаться на ногах, что возможно только при условии, если ноги будут обуты. Для большей устойчивости люди надевают на себя котомки и даже накладывают в них камни. Вместе с тем котомки и опасны: в случае падения в воду груз не позволит подняться на ноги, о плавании тогда нечего и думать.

Решено было идти всем сразу на тот случай, если кто ослабеет, то другие его поддержат. Впереди пошел Чан Лин, за ним Чжан Бао, меня поставили в середину, а Дерсу замыкал шествие. Когда мы входили в воду, они уже были на противоположном берегу и отряхивались.

С первых же шагов я почувствовал, что, не будь у меня котомки за плечами и в руках крепкой палки, я не мог бы справиться с течением. От быстро бегущей воды закружилась голова, я покачнулся и едва не упал, но сильной рукой

меня поддержал Чжан Бао. В это время палкой я сбил у себя с головы фуражку; о ней некогда было думать. Через минуту я справился со слабостью и пошел дальше. Скоро я заметил, что идти стало легче. Еще несколько шагов, и мы вышли на мелководье. По вздоху, вырвавшемуся у моих спутников, я понял, что мы действительно подвергались серьезной опасности.

Выйдя на берег, я стал торопливо одеваться, но Чан Лин сказал, что сегодня дальше мы не пойдем и останемся здесь ночевать.

На берегу был след костра. Зола, угли и обгоревшие головешки – вот все, что я заметил, но Дерсу увидел больше. Прежде всего он заметил, что огонь зажигался на одном и том же месте много раз. Значит, здесь был постоянный брод через реку. Затем Дерсу сказал, что последний раз, три дня назад, у огня ночевал человек. Это был старик, китаец, зверолов, он всю ночь не спал, а утром не решился переходить реку и возвратился назад. То, что здесь ночевал один человек, положим, можно было усмотреть по единственному следу на песке; что он не спал, видно было по отсутствию лежки около огня; что это был зверолов, Дерсу вывел заключение по деревянной палочке с зазубринками, которую употребляют обыкновенно для устройства западней на мелких четвероногих; что это был китаец, он узнал по брошенным улам и по манере устраивать бивак. Все это было понятно. Но как Дерсу узнал, что человек этот был старик? Не находя разгад-

ки, я обратился к нему за разъяснениями.

– Как тебе, столько лет в сопках ходи, понимай нету? – обратился он ко мне в свою очередь с вопросом.

И он поднял с земли улы. Они были старые, много раз чиненные, дырчатые. Для меня ясно было только то, что китаец бросил их за негодностью и пошел назад.

– Неужели понимай нету? – продолжал удивляться Дерсу. – Молодой человек сперва проносит носок, а старик непременно протопчет пятку.

Как это было просто! В самом деле, стоит только присмотреться к походке молодого человека и старого, чтобы увидеть, что молодой ходит легко, почти на носках, а старый ставит ногу на всю ступню и больше надавливает на пятку. Пока мы с Дерсу осматривали покинутый бивак, Чжан Бао и Чан Лин развели огонь и поставили палатку.

Обсушившись немного, я пошел вниз по реке со слабой надеждой найти фуражку. Течением могло прибить ее где-нибудь около берега. Та к я проходил до самых сумерек, но фуражки не нашел и должен был взамен ее повязать голову платком. В этом своеобразном уборе я продолжал уже весь дальнейший путь.

Когда я шел назад, на землю спустилась ночь. Выходила луна, и от этого за сопками, по ту сторону реки, стало светлее. Лес на гребне горы выделялся так резко, что можно было рассмотреть каждое отдельное дерево. При этом освещении тени в лесу казались глубокими ямами, а огонь – краснее,

чем он есть на самом деле. Где-то в стороне заревел изюбр, но вяло и, не дотянув до конца, оборвал последние ноты. Ответа ему не последовало. Над рекой появился туман. Он тянулся над водой и принимал странные очертания. Мне не хотелось идти на бивак.

Я сел на берегу и долго следил, как лунные лучи играли с ночными тенями. Чжан Бао и Дерсу, обеспокоенные моим отсутствием, стали звать меня. Через 15 минут я был вместе с ними.

Глава 9

Ли Цун-Бин

Выдра. – Острога удэгейцев. – Долина Такунчи. – Лесные птицы. – Одинокая фанза. – Старик китаец. – Маленькая услуга. – История одной жизни. – Тяжелые воспоминания. – Исповедь. – Душевный переворот. – Решение и прощание. – Амулет.

Чуть свет мы снялись с бивака и пошли по правому берегу Такемы. Река опять повернула на север. Между притоками ее, Хумо, Сяо-Кунчи и Такунчи, от гор в долину выдвигаются отроги, которые ближе к реке переходят в высокие речные террасы с массивным основанием, состоящим из кварцевого порфира и витрофирового липарита. В тех местах, где отроги пересекают реку, образовались пороги, из которых последний имеет вид настоящего водопада. Вода с шумом стремится в узкий проход и с пеной бьется о камни. Около самого порога образовалась глубокая выбоина. Здесь вода идет тихо и при солнечном освещении имеет изумрудный цвет. Я долго любовался бы порогом, если бы внимание мое не было отвлечено в другую сторону.

Невдалеке от нас на поверхности спокойной воды вдруг появился какой-то предмет. Это оказалась голова выдры, ко-

тору ю крестьяне в России называют «порешней». Она имеет длинное тело (1 м 20 см), длинный хвост (40 см) и короткие ноги, круглую голову с выразительными черными глазами, темно-бурую блестящую шерсть на спине и с боков и серебристо-серую на нижней стороне шеи и на брюхе. Когда животное двигается по суше, оно сближает передние и задние ноги, отчего тело его выгибается дугою кверху.

В Уссурийском крае выдра распространена равномерно и повсеместно. Любимое местопребывание ее – это реки, обильные рыбой, и в особенности такие места, которые не замерзают и где есть около берегов пустоты подо льдом. Замечено, что для отправления естественной надобности выдра выходит из воды постоянно на одно и то же место, хотя бы для этого ей пришлось проплыть значительное расстояние. Тут в песке обыкновенно охотники ставят капканы. Уничтожив рыбу в одном каком-нибудь районе, выдра передвигается вверх или вниз по реке, для чего идет по берегу. У нее прекрасно развита ориентировка. В тех местах, где река делает петлю, она пересекает полуостров в наиболее узком его месте. Иногда выдра перекочевывает из одной речки в другую; туземцам случалось убивать их в горах, далеко от реки. Пугливое, хитрое и осторожное животное это любит совершать свои охотничьи экскурсии в лунные ночи и редко показывается днем.

Выдра, которую я наблюдал, держала в зубах рыбу и плыла к противоположному берегу. Через минуту она вылезла

на мокрый камень. Мокрое тело ее блестело на солнце. В это время она оглянулась и, увидев меня, бросила рыбу и снова проворно нырнула в воду. Я уговорил своих спутников скрыться в кустах в надежде, что животное покажется опять, но выдра не появлялась. Я уже хотел было встать, как вдруг какая-то тень мелькнула в воздухе и вслед за тем что-то большое и грузное опустилось на камень. Это был белохвостый орлан. Схватив рыбу, он снова легко поднялся на воздух. В это время на воде появилась выдра, но уже значительно дальше по реке. Она, видимо, поднялась только для того, чтобы набрать в легкие воздуха, и затем скрылась совсем.

Километра через три мы достигли устья Такунчи и здесь стали биваком. Чжан Бао и Дерсу занялись рубкой дров, а Чан Лин отправился острогой ловить рыбу.

Походная острога удэгейцев имеет вид маленького гарпуна с ремнем. Носится она у пояса и надевается на древко в минуту необходимости. Обыкновенно рыбу бьют с берега. Для этого к ней надо осторожно подкрасться. После удара наконечник соскакивает с древка, и рыба увлекает его с собою, но так как он привязан к ремню, то и рыба оказывается привязанною.

Чан Лин ловко владел острогой и убил шесть больших форелей, которые составили великолепный ужин.

На следующий день, 8 сентября, мы распрощались с Такемой и пошли вверх по Такунчи. Река эта длиной немно-

го более 40 км и течет по кривой с северо-запада к востоку. Около устья она шириной до 6 и глубиной от 1 до 1,2 м по руслу. Вода в ней мутная, с синим опаловым оттенком.

Такунчи – типичная долина размыва, суженная около устья и расширяющаяся вверху. Остроконечные, как бы стоящие одиноко сопки со сглаженными контурами и пологими склонами указывают на постоянные денудационные процессы.

Геология Такунчи такова: около устья река подмывает высокую террасу, основание которой слагается из красивых глинистых сланцев с тонкими прослойками серых песчаников. Немного выше с правой стороны видны обнажения весьма древних конгломератов, которые имеют такой вид, как будто они побывали в огне. Далее, с левой стороны, идет акмуравидный гранит с плитняковой отдельностью, а выше – опять глинистые сланцы с весьма интенсивной складчатостью.

Из притоков Такунчи самые интересные в среднем течении: два малых безымянных справа и один большой (река Талда) с левой стороны. Первый приведет к перевалу на Илимю, второй – на реку Сакхому (Сяо-Кема) и третий – опять на Такему. Около устья каждого из притоков есть по одной зверовой фанзе.

До первой фанзы мы дошли очень скоро. Отдохнув немного и напившись чаю с сухарями, мы пошли дальше. Вся долина Такунчи, равно как и долина Такемы, покрыта

густым хвойно-смешанным лесом. Сильно размытое русло реки и завалы бурелома указывают на то, что во время дождей Такунчи знакомы наводнения.

Вторую половину пути мы сделали легко, без всяких приключений и, дойдя до другой зверовой фанзы, расположились в ней на ночь как дома.

Что-то случилось с солнцем. Оно уже не так светило, как летом, вставало позже и рано торопилось уйти на покой. Трава на земле начала сохнуть и желтеть. Листва на деревьях тоже стала блекнуть. Первыми почувствовали приближение зимы виноградники и клены. Они разукрасились в оранжевые, пурпуровые и фиолетовые тона.

В сумерки мы с Дерсу пошли на охоту за изюбрами. Они уже отабунились. Самцы не хотели вступать в борьбу и хотя и отвечали на зов друг другу, но держались позади стада и рогами угоняли маток с места, где мог явиться соперник.

После ужина мы все расположились на теплом кане. Дерсу стал рассказывать об одном из своих приключений. Около него сидели Чжан Бао и Чан Лин и внимательно слушали. По их коротким возгласам я понял, что гольд рассказывал что-то интересное, но сон так овладел мною, что я совершенно не мог бороться с ним и уснул как убитый.

9 сентября мы продолжали наше движение к Сихотэ-Алиню. В хороших лесах всегда много пернатых. Кроме обычных для уссурийской тайги желн, орехотворок, соек, пестрых дятлов, диких голубей, ворон, орлов и поползней здесь,

близ реки, на старых горелых местах, уже успевших зарости лиственным молодняком, в одиночку держались седоголовые дятлы. Удэгейцы называют их земляными дятлами, потому что они кормятся на земле, а не на деревьях. Эти птицы каждый раз при приближении людей поднимали неистовый крик и старались как можно скорее укрыться в чаще леса.

В другом месте в траве я увидел краснобрюхих дроздов. Заслышав шум наших шагов, они вдруг все сразу поднимались на воздух и садились на ветви ближайших деревьев, щебеча так, как будто бы обменивались мнениями о происшедшем. По кустарникам шныряли маленькие симпатичные птички с полосатой спиной и белой головкой. Это были касатки-мухоловки. С исчезновением насекомых должны улететь и они в более теплые страны. Время это было уже близко. Недаром мухоловки стали собираться в стайки. Над осыпями кружились два ястреба. Сеноставцы-пищухи служили им лакомой приманкой. Но эти грызуны очень осторожны. Далеко от нор они не отходили и при малейшем намеке на опасность проворно скрывались в камнях. Но все же при умелом маневрировании пернатые хищники не оставались без добычи.

За работой незаметно прошел день. Солнце уже готовилось уйти на покой. Золотистые лучи его глубоко проникали в лес и придавали ему особенную привлекательность.

Мы прибавили шаг.

Маленькая, едва заметная тропинка, служившая нам пу-

теводной нитью, все время кружила: она переходила то на один берег реки, то на другой. Долина становилась все у же и у же и вдруг сразу расширилась. Рельеф принял неясный, расплывчатый характер. Это были верховья реки Такунчи. Здесь 3 ручья стекались в одно место. Я понял, что нахожусь у подножия Сихотэ-Алиня.

Отроги хребта, сильно размытые и прорезанные горными ключами, казались сопками, разобщенными друг от друга. Дальше за ними виднелся гребень водораздела; точно высокой стеной окаймлял он истоки Такунчи. Природа словно хотела резко отграничить здесь прибрежный район от бассейна Имана. В том же месте, где соединялись 3 ручья, была небольшая полянка, и на ней стояла маленькая фанзочка, крытая корьем и сухой травой.

Около фанзочки мы застали одинокого старика китайца. Когда мы вышли из кустов, первым движением его было бежать. Но видимо, самолюбие, преклонный возраст и обычай гостеприимства принудили его остаться. Старик растерялся и не знал, что делать.

В то время уже начались преследования браконьеров и выселение их из пределов края. Китаец, вероятно, думал, что его сейчас арестуют и отправят в залив Ольги под конвоем. От волнения он сел на пень и долго не мог успокоиться. Он тяжело и прерывисто дышал, лицо его покрылось потом.

В это время солнце скрылось за горами. Волшебный свет в лесу погас; кругом сразу стало сумрачно и прохладно.

Место, где стояла фанзочка, показалось мне таким уютным, что я решился здесь ночевать.

Дерсу и Чжан Бао приветствовали старика по-своему, а затем принялись раскладывать огонь и готовить ужин. Я сел в стороне и долго рассматривал китайца.

Он был высокого роста, немного сутуловат, с черными помутневшими глазами и с длинной редкой седой бородой. Жилистая шея, темное морщинистое лицо и заострившийся нос делали его похожим на мумию. Одет он был в старую, уже давно выцветшую и грубо заплатавшую рубашку из синей дабы, подпоясанную таким же старым шарфом, к которому сбоку привязаны были охотничий нож, лопаточка для выкапывания женьшеня и сумочка для кремня и огнива. На нем были синие штаны и низенькая самодельная обувь из лосиной кожи с ременными перетяжками, а на голове простая тряпица, почерневшая от копоти и грязи.

Старик китаец не был похож на обыкновенных рабочих-китайцев. Эти руки с длинными пальцами, этот профиль и нос с горбинкой и какое-то особенное выражение лица говорили за то, что он попал в тайгу случайно.

«Вероятно, беглый политический», – подумал я про себя.

У меня мелькнула мысль, что я причина его страха. Мне стало неловко. В это время Аринин принес мне кружку чая и два куска сахара. Я встал, подошел к китайцу и все это подал ему. Старик до того растерялся, что уронил кружку на землю и разлил чай. Руки у него затряслись, на глазах пока-

зались слезы. Он опустился на колени и вскрикнул сдавленным голосом:

– Тау-се-ба, та-лай-я! (Спасибо, капитан!)

Я поднял его и сказал:

– Бупа, бэ-хай-па, латурл! (Ничего не бойся, старик!)

Мы все занялись своими делами. Я принялся вычерчивать дневной маршрут, а Дерсу и Чжан Бао стали готовить ужин. Мало-помалу старик успокоился. После чая, сидя у костра, я начал расспрашивать его о том, как он попал на Такунчи.

Китаец рассказал мне, что зовут его Ли Цун-бин, ему 74 года, родом он из Тяньцзина и происходит из богатой китайской семьи. Еще будучи молодым человеком, он поссорился с родными. Младший брат нанес ему кровную обиду. В деле этом была замешана женщина. Отец принял сторону брата. Тогда он оставил родительский дом и ушел на Сунгари, и оттуда перебрался в Уссурийский край, и поселился на реке Даубихе. Впоследствии, с приходом на Даубихе русских переселенцев, он перешел на Улахе, затем жил на реках Судзухе, Пхусуне и Вай-Фудзине и, наконец, добрался до реки Такемы, где и прожил 34 года. Раньше он занимался охотой. Первое ружье у него было фитильное, за которое он заплатил 30 отборных соболей. Потом он искал дорогой корень женьшень. Под старость он уже не мог заниматься охотой и стал звероловом. Это понудило его сесть на одном месте, подалее от людей. Он облюбывал реку Такунчи и пришел сюда уже много лет назад. Жил здесь Ли Цун-бин один-одине-

шенек. Изредка кто-нибудь из туземцев заходил к нему случайно, и сам он раз или два в год спускался к устью Такемы. Потом старик вспомнил свою мать, детство, сад и дом на берегу реки.

Наконец он замолк, опустил голову на грудь и глубоко задумался.

Я оглянулся. У огня мы сидели вдвоем. Дерсу и Чжан Бао ушли за дровами.

Ночь обещала быть холодной. По небу, усеянному звездами, широкой полосой протянулся Млечный Путь. Резкий, холодный ветер тянул с северо-запада. Я озяб и пошел в фанзу, а китаец остался один у огня.

Я заметил, что Дерсу проходил мимо старика на носках, говорил шепотом и вообще старался не шуметь.

Время от времени я выглядывал в дверь и видел старика, сидевшего на том же месте, в одной и той же позе. Пламя костра освещало его старческое лицо. По нему прыгали красные и черные тени. При этом освещении он казался выходцем с того света, железным человеком, раскаленным докрасна. Китаец так ушел в свои мысли, что, казалось, совершенно забыл о нашем присутствии.

О чем думал он? Вероятно, о своей молодости, о том, что он мог бы устроить свою жизнь иначе, о своих родных, о любимой женщине, о жизни, проведенной в тайге, в одиночестве...

Поздно вечером я снова выглянул в окно. Ветер раздувал

потухший костер. На минуту вспыхивало тусклое пламя и на мгновение освещало худую фигуру старика.

Он сидел все на том же месте, подперев голову руками, смотрел на угли и вспоминал далекое прошлое. Я хотел было его окликнуть, но почему-то не решился этого сделать.

Наконец, покончив свою работу, я закрыл тетрадь и хотел было лечь спать, но вспомнил про старика и вышел из фанзы. На месте костра осталось только несколько угольков. Ветер рвал их и разносил по земле искры. А китаец сидел на пне так же, как и час назад, и напряженно о чем-то думал.

Я сказал Дерсу, чтобы он позвал его в фанзу.

– Не надо, капитан, – ответил мне тихонько гольд, усиленно подчеркивая слово «не надо», и при этом сказал, что в таких случаях, когда человек вспоминает свою жизнь, его нельзя беспокоить.

Я понял, что в это время беспокоить человека действительно нельзя, вернулся в фанзу и лег на кан.

Тоскливо завывал ветер в трубе и шелестел сухой травой на крыше. Снаружи что-то царапало по стене, должно быть, качалась сухая ветка растущего поблизости куста или дерева. Убаюкиваемый этими звуками, я сладко заснул.

На другое утро, когда я проснулся, солнце было уже высоко. Я поспешно оделся и вышел из фанзы.

Кругом все белело от инея. Вода в лужах замерзла. Под тонким слоем льда стояли воздушные пузыри. Засохшая желто-бурая трава искрилась такими яркими блестками, что

больно было на нее смотреть. Сучья деревьев, камни и утоптанная земля на тропе покрылись холодным матовым налетом.

Осмотревшись кругом, я заметил, что все вещи, которые еще вчера валялись около фанзы в беспорядке, теперь были прибраны и сложены под навес. Около огня сидели Чжан Бао, Дерсу и Чан Лин и о чем-то тихонько говорили между собою.

– А где старик? – спросил я их.

Чжан Бао указал мне рукой на лес. Тут только я заметил на краю полянки маленькую кумирню, сложенную из накатника и крытую кедровым корьем. Около нее на коленях стоял старик и молился. Я не стал ему мешать и пошел к ручью мыться. Через 15 минут старик возвратился в фанзу и стал укладывать свою котомку.

– Куда он собирается? – спросил я своих спутников.

Тогда Чжан Бао сказал мне, что старик решил вернуться на родину, примириться со своим братом, если он жив, и там окончить дни свои.

Уложив котомку, старик снял с левой руки деревянный браслет и, подавая его мне, сказал:

– Возьми, капитан, береги, он принесет тебе счастье!

Я поблагодарил его за подарок и тут же надел браслет на руку. После этого старик сделал земные поклоны на все четыре стороны и стал прощаться с сопками, с фанзой и с ручьем, который утолял его жажду.

Около фанзы росли две лиственницы. Под ними стояла маленькая скамеечка. Ли Цун-бин обратился к лиственницам с трогательной речью. Он говорил, что посадил их собственными руками и они выросли большими деревьями. Здесь много лет он отдыхал на скамейке в часы вечерней прохлады и вот теперь должен расстаться с ними навсегда. Старик прослезился и снова сделал земные поклоны.

Затем он попрощался с моими спутниками. Они в свою очередь поклонились ему до земли, помогли ему надеть котомку, дали в руки палку и пошли провожать до опушки леса.

На краю полянки старик обернулся и еще раз посмотрел на место, где столько лет он провел в одиночестве. Увидев меня, он махнул мне рукой, я ответил ему тем же и почувствовал на руке своей браслет.

Когда возвратились Дерсу, Чжан Бао и Чан Лин, мы собрали котомки и пошли своей дорогой. Дойдя до опушки леса, я, так же как и старик, оглянулся назад.

Словно что оборвалось! Эта полянка и эта фанзочка, которые еще вчера казались мне такими уютными, сразу сделались чуждыми, пустыми.

Брошенный дом! Душа улетела, остался один труп!

Глава 10

Страшная находка

Пологий склон Сихотэ-Алиня. – Верховья реки Арму. – Скелеты. – Лунное световое явление. – Тянь-чин-лаза. Сихотэ-Алинь. – Кедровый стланец.

От фанзочки сразу начался подъем на Сихотэ-Алинь, сначала пологий, а потом все круче и круче. На восточном склоне хребта растет хвойно-смешанный лес; главную массу его составляют кедр, ель, пихта, лиственница, клен и береза с мохнатой желтой корой. Травяная растительность состоит из папоротников, чемерицы, ландышей, царского скипетра, трилистника, заячьей кислицы и различных мелких осок.

Подъем на гребень Сихотэ-Алиня был настолько крут, что приходилось хвататься руками за камни и корни деревьев. Высота перевала над уровнем моря, по показаниям anerоида – 875 м. На западном склоне хребта растительность более однообразна, чем на восточном. Разница в характере лесов очень резкая. Я ожидал увидеть на вершине Сихотэ-Алиня гольцы. Ничего подобного: передо мной была возвышенная равнина вроде плоскогорья, покрытая редкой замшистой лиственницей, без всякого подлесья. Нигде ни кустов, ни травы – всюду один мох. Чтобы добыть кусок горной поро-

ды, пришлось глубоко копаться во мху. Взятые образцы оказались кварцевым порфиром и липаритом.

В собранном мною здесь гербарии отмечены: стелющийся по мху дерен канадский с розеткой из шести листочков и красными ягодами; потом тоже канадский майник, имеющий два сердцевидных, ярко блестящих сочных листа; затем особый вид плауна. Первый по внешнему виду несколько напоминает низкорослый орляк, который имеет довольно простой перистый лист.

Отдохнув немного на перевале, мы пошли дальше. Я решил пересечь плато и спуститься к воде по другую его сторону. Но сколько мы ни шли, конца его не было видно. Перед нами расстилалась пустынная болотистая равнина, покрытая чахлым лесом. Хоть бы одна сопка, хоть бы какой-нибудь бугор или углубление! Я думал, что мы попали на плоскогорье, и не знал, идем ли мы вдоль или пересекаем его по кратчайшему направлению. Вдруг я услышал шум воды. Это обстоятельство еще больше меня удивило. Скоро все разъяснилось: западные склоны Сихотэ-Алиня в этих местах оказались настолько пологими, что понижение их совершенно незаметно для глаза. Перед нами была река Арму – самый большой приток Имана, впадающий в него в среднем течении, с правой стороны. Я взглянул на барометр: стрелка показывала 697 мм, что по приведению к уровню моря давало абсолютную высоту 770 м. Значит, с вершины мы спустились только на 105 м, что в среднем на один километр составляет 10

м. Уровень воды в реке на западной стороне Сихотэ-Алиня оказался на 225 м выше, чем на восточной.

В верховьях река Арму состоит из двух речек одинаковой величины. Мы попали как раз к месту их слияния. Чан Лин измерял каждую из них двумя днями пути.

Посоветовавшись с ним, я решил отправиться по левой речке (ближайшей к Сихотэ-Алиню), затем подняться на водораздел, пройти немного по хребту и выйти к истокам Такемы.

Здесь река Арму имеет до 6 м ширины и около 45 см глубины. Вода в ней красноватого цвета и не имеет той низкой температуры, которая свойственна быстрым горным речкам. Русло Арму завалено колодником, что при сравнительно тихом течении вполне понятно: дерево остается лежать там, где оно упало.

Около реки лес значительно гуще и состоит из ольхи, белой березы, ели и пихты; особенно много растет лиственницы. Это в полном смысле слова тайга: дикая, пустынная и неприветливая. Все живое ее избегает; нигде не видно звериных следов, и за двое суток мы не встретили ни одной птицы. Такая тайга влияет на психику людей, что заметно было и по моим спутникам. Они шли молча и почти не разговаривали между собой. По обыкновению около трех часов пополудни мы стали выбирать место для бивака. Дерсу и Чжан Бао зачем-то отошли вправо, а я, Чан Лин и Аринин пошли по берегу речки. Вдруг мы услышали позади себя крик: Дер-

су звал нас к себе. Мы тотчас вернулись. Пробираясь сквозь чащу леса, я увидел маленькую полянку, а на ней что-то белело. Около этих предметов стояли Дерсу и Чжан Бао и внимательно их рассматривали. Сначала я думал, что это кочки, но уже по лицам своих спутников понял, что это было что-то посерьезнее простых кочек. Подойдя поближе, я увидел человеческие черепа. Их было шесть; тут же по сторонам валялись и другие кости.

Шесть скелетов! Как погибли эти люди? Суровая тайга хранит такие тайны.

Дерсу долго рассматривал кости и что-то говорил с Чжан Бао. По его мнению, эти люди не были убиты, потому что ни на одном из черепов не было проломов. Они умерли, но не от болезней. От болезней все сразу не умирают, а гибнут поодиночке: один умрет, а остальные плетутся дальше. Дерсу стал осматривать стволы деревьев. По ожогам на коре он установил время последнего пала. Это было два года назад. А так как кости тоже носили на себе следы огня, то, очевидно, в то время, когда шел огонь по лесу, трупы были уже скелетами. Пал сжег остатки одежды. Однако около костей должны были остаться такие предметы, которые не могли сгореть и по которым можно было бы установить национальность умерших. Дерсу и Чжан Бао принялись копать во мху и скоро нашли железный котелок, топор, заржавленный нож, шило, ручка которого была сделана из ружейной гильзы, огниво, трубку, жестяную баночку и серебряное

кольцо. По этим предметам Дерсу узнал, что погибшие люди были корейцы-золотоискатели. Они, видимо, хотели пробраться на берег моря, но заблудились в тайге и погибли от голода.

А спасение было так близко: один переход – и они были бы в фанзе отшельника-китайца, у которого мы провели прошлую ночь. Окаймляющие полянку деревья, эти безмолвные свидетели гибели шестерых людей, молчаливо стояли и теперь. Тайга показалась мне еще урюмее.

Как бы сговорившись, мы все разом сняли с себя котомки. Чжан Бао и Чан Лин выворотили пень, выбросили из-под него камни и землю, а мы с Дерсу стащили туда кости. Затем прикрыли их мхом, а сверху наложили тот же пень и пошли к реке мыться.

Была пора устраиваться на ночь. Чжан Бао и Чан Лин не хотели располагаться рядом с мертвецами. Взяв свои котомки, мы отошли еще полкилометра и, выбрав на берегу речки место поровнее, стали биваком.

В сумерки появился туман. Он переплыл через водораздел и распространился по всему западному склону Сихотэ-Алиня.

Вечером я имел случай наблюдать интересное метеорологическое явление. Около 10 часов взошла луна, тусклая, почти не дающая света. Вслед за тем туман рассеялся, и тогда от лунного диска вверх и вниз протянулись два длинных луча, заострившихся к концам. Явление это продолжалось ми-

нут пятнадцать, затем опять надвинулся туман, и луна снова сделалась расплывчатой и неясной; пошел мелкий дождь, который продолжался всю ночь, до рассвета.

Утром 11 сентября погода как будто немного изменилась к лучшему. Чтобы не терять напрасно время, мы собрали свои котомки и пошли вверх по реке Арму. Местность была настолько ровная и однообразная, что я совершенно забыл, что нахожусь у подножия Сихотэ-Алиня. Здешний хвойный лес плохого дровяного качества, растет весьма неравномерно: болотистые поляны отделяются друг от друга небольшими перелесками, деревья имеют отмершие вершины и множество сухих ветвей.

В 11 часов утра мы распрощались с Армю и круто повернули к востоку. Здесь был такой же пологий подъем, как и против реки Такунчи. Совершенно незаметно мы поднялись на Сихотэ-Алинь и подошли к восточному его обрыву. В это время туман рассеялся, и мы могли ориентироваться.

Слева от нас, в пятнадцати километрах, высилась какая-то большая гора. Чан Лин, хорошо знающий эти места, сказал, что сопка эта не имеет названия и находится в истоках реки Сицы. Мы были как раз против долины реки Тянь-чин-гоуза²³, впадающей в Такему с правой стороны, выше Такунчи. По размерам первая немного меньше второй. Березняки в ее истоках указывают на то, что здесь был когда-то большой пожар, уничтоживший весь хвойный лес. Прилегающая

---

²³ Тянь-цин-гоу-дзы – долина небесного цвета.

часть Сихотэ-Алиня со стороны Такемы имеет вид длинной столовой горы. Китайцы называют ее Тянь-чин-лаза²⁴.

Нам не суждено было долго любоваться красивой панорамой: надвинувшиеся тучи снова окутали Сихотэ-Алинь, снова пошел дождь, мелкий и частый.

Производить съемку во время ненастья трудно. Бумага становится дряблой, намокшие рукава размазывают карандаш. Зонтика у меня с собой не было, о чем я искренно жалел. Чтобы защитить планшет от дождя, каждый раз, как только я открывал его, Чан Лин разворачивал над ним носовой платок. Но скоро и это оказалось недостаточным: платок намокал и стал сочить воду.

– Погоди, капитан, – сказал мне Дерсу и, отбежав в сторону, начал снимать с дерева бересту, затем срезал несколько прутьев и быстро смастерил зонтик.

Меня всегда удивляла находчивость гольда. Кажется, не было такого затруднительного положения, из которого он не сумел бы выйти. Все, что ему было нужно, он находил тут же, около себя, под рукою.

Выполняя намеченный маршрут, мы повернули на север и пошли вдоль по Сихотэ-Алиню к большой куполообразной горе, которую видели на северо-востоке.

Пройти нам удалось немного. Опасаясь во время тумана заблудиться в горах, я решил рано стать на бивак. На счастье, Чжан Бао нашел между камней яму, наполненную дождевой

---

²⁴ Тянь-чин-лаза – небесного цвета скала.

водой, и вблизи от нее сухой кедровый стланец. Мы поставили односкатную палатку, развели огонь и стали сушиться.

Перед вечером Дерсу ходил на охоту и убил кабаргу. Это двукопытное животное, похожее на антилопу, высотой полметра, а длиной метр. Задние ноги ее немного длиннее передних, отчего, когда животное стоит на всех 4 ногах, зад его немного приподнят. Шея у кабарги длинная, голова небольшая, стройная, с темными выразительными глазами и подвижным носом. Она не имеет рогов и слезных ямок. Зато природа наградила ее клыками: у самок клыки маленькие и не выходят изо рта, а у самцов длинные, острые и торчат книзу на 5–6 см. Во время гона самцы дерутся между собой, нанося друг другу довольно опасные раны. В отличие от прочих двукопытных кабарга имеет желчный пузырь и мускусный мешок. Общая окраска животных пестро-темно-бурая; шерсть грубая и ломкая, движения порывистые и неуверенные; крик пронзительный и тоскливый. Во время гона самцы распространяют вокруг себя сильный запах.

На ужин варили мясо кабарги; оно чем-то припахивало. Чан Лин сказал, что оно пахнет мхом. Чжан Бао высказался за запах смолы, а Дерсу указал на багульник. В местах обитания кабарги всегда есть и то, и другое, и третье; вероятно, это был запах мускуса.

Весь следующий день, 12 сентября, мы простояли на месте из-за дождя. Надо было переждать непогоду. Осенние дожди в Уссурийском крае никогда не бывают продолжитель-

ными, но зато очень сильны. Целый день я сидел в палатке и вычерчивал свои съемки. Ночью поднялся сильный порывистый ветер. Кое-где показались звезды, и, как всегда в таких случаях бывает, перед рассветом ударил крепкий мороз. Кругом опять все забелело, от инея сырой мох замерз и хрустел под ногами. От наших ног на нем оставались глубокие следы, чем очень были недовольны Дерсу и Чжан Бао. Эта осторожность красной нитью проходила во всех их действиях, даже в тех случаях, когда мы находились очень далеко от жилья и трудно было рассчитывать на встречу с человеком. Осмотревшись, мы увидели, что находимся как раз против истоков Сицы²⁵.

От столовой горы Тянь-чин-лаза Сихотэ-Алинь идет сначала к северо-востоку, а затем поворачивает на северо-запад. В этом углу высится острая коническая сопка. Высота сопки, по барометрическим измерениям, равняется 1230 м. Дальше Сихотэ-Алинь тянется на север. Километрах в пяти от сопки он поворачивает к востоку, образуя двугорбую сопку, названную нами Верблюдом (1100 м). Потом хребет изгибается еще раз на запад. Отсюда он берет старое направление и подходит к самой высокой горе, которую мы вчера видели издали.

Вся описываемая часть Сихотэ-Алиня совершенно голая; здесь, видимо, и раньше не было лесов. Если смотреть на вершины гор снизу (из долин), то кажется, что около голь-

---

²⁵ И-ча – западное ответвление.

цов зеленеет травка. Неопытный путник торопится пройти лесную зону, чтобы поскорее выйти к альпийским лугам. Но велико бывает его разочарование, когда вместо травки он попадает в пояс кедрового стланца. Корни этого древесного растения находятся вверху, а ствол и ветви его стелются по склону, как раз навстречу человеку, поднимающемуся в гору. Пробираться сквозь кедровый стланец очень трудно: без топора тут ничего не сделать. Нога часто соскальзывает с сучьев; при падении то и дело садишься верхом на ветви, причем ноги не достают до земли, и обойти стланцы тоже нельзя, потому что они кольцом опоясывают вершину. Выше их на Сихотэ-Алине растут низкорослые багульники, брусника, рододендрон, мхи, еще выше – лишай, и наконец начинаются гольцы.

В этот день мы дошли до подножия куполообразной горы и остановились около нее в седловине.

Глава 11

Опасная переправа

Гора Шайтан. – Река Сица. – Истоки реки Такемы. – Прибыль воды. – Переправа на плоту. – Дерсу в опасности. – Привязанное дерево. – Спасение. – Возвращение к морю. – Смешное недоразумение. – Прибрежные горные реки. – Скала Ван-Син-лаза. – Кольчатый тюлень. – Бивак около устья Кулумбе. – Тень и душа. – Пятнистый олень.

Ночью мы мало спали, зябли и очень обрадовались, когда на востоке появились признаки зари. Солнце еще пряталось за горизонтом, а на земле было уже все видно.

Горная страна с птичьего полета! Какая красота! Куда ни глянешь – всюду горы, вершины их, то остроконечные, как петушиные гребни, то ровные, как плато, то куполообразные, словно морская зыбь, прятались друг за друга, уходили вдаль и как будто растворялись во мгле.

Но вот взошло солнышко и пригрело землю. Иней исчез, и трава из пепельно-серебристой снова сделалась буро-желтой и сухой.

Собрав свои котомки, мы стали взбираться на самую высокую гору. Много раз мы садились отдыхать, затем опять карабкались вверх и только к полудню достигли ее верши-

ны. По барометрическим измерениям, высота горы оказалась равной 1570 м. Я назвал ее Шайтаном. Это самая высокая точка в центральной части Сихотэ-Алиня. Восточные склоны – каменистые и крутые, западные – пологие. Камни, покрывающие вершину Шайтана, были так плотно уложены, что можно подумать, будто их кто-нибудь нарочно утрамбовывал и пригонял друг к другу.

Спуск с горы отнял у нас тоже много времени. В следующей, соседней седловине барометр показывал 1066 м. Отсюда Сихотэ-Алинь поворачивает на северо-восток.

Дальше мы по нему не пошли и начали спуск в долину реки Сицы. С большой горы всегда надо спускаться осторожно, не торопясь, иногда останавливаться.

Осыпи, мхи и кедровые стланцы теперь остались позади. Здесь я нашел мохнатую черную смородину. Ниже росла рябина, мелкая лиственница и низкорослая береза, еще ниже – кедр, потом – черная береза, дуб и все прочие деревья.

В полдень мы остановились на привал. Пока кипятили чай, я успел сделать несколько фотографических снимков.

Сица в верховьях состоит из двух речек, каждая из них, в свою очередь, разбивается на два ручья, потом еще и еще. Все ручьи сбегают в обширную котловину, изрезанную оврагами.

Нигде хребет Сихотэ-Алинь не выступает так величественно и резко, как в истоках Сицы. Здесь он действительно кажется высоким горным хребтом.

Всюду в обнажениях я видел кристаллические сланцы и кварцы, окрашенные окисью меди. Китайцы говорят, что на Сице есть золото, а в горах – горный хрусталь. В долине Сицы раньше были хорошие хвойные смешанные леса, впоследствии выгоревшие. Теперь на месте пожарища выросли березняки 25-летнего возраста.

Река Сица считается хорошим охотничьим местом, и действительно, следы изюбров встречались чуть ли не на каждом шагу. Избитая земля, истрепанные кусты, клочья шерсти и обломки рогов говорили о том, что здесь происходят главные бои.

К вечеру мы дошли до маленькой зверовой фанзы, которую, по словам Чан Лина, выстроил кореец-золотоискатель. Золота он не нашел, но соболей в тот год поймал много. Тут мы остановились. В сумерки Чан Лин и Дерсу ходили на охоту и убили сайка²⁶. Ночью они по очереди и сушили мясо.

Дальнейший путь лежал вниз по Сице. Она шириной около 4 м, глубиной 0,6 м и в нижнем течении очень порожиста и бурлива. По мере того как мы отходили от водораздела, долина суживалась все более и более и наконец превратилась в глубокое ущелье. Здесь с обеих сторон высятся мощные древнеречные террасы, состоящие из глинистых сланцев с прослойками желтого мелкозернистого песчаника и молочно-белого кварца. Сланцы сильно перемяты и кажутся плейчатыми.

---

²⁶ Годовалый телок-изюбр, оставивший матку.

С левой стороны террасы стоит одинокая скала, похожая на старинную башню. Вместе с Чан Лином мы поднялись наверх, чтобы с высоты ее посмотреть на верховья Такемы. До истоков было еще далеко. Река загибается на север и охватывает истоки Кусуна. В самых верховьях Такема принимает в себя справа и слева еще по одному притоку. Правый называется Чен-Шенза²⁷, левый – Сяодунца²⁸. Немного выше устья последней, на левом берегу Такемы, по словам Чан Лина, есть скалистая сопка, куда удэгейцы боятся ходить: там с гор всегда сыплются камни, там – обиталище злого духа Какзаму.

Из всего изложенного выше явствует, что хребет Сихотэ-Алинь по отношению к Такеме идет под углом, сначала небольшим, а затем, по мере отклонения реки к югу, увеличивающимся все больше и больше.

Спустившись с Сихотэ-Алиня в долину Сицы, мы заночевали в зверовой фанзочке Чан Лина, где он за два года поймал 86 соболей.

На следующий день к полудню мы дошли до реки Такемы и направились вниз по ее течению, придерживаясь правого края долины. По пути мы видели одного медведя и нескольких изюбров.

Полюбовавшись красивой горной панорамой, мы пошли вниз по правому берегу Такемы и, немного не доходя до реки

---

²⁷ Чэнь-шэнь-гоу – долина, сделавшаяся святой.

²⁸ Сяо-дун-ча – малое восточное разветвление.

Сяо-Дунанцы²⁹, стали биваком.

С утра хмурившаяся погода к вечеру разразилась сильным дождем. С первых же капель стало видно, что дождь будет затяжной. Палатки мы поставили хорошо, натаскали сухих дров и потому ночь провели спокойно. Утром дождь пошел еще сильнее. Пришлось продневать. Мои спутники убивали время разговорами, спали или пили чай, а я занимался своей обычной работой. Часов в одиннадцать утра была короткая гроза. Молнии не было видно; гром грохотал где-то вверху, в облаках, тучи шли вразброд, и ветер часто менял направление. Целый день и всю ночь шел дождь с удивительным постоянством. На рассвете 17 сентября тучи рассеялись и опять ударил мороз. Вершины гор забелели от снега и в этом уборе приняли праздничный вид. Земля, пригретая солнечными лучами, стала оттаивать; онемевшая было вода ожила и тонкими струйками стала сбегать по скатам, и чем ниже, тем бег ее становился стремительнее; это подбодрило всех. Словно сговорившись, мы проворно собрали свои котомки и бодро пошли дальше и около полудня были близ реки Юготхо (Ага-то), впадающей в Такему с левой стороны. По ней можно перевалить в реку Чез-Бязани (приток Кусуна). Как мы ни старались, но в этот день нам удалось дойти только до устья реки Тянь-чин-гоуза. Небольшая тропка привела нас к фанзочке, построенной среди густого леса, в расстоянии один километр от Такемы; тут мы заночевали, а

---

²⁹ Сяо-дун-нань-ча – малое юго-восточное разветвление.

утром снова продолжали свой путь вниз по долине реки Такемы.

После грозы погода установилась хорошая, и мы продвигались довольно быстро.

Я заметил, что каждый раз, когда тропа приближалась к реке, спутники мои о чем-то тревожно говорили между собой. Скоро все разъяснилось: от последних дождей вода в Такеме поднялась выше своего уровня, и этого было достаточно, чтобы воспрепятствовать нам перейти вброд. Оставалось или продолжать путь по правому берегу до реки Сяо-Кунчи и затем через перевал выйти в долину реки Илимo, или же переправиться через Такему где-нибудь выше Такунчи. Путь через реку Илимo был длинный и кружной. Посоветовавшись между собой, мы решили попытаться переправиться через реку на плоту и только в случае неудачи идти к верховьям Илимo и по ней к устью Такемы.

Для этого надо было найти плёс, где вода шла тихо и где было достаточно глубоко. Такое место скоро было найдено немного выше последнего порога. Русло проходило здесь около противоположного берега, а с нашей стороны тянулась длинная отмель, теперь покрытая водой. Свалив три большие ели, мы очистили их от сучьев, разрубили пополам и связали в довольно прочный плот. Работу эту мы закончили перед сумерками и потому переправу через реку отложили до утра.

Вечером мы еще раз совещались. Решено было, что, ко-

гда плот понесет вдоль берега, Аринин и Чжан Бао должны будут соскочить с него первыми, а я стану сбрасывать вещи. Чан Лин и Дерсу будут управлять плотом. Затем спрыгиваю я, за мной Дерсу, последним оставляет плот Чан Лин.

На другой день мы так и сделали. Котомки положили по середине плота, поверх них ружья, а сами распределились по концам. Едва мы оттолкнули плот от берега, как его сразу подхватило течение и, несмотря на наши усилия, отнесло далеко ниже того места, где мы рассчитывали высадиться. Как только плот подошел к противоположному берегу, Чжан Бао и Аринин, захватив с собой по два ружья, спрыгнули на землю. От этого толчка плот немного отошел к середине реки. Пока его несло вдоль берега, я принялся сбрасывать вещи. Дерсу и Чан Лин прилагали все усилия подвести плот возможно ближе к берегу, дабы дать возможность мне высадиться. Я уже собрался было это сделать, как вдруг у Чан Лина сломался шест и он полетел головой в воду. Вынырнув, он поплыл к берегу. Тогда я схватил запасной шест и бросился помогать Дерсу. Немного дальше виднелся каменный выступ. Дерсу закричал мне, чтобы я прыгал как можно скорее. Не зная его плана, я продолжал работать шестом. Не успел я опомниться, как он поднял меня на руки и бросил в воду. Я ухватился руками за куст и выбрался на берег. В это мгновение плот ударился о камень, завертелся и опять отошел на середину реки.

На плоту остался один Дерсу.

Мы бросились бегом по берегу с намерением протянуть гольду шест, но река здесь делала изгиб, и мы не могли догнать плот. Дерсу делал отчаянные усилия, чтобы снова приблизить его к берегу. Но что значила его сила в сравнении с течением реки! Впереди, метрах в 30, шумел порог. Стало ясно, что Дерсу не справится с плотом и течение непременно увлечет его к водопаду. Недалеко от порога из воды торчал сук утонувшего тополя. Чем ближе приближался плот к водопаду, тем быстрее несло его течением. Гибель Дерсу казалась неизбежной. Я бежал вдоль берега и что-то кричал. Сквозь чащу леса я видел, что он бросил шест, стал на край плота и в тот момент, когда плот проносился мимо тополя, он, как кошка, прыгнул на сук и ухватился за него руками.

Через минуту плот достиг порога. Два раза из воды показались концы бревен, и затем их разметало на части. Крик радости вырвался из моей груди. Но тотчас же появился новый тревожный вопрос: как теперь снять Дерсу с дерева и надолго ли у него хватит сил? Сук торчал из воды наклонно по течению, под углом градусов в 30. Дерсу держался крепко, обхватив его руками и ногами. К несчастью, у нас не было ни одной веревки: они все ушли на увязку плота и теперь погибли с ним вместе. Что делать? Медлить было нельзя. Руки у Дерсу могли озябнуть, устать и тогда... Мы стали совещаться. В это время Чан Лин обратил внимание на Дерсу, который делал нам рукой какие-то знаки. За шумом воды в реке нельзя было слышать, что он кричал. Наконец мы поняли

его: он просил рубить дерево. Валить дерево в реку против самого Дерсу было опасно, потому что оно могло сбить его с сука, за который он держался. Значит, надо было рубить дерево выше. Выбрав большой тополь, мы начали было его рубить, но увидели, что Дерсу отрицательно замахал рукой. Тогда мы подошли к липе – Дерсу замахал снова. Наконец мы остановились около большой ели... Дерсу дал утвердительный знак. Теперь мы поняли его. Ель не имеет толстых ветвей, и потому она не застрянет в реке, а поплывет. В это время я заметил, что Дерсу показывает нам ремень. Чжан Бао понял этот знак. Дерсу указывал, что ель надо привязать. Я спешно стал развязывать котомки и собирать все, что было подходящего и что могло хоть как-нибудь заменить веревки. Для этого пошли ружейные, поясные ремни и ремни от обуви. В котомке Дерсу оказался еще один запасной ремень. Мы все их связали вместе и одним концом привязали ель за основание.

После этого мы дружно взялись за топоры. Подрубленная ель покачнулась. Еще маленькое усилие – и она стала падать в воду. В это время Чжан Бао и Чан Лин схватили концы ремней и закрутили их за пень. Течение тотчас же начало отклонять ель к порогу, она стала описывать кривую от середины реки к берегу, и в тот момент, когда вершина проходила мимо Дерсу, он ухватился за хвою руками. Затем я подал ему палку, и мы без труда вытащили его на берег.

Первое, что я сделал, – поблагодарил гольда за то, что он

вовремя столкнул меня с плота. Дерсу смутился и стал говорить, что так и надо было, потому что если бы он соскочил, а я остался на плоту, то погиб бы наверное, а теперь мы все опять вместе. Он был прав, но тем не менее он рисковал жизнью ради того, чтобы не рисковал ею.

Человек скоро забывает опасность. Едва она минует, сейчас же он начинает шутить. Чан Лин хохотал во все горло и кривлялся, изображая, как Дерсу сидел на суку. Чжан Бао говорил, что Дерсу так крепко ухватился за сук, что он подумал, не приходится ли он сродни медведю? Смеялся и сам Дерсу тому, как Чан Лин упал в воду; посмеялся и надо мною, как я очутился на берегу, сам того не помня, и т.д. Вслед за тем мы принялись собирать разбросанные вещи. Когда работа была кончена, солнце уже скрылось за лесом. Вечером мы долго сидели у огня. Чжан Бао и Чан Лин рассказывали о том, как каждый из них тонул и как они спаслись от гибели. Мало-помалу разговоры на биваке начали стихать. Рассказчики молча еще покурили трубки и затем стали укладываться спать, а я взялся за дневник.

Кругом было темно. Вода в реке казалась бездонной пропастью. В ней отражались звезды. Там, наверху, они были неподвижны, а внизу плыли с водой, дрожали и вдруг вновь появлялись на прежнем месте. Мне было особенно приятно, что ни с кем ничего не случилось. С этими радостными мыслями я задремал.

На другой день мы продолжали наш путь вниз по долине

реки Такемы и в три с половиной дня дошли до моря уже без всяких приключений. Это было 22 сентября. С каким удовольствием я растянулся на чистой циновке в фанзе у тазов! Гостеприимные удэгейцы окружили нас всяческим вниманием: одни принесли мясо, другие – чай, третьи – сухую рыбу. Я вымылся, надел чистое белье и занялся работой.

Следующие два дня были дождливые, в особенности последний. Лежа на кане, я нежился под одеялом. Вечером перед сном тазы последний раз вынули жар из печей и положили его посредине фанзы в котел с золой. Ночью я проснулся от сильного шума. На дворе неистовствовала буря, дождь хлестал по окнам. Я совершенно забыл, где мы находимся; мне казалось, что я сплю в лесу, около костра, под открытым небом. Сквозь темноту я чуть-чуть увидел свет потухающих углей и испугался.

– Дерсу, Дерсу! – закричал я. – Вставай скорей! Дождь сейчас зальет огонь.

Дерсу поднялся со своего ложа.

– Ничего, ничего, капитан! Сейчас мы кладем огонь поближе, – сказал он и начал искать топор.

– Тьфу! – вдруг услышал я его голос. – Как так обмани? Наша в фанзе спи. Тебе капитан играй.

Тут только я спохватился, что сплю не в лесу, а в фанзе, на кане и под теплым одеялом. Со сладостным сознанием я лег опять на свое ложе и под шум дождя уснул крепким-крепким сном.

Утром 25 сентября мы распрощались с Такемой и пошли далее на север. Я звал Чан Лина с собой, но он отказался. Приближалось время соболевания; ему надо было приготовить сетку, инструменты и вообще собраться на охоту на всю зиму. Я подарил ему маленькую берданку, и мы расстались друзьями³⁰.

От Такемы на север идут два пути: один – горами, вдали от моря, другой – по намывной полосе прибоя. А.И. Мерзляков с лошадьми пошел первым, а я – вторым.

Путь А.И. Мерзлякова начинался от фанзы удэгейца Сиу Ху и шел прямо на восток, пересекая несколько маленьких перевальчиков. Перейдя речку Хуля, он повернул к северо-востоку, затем пересек еще одну реку – Шооми (в верховьях) – и через 3 суток вышел на реку Кулумбе. Здесь, около скалы Мафа, он где-то видел выходы каменного угля на поверхность. После перевала по другой безымянной горной речке он пришел на реку Найну, прямо к корейским фанзам.

Как я уже сказал, я избрал второй путь – по берегу моря.

Подойдя к устью Такемы, я увидел, что, пока мы ходили в горы, река успела переменить свое устье. Теперь оно было у левого края долины, а там, где мы переезжали реку на лодке, образовался высокий вал из песка и гальки. Такие перемещения устьев рек в прибрежном районе происходят очень часто в зависимости от наводнений и от деятельности мор-

---

³⁰ В 1925 году Чан Лин трагически погиб там же, на реке Такеме, в местности Илимю.

ского приборя.

Большие обнажения на берегу моря к северу от реки Такемы состоят главным образом из лав и их туфов (биолитовый дацит), дальше тянутся полевошпатовые сланцевые породы и диорит. Тип берега кулисный. Действительно, мысы выступают один за другим наподобие кулис в театре. Вблизи берега нигде нет островов. Около мысов, разрушенных морским приборем, кое-где образовались береговые ворота. Впоследствии своды их обрушились, остались только столбы – любимые места отдыха птиц.

После Такемы в последовательном порядке идут горные речки: Коами (по-удэгейски Агана, а на морских картах – Лоаенгоу), потом около мыса Большева будет речка Шооми (по-китайски Сеами, по-удэгейски Соми). Долины их близ моря слились вместе и образовали обширную низину, покрытую редколесьем. Шооми длиной 12 км. Истоки ее находятся около горы Туманной с перевалом на реку Такему, к местности Илимю.

Долина последней речки непропорционально широка, в особенности в верхней части. Горы с левой стороны так размыты, что можно совершенно незаметно перейти в соседнюю с ней реку Кулумбе. Здесь я наблюдал такие же каменные россыпи, как и на реке Аохобе. Воронки среди них, диаметром около 2 м и глубиной 1,5 м, служат водоприемниками. Через них вода уходит в землю и вновь появляется на поверхности около устья.

К северу от реки Шооми характер горной страны выражен очень резко. Быть может, это только так кажется из-за контраста остроконечных сопок с ровной поверхностью моря.

Редколесье, покрывающее склоны гор, состоит преимущественно из монгольского дуба, амурской липы и даурской березы. Главную массу кустарников составляют калина, таволга, леспедца, шиповник и лещина. Здесь, на каменистых склонах, попутно я собрал колокольчик (платикодон крупноцветный), одно из самых обычных и красивых растений формации орешников и лугов на местах выгоревшего леса. Видовое название этого колокольчика показывает, что цветы его крупной величины; потом я заметил тимьян с уже поблекшими жесткими фиолетовыми цветами; крупную веронику, имеющую бархатисто-опушенные стебли и короткие остроконечные зубчатые листья. Каков цветок у нее – сказать не могу. Судя по увядшим венчикам, мне показалось, что у нее были не белые, а синие цветы. Затем борец – пышное высокое растение с мелким пушком в верхней части стебля и бархатистыми большими листьями; засохшие цветы его, расположенные крупной кистью, вероятно, были темно-голубые. И наконец – мелколистную смолевку; цветы ее уже опали, остались только бокалообразные чашечки с выдающимися наружу длинными тычинками.

Осмотр реки Шооми отнял довольно много времени. После полудня мы повернули назад, к морю, и направились к горам, расположенным с левой стороны долины. Удэгейцы

называют их Саха-дуони и Канда-дуони (мыс Черта Канда). Каждая из них высотой около 240 м.

Часа через 2,5 мы подошли к реке Кулумбе. Южный мыс с правой стороны заслуживает особого внимания. Здесь можно наблюдать великолепные образцы столбчатого распада базальтов. С левой стороны реки поднимается высокая терраса, свидетельствующая об отрицательном движении береговой линии.

По берегам реки и на островах растет тонкоствольный ивняк, а на террасе – редкий липовый и дубовый лес. За ним высится высокий утес, которому местные китайцы дали название Янтун-Лаза³¹.

Переправившись через Кулумбе вброд, мы взобрались на террасу, развели огонь и начали сушиться. Отсюда, сверху, хорошо было видно все, что делается в воде.

Только что начался осенний ход кеты. Тысячи тысяч рыб закрывали дно реки. Иногда кета стояла неподвижно, но вдруг, словно испугавшись чего-то, бросалась в сторону и затем медленно подавалась назад. Чжан Бао стрелял и убил двух рыб. Этого было вполне достаточно для нашего ужина.

У северного края долины, в том месте, где береговая терраса примыкает к горам, путь преграждается высокой скалой, состоящей из роговообманкового андезита. Тут надо карабкаться вверх, за камни хвататься нельзя: они качаются и вываливаются из своих гнезд. По ту сторону утеса тропа

---

³¹ Янь-дун-ла-цзы – опасная восточная скала.

лепится по карнизу на высоте 20 м над морем. Идти прямо по тропе опасно, потому что карниз узок, можно двигаться только боком, оборотясь лицом к стене и держась руками за выступы скалы. Самый карниз неровный и имеет наклон к морю. Здесь погибло много людей. Удэгейцы скалу эту называют Куле-Рапани, а китайцы – Ван-Син-лаза, по имени китайца Ван Сина – первой жертвы неосторожности. В сапогах по карнизу идти рискованно; люди обыкновенно идут босые или надевают обувь мягкую и сухую. Ван-Син-лаза нельзя переходить в дождливую погоду, утром после росы и во время гололедицы.

После перехода вброд реки Кулумбе наша обувь была мокрой, и потому переход через скалу Ван-Син-лаза был отложен до другого дня. Тогда мы стали высматривать место для бивака. В это время из воды показалось какое-то животное. Подняв голову, оно с видимым любопытством рассматривало нас. Это была нерпа.

Кольчатый тюлень, или нерпа, относится к отряду ластоногих. Тело ее длиной более 2 м и весит около 80 кг. По берегам Уссурийского края нерпы встречаются повсеместно, но чем севернее, тем больше, что объясняется безлюдностью побережья. Окраска тела животного светло-серая с серебристым оттенком и с ясно выраженными темными кольцевыми пятнами. Животное большую часть времени проводит в воде, но иногда для отдыха вылезает на прибрежные камни. Сон нерпы тревожен: она часто просыпается и оглядыва-

ется по сторонам. Слух и зрение у нее развиты лучше других чувств. Насколько она неповоротлива на суше, настолько проворна в воде. В своей родной стихии она становится смелой до дерзости и даже нападает на человека. Отличительные черты характера нерпы – любопытство и любовь к музыке. Охотники подзывают ее свистом или ударами палки по какому-нибудь металлическому предмету.

Дерсу что-то закричал нерпе. Она нырнула, но через минуту опять появилась. Тогда он бросил в нее камень. Нерпа погрузилась в воду, но вскоре поднялась снова и, задрав голову, усиленно смотрела в нашу сторону. Это вывело гольда из терпения. Он схватил первую попавшуюся ему под руку винтовку и выстрелил.

Пуля всплеснула совсем близко от животного.

– Эх, брат, промазал ты, – сказал я ему.

– Моя его пугай, – ответил он. – Убей не хочу.

Я спросил, зачем он прогнал нерпу. Дерсу сказал, что она считала, сколько сюда, на берег, пришло людей. Человек может считать животных, но нерпа?! Это очень задевало его охотничье самолюбие.

Остаток дня мы распределили следующим образом: Чжан Бао и Дерсу пошли осматривать скалу – они хотели обвалить непрочные камни и, где можно, устроить ступеньки, а я почти до самых сумерек вычерчивал маршрут.

Покончив работу, я кликнул свою собаку и, взяв ружье, пошел немного побродить по берегу.

Дойдя до реки Кулумбе, я сел на камень и стал вслушиваться в тихие, как шепот, звуки, которыми всегда наполняется тайга в часы сумерек. Безбрежный океан, сонная земля и глубокое темное небо с миллионами неведомых светил одинаково казались величественными.

Собака моя сидела рядом со мной и, насторожив уши, тоже внимательно прислушивалась к лесным звукам. Вдруг она встрепенулась и стала смотреть вверх по реке. Вслед за тем позади себя я услышал сопение. Я быстро обернулся. Какая-то темная масса двигалась около реки. Это был большой медведь. Урок, данный мне в прошлом году на реке Матухе, был еще памятен, и я воздержался от выстрела. Но Альпа не выдержала и стала лаять. Медведь остановился, понюхал воздух, затем повернул назад и с ворчаньем пошел опять в тальники.

Я встал и поспешно направился к биваку. Костер на таборе горел ярким пламенем, освещая красным светом скалу Ван-Син-лаза. Около огня двигались люди; я узнал Дерсу — он поправлял дрова. Искры, точно фейерверк, вздымались кверху, рассыпались дождем и медленно гасли в воздухе.

Через четверть часа я был вместе со своими товарищами. После ужина мы долго сидели у огня и разговаривали; говорили больше Дерсу и Чжан Бао, а я слушал. Время летело незаметно. Когда мы кончили беседу, созвездие Близнецов уже показывало полночь. Подбросив еще раз дров в огонь, мы завернулись в одеяла и легли спать. Бивак этот почему-то

оставил во мне неизгладимое впечатление. На другой день, 26 сентября, вышло как-то так, что мы все встали очень рано. Утренняя заря была багровая, солнце взошло деформированное; барометр показывал 758 мм и температуру +6°С.

Греясь у костра, мы пили чай. Вдруг Чжан Бао что-то закричал. Я обернулся и увидел мираж. В воздухе, немного выше поверхности воды, виднелся пароход, две парусные шхуны, а за ними горы, потом появилась постройка, совершенно не похожая ни на русский дом, ни на китайскую фанзу. Явление продолжалось несколько минут, затем оно начало блекнуть и мало-помалу рассеялось в воздухе.

Все принялись обсуждать. Чжан Бао сказал, что явления миража в прибрежном районе происходят осенью и большей частью именно в утренние часы. Я пытался объяснить моим спутникам, что это такое, но видел, что они меня не понимают. По выражению лица Дерсу я видел, что он со мной несогласен, но из деликатности не хочет делать возражений. Я решил об этом поговорить с ним в дороге.

Когда мы выступили с бивака, я стал его расспрашивать. Сначала он уклонялся от ответов, и я уже терял надежду узнать от него что-нибудь, но одно слово, сказанное мною, дало толчок. Я сказал «тень» и попал как раз в точку. Однако слово «тень» он понимал в смысле тени астральной, в смысле души. После этого Дерсу принялся мне объяснять явление миража очень сложно. По его представлению, душу – тень (ханя) – имеют не только люди, животные, птицы, ры-

бы, насекомые, но и растения, и камни, и вообще все неодушевленные предметы.

– Люди спи, – говорил Дерсу, – ханя ходи; ханя назад ходи – люди проснулся.

Душа оставляет тело, странствует и многое видит в то время, когда человек спит. Этим объясняются сны. Душа неодушевленных предметов тоже может оставлять свою материю. Виденный нами мираж, с точки зрения Дерсу, был тенью (ханя) тех предметов, которые в это время находились в состоянии покоя. Та к первобытный человек, одушевляя природу, просто объясняет такое сложное оптическое явление, как мираж.

Переправа через скалу Ван-Син-лаза действительно была очень опасна. Я старался не глядеть вниз и осторожно переносил ногу с одного места на другое. Последним шел Дерсу. Когда он спустился к берегу моря, я облегченно вздохнул.

Сейчас же за скалой течет маленький ключ Дзаянкуни (на картах – Таянкуни), рядом с ним гора Уонгу и затем две речки: Момокчи и Асектани (на картах – Остегни). От устья Кулумбе до Асектани – 10 км.

Места эти очень интересны в зоогеографическом отношении. Здесь находится последний естественный питомник пятнистых оленей. Животное это по своим размерам занимает промежуточное место между козулей и изюбром и является единственным представителем хвостатых оленей. Летняя окраска его весьма пестрая: общий тон шерсти крас-

но-кирпичный; по сторонам тела расположено семь рядов белых пятен величиной с яблоко; по спине проходит черный ремень; хвост животного, которым он постоянно помахивает, украшен длинными черными волосами. Зимой олень становится буро-серым и пятна почти совсем исчезают. Мускулистая шея его покрыта довольно длинной шерстью, которая спереди и на груди несколько темнее, чем на остальных частях тела. Рога самцов не имеют нижних глазных отростков, как у изюбров; панты ценятся китайцами очень высоко (от 800 до 1200 рублей пара).

В Уссурийском крае пятнистый олень обитает в южной части страны. Северной границей его распространения в бассейне Уссури можно считать реку Иман и на берегу моря реку Амагу (мыс Арка). За последние 20 лет площадь обитания оленей сократилась раз в десять. В тех местах, где раньше они бродили стадами, поселились корейцы и начали уничтожать леса. Бедные животные стали отходить на север, но не могли выдержать жизни в хвойных лесах и погибли очень скоро. В настоящее время во всем Уссурийском крае есть только три естественных питомника: остров Аскольд в заливе Петра Великого; горная область с правой стороны в верховьях реки Судзухе (местность Юм-бей-си) и небольшой участок на побережье Японского моря, между реками Кулумбе и Найной (мыс Арка). Как только зверопромышленники пронюхают об этом, они быстро перебеют всех оленей. Местным властям в крае следовало бы позаботиться об охране

ЭТИХ ПИТОМНИКОВ ТЕПЕРЬ ЖЕ, ПОКА ЕЩЕ НЕ ПОЗДНО.

Глава 12

Корейцы-соболевщики

Мелкие реки прибрежного района. – Корейская фанза. – Водяная толчая. – Река Найна. – Корейская соболина лова. – Влияние колонизации на край. – Мыс Арка. – Река Квандагоу. – Река Кудя-хе. – Старообрядческая деревня. – Удэгейцы. – Климат прибрежного района. – Фенология. – Ботанические и зоогеографические границы. – Река Амагу. – Лось.

Чем дальше на север, тем террасы на берегу моря становятся все выше и выше. Особенно сильно они развиты около устьев горных рек: Гаппакси, Була (по-китайски Яндиоза), Толонги, Кулумбе, Момокчи и Найны, где достигают высоты 15 м. Около Момокчи они углубляются в долину и идут по сторонам ее в виде ясно выраженных карнизов. Основание террас массивное, а верхняя часть состоит из угловатых обломков вперемежку с глиной, вследствие чего сверху они всегда заболочены. Здесь на берегу моря впервые встречается лиственница, растущая группами.

География части побережья между Момокчи и Наинной такова: высокий горный хребет Габади тянется под острым углом по отношению к берегу моря. По ту сторону его бу-

дет бассейн реки Кулумбе, по эту – мелкие речки, имеющие только удэгейские названия: Яшу (на картах – Ячасу), Уяги-Бязани, Санкэ, Капуты, Янужа и другие. Между ними следует отметить три горные вершины: Габади, Дюхане и гору Яндоюза, а около устья реки Яшу – одинокую скалу Када-Буди-Дуони. На морских картах она названа горой Ожидания.

От реки Кулумбе на север до реки Найны горные породы располагаются следующим образом: сперва идет андезит со столбчатым, несколько веерообразным распадением, дальше будут дацит с тридимитом и кремнистые сланцы. Близ устья реки Момокчи (мыс Александра) горы состоят из сильно изменившегося кварцевого порфирита и весьма плотной грейзеноподобной породы. В ней в виде редких шпир встречается серный блеск. Между реками Яшу и Момокчи от массы горы в море выдвигаются два мыса, имеющие удэгейские названия: Ухэ-дуони и Копочи-дуони.

Наконец, около реки Найны в береговых обнажениях видна какая-то бурая, сильно метаморфизированная сложная порода.

У подножия найнинских террас, на самом берегу моря, мы нашли корейскую фанзу. Обитатели ее занимались ловлей крабов и соболеванием. В фанзе жили девять холостых корейцев. Среди них двое одетых по-китайски и один по-удэгейски. Они носили косы и имели подбритые лбы. Я долго их принимал за то, чем они казались, и только впоследствии узнал, кто они на самом деле.

Подходя к фанзе, я услышал шум воды и затем звук от падения чего-то тяжелого. Сначала я не обратил на это внимания, но, когда звук повторился во второй, третий и в десятый раз, я спросил, что это значит. Чжан Бао сказал, что это корейская толчея, приводимая в движение водою.

Такая толчея устраивается около ручья следующим образом: на двух опорах лежит свободно вращающийся валик, проходящий сквозь длинное коромысло с неравными плечами. К короткому плечу прикреплен тяжелый пест, под которым поставлена большая деревянная ступа. Другое (длинное) плечо коромысла оканчивается ковшом. Стекающая по желобу вода наполняет ковш. Получив значительный вес, он опускается вниз, поднимая пест кверху. Как только ковш наклонится, из него разом выливается вода, тогда перетягивает пест и падает в ступу.

Из всех восточных народов на материке Азии корейцы первые додумались до использования живой силы воды. У китайцев таких машин нет. Иногда толчеи устраиваются дома или в самой фанзе. В последнем случае вместо ковша коромысло кончается плоской лопатой, а машина приводится в движение давлением ноги. Эту работу обыкновенно исполняют женщины.

На возвратном пути в фанзу я услышал еще какой-то шум в сарае – это корейцы мололи муку при помощи ручных жерновов, наложенных один на другой. К верхнему прикреплен короткий рычаг, при помощи которого он приводится в дви-

жение. Зерно насыпается в деревянный ящик, откуда оно течет в отверстие верхнего камня и затем к зазорам между жерновами.

Как и надо было ожидать, наше появление вызвало беспокойство среди корейцев. В фанзе было свободно, и потому мы разместились на одном из канов. Дерсу сделал вид, что не понимает их языка, и внимательно стал прислушиваться к тому, что они говорили между собою.

Из этого разговора он узнал, что среди корейцев есть несколько искателей руд, остальные – охотники, пришедшие за провизией с реки Кулумбе, где у них имеются зверовые фанзы.

27 сентября было посвящено осмотру реки Найны, почему-то названной на морских картах Яходеи-Санка. Река эта длиной 20 км; истоки ее находятся в горах Карту, о которых будет сказано ниже. Сначала Найна течет с севера на юг, потом поворачивает к юго-востоку и последние 10 км течет к морю в широтном направлении. В углу, где река делает поворот, находится зверовая фанза. Отсюда прямо на запад идет та тропа, по которой прошел А.И. Мерзляков со своим отрядом.

Корейская зверовая фанза – это небольшая постройка, сложенная из бревен, с пологой двускатной крышей из кедрового корья. Она имеет два или три окна, по одному с каждой стороны, и две двери, всегда обращенные к речке. Внутреннее устройство ее такое же, как и в китайских фанзах.

Тут есть очаг с железным котлом и кан для спанья, нагреваемый дымовыми ходами. Вся внутренняя обстановка сделана грубо, топорно, чтобы не жаль было бросить ее в случае, если придется переходить на другое место. И снаружи, по типу постройки, и по внутренней обстановке всегда можно отличить корейскую зверовую фанзу от китайской.

Время было осеннее, и корейцы начали уже соболевать. Недалеко от фанзы мы увидели и самые ловушки на соболя, так наказываемые «мосты». Для устройства их корейцы пользуются буреломным лесом, переброшенным с одного берега реки на другой. Иногда они нарочно для этого валят деревья, если место кажется подходящим, а валежника вблизи нет. Посредине бревна из мелких прутьев сделана изгородь, в которой оставлен узкий проход, а в нем в вертикальном положении укреплена волосяная петля. По бокам бревно отесано так, чтобы соболь не мог обойти изгородь стороной. Петля одним концом привязана к деревянной палочке, которая небольшим выступом чуть только держится на маленьком упорце. К этой палочке привязан груз (камень) весом 3—4 кг. Когда соболь бежит по такому «мосту», он натывается на изгородь, старается ее обойти, но гладкие затески мешают ему; тогда он пробует перескочить через петлю, запутывается, тянет ее за собой и срывает палочку с упорца. Груз падает в воду и увлекает за собой дорогого хищника.

Корейцы считают, что их способ соболевания самый лучший, потому что ловушка действует наверняка и случаев,

чтобы соболев ушел, не бывает. Кроме того, под водой соболев находится в сохранности и не может быть испорчен воронами или сойками. В корейские ловушки, так же как и в китайские, часто попадают белки, рябчики и другие мелкие птицы.

Вся долина реки Найны покрыта горелым лесом – пожар был здесь несколько лет назад. Ныне на месте хвойного леса вырос молодняк, состоящий из березы, лиственницы и осины.

К вечеру мы вернулись назад.

Дерсу недолго любил корейцев и, несмотря на то что на дворе было холодно и ветрено, отказался ночевать в фанзе. Он устроил себе бивак на берегу моря, под защитой террасы.

Вечером, после ужина, я пошел посмотреть, что он делает. Дерсу сидел, поджав под себя ноги, и курил трубку. Мне показалось у него так уютно, что я не мог отказать себе в удовольствии погреться у огня и поговорить с ним за кружкой чая.

– Дерсу, – сказал я ему, – я о тебе соскучился. Как только тебя нет около меня, чувствую, что чего-то не хватает.

– Спасибо, капитан, – ответил он с улыбкой, – спасибо! Моя тоже так. Тебе сопка один ходи – моя шибко боится.

Он подвинулся. Я сел рядом с ним и спросил его, почему он не любит корейцев.

Дерсу стал вспоминать дни своего детства, когда, кроме гольдов и удэге, других людей не было вовсе. Но вот появи-

лись китайцы, а за ними – русские. Жить становилось с каждым годом все труднее и труднее. Потом пришли корейцы. Леса начали гореть; соболь отдалился, и всякого другого зверя стало меньше. А теперь на берегу моря появились еще и японцы. Как дальше жить?

Дерсу замолк и задумался. Перед ним воскресло далекое прошлое. Он весь ушел в эти воспоминания. Задумался и я. Действительно, Приморье быстро колонизировалось. Недалеко уже то время, когда от первобытной, девственной тайги и следа не останется. Исчезнут и звери.

Мы сидели молча, и каждый по-своему думал об одном и том же.

– Как дальше жить? – вдруг опять проговорил Дерсу и глубоко вздохнул.

– Ничего, старик, – ответил я ему, – на наш с тобой век хватит.

В это время подошел к нам Чжан Бао и, смеясь, стал рассказывать, как кореец впотьмах наступил на голову другому корейцу, как тот в отместку вымазал ему физиономию чумизной кашей. Разговор наш переменялся.

На другой день мы продолжали наш путь далее на север. Погода стояла пасмурная, но дождя не было.

К северу от реки Найны до реки Амагу тянутся андезиты и кварцево-порфировый туф. Особенного внимания заслуживают обнажения около реки Амагу (мысы Белкина и Арка). Здесь в пестрых слоях туфа можно видеть пустоты с конкре-

циями из известкового шпата и из какой-то мягкой зелено-каменной породы.

На морских картах в этих местах показаны двое береговых ворот. Одни малые – у самого берега, другие большие – в воде. Ныне сохранились только те, что ближе к берегу. Удэгейцы называют их Сангасу, что значит «Дыроватые камни», а китайцы – Кулунзуйза³².

Об этих Дыроватых камнях у туземцев есть такое сказание. Одни люди жили на реке Нахтоху, а другие – на реке Шооми. Последние взяли себе жен с реки Нахтоху, но, согласно обычаю, сами им в обмен дочерей своих не дали. Нахтохуские удэгейцы отправились на Шооми и, воспользовавшись отсутствием мужчин, силой забрали столько девушек, сколько им было нужно.

Шоомийцы погнались за ними на лодках. Когда они достигли мыса Сангасу, то не помолились, а, наоборот, с криками и руганью вошли под свод береговых ворот. Здесь, наверху, они увидели гагару, но птица эта была не простая, а Тэму (Касатка – властительница морей). Один удэгеец выстрелил в нее и не попал. Тогда каменный свод обрушился и потопил обе лодки с 22 человеками.

Немного дальше камней Сангасу тропа оставляет морское побережье и идет вверх через перевал на реке Квандагоу (приток Амагу). Эта река длиной около 30 км. Истоки ее находятся там же, где и истоки Найны. Квандагоу течет сначала

---

³² Кулунь-цзий-цзы – конец, дыра (отверстие).

тоже в глубоком ущелье, заваленном каменными глыбами, но потом долина ее расширяется. Верхняя половина течения имеет направление с северо-запада, а затем река круто поворачивает к северо-востоку и течет вдоль берега моря, будучи отделена от него горным кряжем Чанготыкалани.

Следующие два мыса называются Нюммый-дуони и Ламчи-дуони, и, наконец, самый последний мыс около Амагу имеет русское название – Белкина, а рядом небольшая бухточка – Разочарования.

По выходе из гор течение реки Квандагоу становится тихим и спокойным. Река блуждает от одного края долины к другому, рано начинает разбиваться на пороги и соединяется с рекой Амагу почти у самого моря.

После перевала тропа идет сначала правым берегом реки, потом переходит через топкое болото на левый берег, затем снова возвращается на правую сторону, каковой и придерживается уже до самого устья. В верхней половине река Квандагоу заросла хвойным лесом, а в нижней – исключительно лиственными породами: топодем, дубом, березой, осякорем, осинод, кленом и т.д.

Путь по реке Квандагоу показался мне очень длинным. Раза два мы отдыхали, потом опять шли в надежде, что вот-вот покажется море. Наконец лес начал редеть; тропа поднялась на невысокую сопку, и перед нами развернулась широкая и живописная долина реки Амагу со старообрядческой деревней по ту сторону реки. Мы покричали. Ребятишки по-

дали нам лодку. Наше долгое отсутствие вызвало у Мерзлякова тревогу. Стрелки хотели уже было идти нам навстречу, но их отговорили староверы.

Через несколько минут я сидел в избе за столом, пил молоко и слушал доклад А.И. Мерзлякова. Весть о том, что я пришел на Амагу, быстро пронеслась по всей деревне.

Староверы встретили меня очень приветливо. Пришлось принимать гостей и отвечать им тем же.

Следующие три дня были дневки. Мы отдыхали и собирались с силами. Каждый день я ходил к морю и осматривал ближайшие окрестности. Река Амагу (по-удэгейски Амули, а по-китайски Амагоу) образуется из слияния трех рек: самой Амагу, Квандагоу, по которой мы прошли, и Кудя-хе, впадающей в Амагу тоже с правой стороны, немного выше Квандагоу. Поэтому когда смотришь со стороны моря, то невольно принимаешь Кудя-хе за главную реку, которая на самом деле течет с севера, и потому долины ее из-за гор не видно.

Кудя-хе – быстрая и порожистая речка длиной около 20 км. Она протекает по широкой долине и тоже берет начало с хребта Карту. Верхняя часть долины покрыта горелым сухостоем. Вновь появившийся молодняк состоит главным образом из осины, лиственницы и белой березы; ближе к морю, в горах, преобладают хвойные породы.

Видно, что нижняя часть долины Амагу, где поселились староверы, раньше была морским заливом. Реки Кудя-хе и Квандагоу некогда впадали в море самостоятельно. Затем

произошел обычный процесс заполнения бухты наносами реки и отступления моря. С левой стороны еще и теперь сохранилось длинное торфяное болото, но и оно уже находится в периоде усыхания. Ныне река Амагу впадает в море близ мыса Белкина и около устья образует небольшую заводь, которая сообщается с морем узкой протокой.

Старообрядческая деревня Амагу состояла из 18 дворов. Первые переселенцы (семь семейств) перекочевали сюда в 1900 году с реки Даубихе. Живя далеко в горах, старообрядцы сохранили облик чистых великороссов. Патриархальность семьи, костюмы, утварь, вышивки на одежде, резьба по дереву и т.д. – все это напоминало Древнюю Русь. У меня создалось впечатление, как будто я перенесся сразу на несколько столетий назад. Интересно было наблюдать, как они жили «задним числом»: для них сенсационным событием было то, что уже прошло, чем в России давно уже перестали интересоваться.

К ним заходили японские суда и очень редко – русские. Поэтому все свои закупки жители делали в Японии и только в случае крайности ходили сухопутьем в залив Ольги, совершая для этого длительные путешествия. Средствами к жизни их были земледелие и соболевание. Соболей они ловили всеми способами: и китайским, и корейским, и удэгейским. Занимались также охотой на оленей, били лосей, ловили рыбу. Ни в одежде их, ни в домашней обстановке, ни в чем другом не было заметно роскоши, но тем не менее все указывало на

то, что это народ зажиточный. Особенно много у них было коней и рогатого скота. Я насчитал 82 лошади и 84 коровы.

Кроме старообрядцев, на Амагу жила еще одна семья удэгейцев, состоящая из старика мужа, его жены и трех взрослых сыновей. К чести старообрядцев нужно сказать, что, придя на Амагу, они не стали притеснять туземцев, а, наоборот, помогли им и начали учить земледелию и скотоводству; удэгейцы научились говорить по-русски, завели лошадей, рогатый скот и построили баню.

На опушке лиственного леса, что около болота, староверы часто находили неглубоко в земле бусы, серьги, браслеты, пуговицы, стрелы, копыя и человеческие кости. Я осмотрел это место и нашел следы жилищ. На старинных морских картах при устье Амагу показаны многочисленные туземные юрты. Старик рассказывал мне, что лет 30 назад здесь действительно жило много удэгейцев, но все они погибли от оспы. В 1870 году, по словам Боголюбского, на берегу моря, около реки Амагу, жило много туземцев.

В климатическом отношении эта часть побережья резко отличается от мест, находящихся к западу от Сихотэ-Алиня. Лето здесь сырое и прохладное, осень долгая и теплая, зима сухая, холодная, а весна поздняя. Первая половина зимы бесснежная, снега выпадают только в феврале и марте. Зато ноябрь и декабрь страшно ветреные. Обыкновенно ветры дуют со стороны хребта Карту. По наблюдениям староверов, если на западе в горах небо чистое – погода будет тихая, но

если с утра там поднимаются кучевые облака – это верный признак сильного северо-западного ветра. Из 30 дней бывает приблизительно дней 5 тихих, «морочных», 10 дней с сильными ветрами, а остальные 15 дней с ветрами, которые можно просто назвать свежими. На рассвете обыкновенно всегда бывает тихо; ветер начинает дуть с восхода солнца, постепенно усиливаясь, и достигает наибольшего напряжения к двум часам пополудни. Затем ветер начинает спадать и совсем стихает после полуночи.

В Южно-Уссурийском крае опилки, зарытые в землю, быстро сгнивают и превращаются в удобрение, но на побережье моря они не гниют в течение трех лет. Это можно объяснить тем, что летом вследствие холодных туманов земля никогда не бывает парная.

Первый снег около Амагу выпадает около половины декабря. Осень стоит долгая и теплая, вследствие этого травы не сохнут, а вянут. В сырых местах, где трава растет кочками, нижняя часть ее долго еще остается зеленой. Это дает возможность рогатому скоту большую часть года держаться на подножном корму. Лошадей приходится подкармливать только весной. Старообрядцы говорят, что в год своего переселения они совершенно не имели сухого фуража и держали коров и лошадей на подножном корму всю зиму, и, по их наблюдениям, животные несколько не похудели.

Вследствие того что весна здесь наступает поздно, староверы пашут только в мае, а косят в августе. Та к как лето ту-

манное и холодное, то хлеба созревают тоже поздно. Уборка их производится в конце сентября, а иногда затягивается и до половины октября. Все овощи, в особенности картофель, растут хорошо; не созревают только дыни и арбузы. Период цветения растений и созревания плодов по сравнению с бассейном Уссури, на одной и той же широте, отстает почти на целый месяц.

В флористическом отношении река Амагу не менее интересна, чем в климатическом. В горах растет довольно много тиса. Любопытно, что дерево это в прибрежном районе встречается небольшими группами и не повсеместно. Южнее реки Мутухе его можно найти в лесу только одиночными деревьями. Здешняя липа не достигает таких размеров, как в Южно-Уссурийском крае, но зато ствол ее массивный и не имеет дупла. В районе верховьев Уссури и южнее наблюдается обратное явление: там липа хотя и растет в виде большого дерева, но почти всегда внутри полая. Ольха на Амагу имеет тоже очень крупные размеры и встречается не только по берегам рек, но и по тенивым склонам гор. Дуб растет небольшой, с белесоватой корой (на юге кора у дуба темная). Хотя желуди и созревают, но сами не спадают на землю, а их сбивают сильные осенние ветры. Заметно, что в здешних лесах болезненных наростов на деревьях меньше, чем к западу от Сихотэ-Алиня, и притом они встречаются только в верховьях рек. В Южно-Уссурийском крае такие наплывы достигают чрезвычайно больших размеров. Около Ама-

гу кедр, лиственница, ель, пихта, береза, осина произрастают хорошо, зато ясень, клен и вообще все твердые породы растут плохо. Чертово дерево попадаетея редко и имеет чахлый вид и отмершие вершины. Реку Амагу можно считать северной границей дикого винограда и маньчжурского ореха. Первый – низкорослый, растет исключительно на солнце и с подветренной стороны, но не вызревает. Уже на реке Кусуне (немного севернее) его совсем нет. Ореха крестьяне на Амагу не видели, но однажды во время наводнения по реке плыла к ним ветка со свежей листвой. Из этого они заключили, что где-то по реке есть одно такое дерево.

Крайне интересно влияние моря на растительность. Например, яд зверобоя, борца, чемерицы у моря несравненно слабее, чем в горах. То же самое можно сказать относительно укусов змей, шершней и ос.

Около реки Амагу домашние пчелы могут еще жить, но требуют за собой большого ухода. На зиму их надо тщательно прикрывать и оставлять больше корму. Завезенным сюда пчелам трудно собирать мед. В поисках медоносных трав им приходится совершать большие полеты. Старообрядцы заметили, что если настоящих медоносов бывает мало, то пчелы собирают мед с других растений, иногда даже с чемерицы. От этого меда пчелы болеют, и если им дать хорошего меда, то они тотчас выбрасывают из улья мед отравленный. Дальше на север опыты разведения староверами домашних пчел кончились неудачей.

Амагинский район заслуживает внимания натуралиста и в зоогеографическом отношении. Например, белогрудый медведь с юга доходит только до реки Кулумбе. Тигры появляются периодически. Пантер никто не встречал, и за семь лет староверы только один раз видели следы ее на скалах, но они не уверены, была ли то пантера или молодой тигр. Шакалоподобные «дикие собаки» встречаются весьма редко.

Та к как на западе раньше наступают холода, то и опущение соболя и белки происходит там раньше, чем на берегу моря (разница равна почти месяцу). По словам староверов, когда они первый раз прибыли на Амагу, то застали здесь дроф. В 1904–1905 годах дрофы еще изредка появлялись, но затем перелеты их совсем прекратились. Как-то раз, года два назад, вдруг на пашнях появилось несколько фазанов. Откуда они взялись – неизвестно; на другой год фазаны исчезли. Однажды на падали около моря видели большого темно-бурого орла с длинной голой шеей. Судя по описаниям, это был гриф. Вероятно, он залетел сюда из Центральной Азии случайно. Река Амагу является южной границей распространения глухаря и северной – зеленого дятла.

4 октября был отдан приказ готовиться к походу. Теперь я хотел подняться по реке Амагу до истоков, затем перевалить через хребет Карту – по реке Кулумбе спуститься к берегу моря.

Староверы говорили мне, что обе упомянутые реки очень порожисты и в горах много осыпей. Они советовали оставить

мулов у них в деревне и идти пешком с котомками. Тогда я решил отправиться в поход только с Дерсу.

По моим расчетам, у нас должно было хватить продовольствия на две трети пути. Поэтому я условился с А. И. Мерзляковым, что он командирует удэгейца Сале с двумя стрелками к скале Ван-Син-лаза, где они должны будут положить продовольствие на видном месте. На следующий день, 5 октября, в 2 часа дня с тяжелыми котомками мы выступили в дорогу.

Река Амагу длиной около 50 км. Начало она берет с хребта Карту и огибает его с западной стороны. Амагу течет сначала на северо-восток, потом принимает широтное направление и только вблизи моря немного склоняется к югу. Из притоков ее следует указать только Дунанцу длиной 19 км. По ней можно перевалить на реку Кусун. Вся долина Амагу и окаймляющие ее горы покрыты густым хвойно-смешанным лесом строевого и поделочного характера.

Вегетационный период почти что кончился. Большинство цветковых растений завяло, и только в некоторых еще теплилась жизнь. К числу последних относились: анафалис жемчужный, у которого листья с исподней стороны войлочные; особый вид астры, с темным пушистым стеблем и чешуйчатой фиолетовой корзинкой; затем заячье ушко – зонтичное растение, имеющее на листьях выпуклые дугообразные жилки, и, наконец, черемша с листьями, как у ландыша.

Едва заметная тропинка привела нас к тому месту, где ре-

ка Дунанца впадает в Амагу. Это будет километрах в десяти от моря. Близ ее устья есть утес, который староверы по-китайски называют Лаза³³ и производят от глагола «лазить». Действительно, через эту «лазу» приходится перелезть на животе, хватаясь руками за камни.

Пройдя еще с километр, мы стали биваком на галечниково-й отмели.

До заката было еще более часа. Я воспользовался этим временем и пошел на охоту вверх по Дунанце. Поднявшись на первую попавшуюся сопку, я сел на валежник и стал осматриваться. Отсюда, сверху, были видны Амагу, Кудя-хе, Квада-гоу и побережье моря. Листопад был в полном разгаре. Лес с каждым днем все более и более принимал монотонно-серую, безжизненную окраску, знаменующую приближение зимы. Только дубняки сохранили еще листву, но и она пожелтела и от этого казалась еще печальнее. Кусты, лишённые пышных нарядов, стали удивительно похожи друг на друга. Черная, похолодевшая земля, прикрытая опавшей листвой, погружалась в летаргический сон; растения покорно, без протестов готовились к смерти.

Я так ушел в свои думы, что совершенно забыл, зачем пришел сюда в этот час сумерек. Вдруг сильный шум послышался сзади меня. Я обернулся и увидел какое-то несуразное и горбатое животное с белыми ногами. Вытянув вперед свою большую голову, оно рысью бежало по лесу. Я поднял

---

³³ В переводе на русский язык означает «скала».

ружье и стал целиться, но кто-то опередил меня. Раздался выстрел, и животное упало, сраженное пулей. Через минуту я увидел Дерсу, спускавшегося по кручам к тому месту, где упал зверь.

Убитое им животное оказалось лосем.

Это был молодой самец лет трех. Длина зверя от верхней губы до конца хвоста равнялась 2 м 20 см, высота подошвы от копыта до холки – 1 м 70 см, общий вес – около 240 кг.

Это на вид неуклюжее животное имеет мощную шею и большую вытянутую голову с толстой, загнутой книзу, мордой. Шерсть длинная, блестящая, гладко прилегающая к телу; окраска темно-бурая, почти черная; ноги белесоватые. Лось – очень строгий зверь: достаточно один раз его побеспокоить, чтобы он надолго оставил облюбованное место. Спасаясь от преследования охотника, он идет рысью и иногда галопом. Лось очень любит купаться в болотистых озерах. Раненый, он убегает, но во время течки становится злым и не только защищается, но и сам нападает на человека. При этом он поднимается на задние ноги и, скрестив передние, старается ими сбить врага и тогда топчет его с ожесточением.

Амагу будет южной границей, где лось выходит к берегу моря. С наступлением холодов он начинает перекочевывать к западу. В ноябре его еще можно застать около Сихотэ-Алиня, а в декабре он совсем уходит в бассейн Бикина. Там, в густых лесах, где не бывает наста, он находит достаточно корма и благоприятные условия для существования. По внешнему

виду уссурийский лось мало чем отличается от своего европейского собрата, но зато рога его иные: они вовсе не имеют лопастей и скорее похожи на изюбровые, чем на лосиные.

Дерсу принялся снимать шкуру и делить мясо на части. Неприятная картина, но тем не менее я не мог не любоваться работой своего приятеля. Он отлично владел ножом: ни одного лишнего пореза, ни одного лишнего движения. Видно, что рука у него на этом деле хорошо была набита. Мы условились, что немного мяса возьмем с собой; Чжан Бао и Фокин примут меры доставить остальное староверам и для команды.

Глава 13

Водопад

Случай с тигром. – Запретное место. – Дерсу и ворона. – Верховья реки Амагу. – Водопад. – Жертвоприношение. – Хребет Карту. – Брусника. – Ночлег в горах. – Спуск в долину реки Кулумбе. – Забота о животных.

Вечером, после ужина, зашел разговор об охоте. Говорил Дерсу, а мы его слушали. Жизнь этого человека была полна интереснейших приключений. Гольд рассказывал, как однажды, десять лет назад, он охотился за изюбрами в самый разгар пантовки. Дело было на реке Эрлдагоу (приток Даубихе), в самых ее истоках. Здесь, в горах, вода промыла длинные и глубокие овраги; крутые склоны их поросли лесом. Дерсу имел при себе винтовку, охотничий нож и шесть патронов. Недалеко от бивака он увидел пантача, стрелял и ранил слабо. Изюбр упал было, но скоро оправился и побежал в лес. Гольд догнал его там, опять стрелял четыре раза, но все раны были не убойные, и изюбр уходил дальше. Тогда Дерсу выстрелил в шестой, и последний, раз. После этого олень забился в овраг, который соединялся с другим таким же оврагом. Олень лежал как раз у места их соединения в воде, и только плечо, шея и голова его были на камнях. Раненое жи-

вотное поднимало голову и, видимо, кончало расчеты с жизнью. Гольд сел на камень и стал курить в ожидании, когда изюбр подохнет.

Пришлось выкурить две трубки, прежде чем олень испустил последний вздох. Тогда Дерсу подошел к нему, чтобы отрезать голову с пантами. Место было неудобное: у самой воды росла толстая ольха. Как ни приспособлялся Дерсу, он мог устроиться только в одном положении. Он опустился на правое колено, а левой ногой уперся в один из камней в ручье. Винтовку он забросил себе на спину и начал было свежевать оленя. Не успел он два раза резануть ножом, как вдруг за шумом воды позади себя услышал шорох. Он хотел было оглянуться, но в это мгновение совсем рядом с собой увидел тигра. Зверь хотел было наступить на камень, но остутился и попал лапой в воду. Гольд знал, что если он сделает хоть малейшее движение, то погибнет. Он замер на месте и притаил дыхание. Тигр покосился на него и, видя неподвижную фигуру, двинулся было дальше. Однако он почувствовал, что это неподвижное – не пень и не камень, а что-то живое. Два раза он оборачивался назад и усиленно нюхал воздух, но, на счастье Дерсу, ветер тянул не от него, а от тигра. Не уловив запаха оленьей крови, страшный зверь полез на кручу. Камни и песок из-под его лап посыпались в ручей. Но вот он взобрался наверх. Тут он вдруг почуял запах человека. Шерсть на спине у него поднялась дыбом, он сильно заревел и стал бить себя хвостом по телу. Тогда Дерсу громко закричал и

пустился бежать по оврагу. Тигр бросился вниз, к оленю, и стал его обнюхивать. Это и спасло Дерсу. Он выбрался из ущелья и бежал долго, бежал, как козуля, преследуемая волками.

Тогда он понял, что убитый олень принадлежал не ему, а тигру. Вот почему он и не мог его убить, несмотря на то что стрелял шесть раз. Дерсу удивился, как он об этом не догадался сразу. С той поры он не ходил больше в эти овраги. Место это стало для него раз навсегда запретным. Он получил предупреждение...

После ужина я и стрелок Фокин улеглись спать, а гольд и Чжан Бао устроились в стороне. Они взяли на себя заботу об огне.

Ночью я проснулся. Вокруг луны было матовое пятно — верный признак, что утром будет мороз. Та к оно и случилось: перед рассветом температура быстро понизилась и вода в лужах замерзла.

Первыми проснулись Чжан Бао и Дерсу. Они подбросили дров в огонь, согрели чай и тогда только разбудили меня и Фокина.

Удивительные птицы вороны: как скоро они узнают, где есть мясо! Едва солнечные лучи позолотили вершины гор, как несколько их появилось уже около нашего бивака. Они громко перекликались между собой и перелетали с одного дерева на другое. Одна из ворон села очень близко от нас и стала каркать.

– Ишь, проклятая! Погоди, я тебя сейчас ссажу, – сказал стрелок Фокин и потянулся за винтовкой.

– Не надо, не надо стрелять, – остановил его Дерсу. – Его мешай нету. Ворона тоже хочу кушай. Его пришел посмотреть, люди есть или нет. Нельзя – его улетит. Наша ходи, его тогда на землю прыгай, чего-чего остался – кушай.

Как бы в подтверждение его слов ворона снялась с дерева и улетела. Доводы эти Фокину показались убедительными; он положил ружье на место и уже больше не ругал ворон, хотя они подлетали к нему еще ближе, чем в первый раз.

Дерсу был безусловно прав. Обычай «ссаживать» ворон с деревьев – жестокая забава охотников. Стрельбой по воронам забавляются иногда даже образованные люди. Стреляют так же, как в бутылку, только потому, что черная ворона представляет собой хорошую цель.

Ворон скорее следует отнести к полезным птицам, чем к вредным. Убирая в тайге трупы павших животных, дохлых рыб по берегам рек, моллюсков, выброшенных морским прибоем, и в особенности разные отбросы человеческих жилищ, они являются незаменимыми санитарями и играют огромную роль в охране природы. Вред, причиняемый воронами хозяйству, по сравнению с той пользой, которую они приносят, невелик.

На этом биваке мы расстались. Чжан Бао и стрелок Фокин вернулись назад, а мы с Дерсу пошли дальше.

Отсюда долина Амагу начала суживаться, и река сдела-

лась порожистой; в горах появились осыпи и целые площади, обезлесенные пожарами; зато внизу, в долине, лес стал гуще; к листовным породам примешалось много хвой. Километрах в 20 от моря река снова разделилась надвое. Одна речка (большая) огибает хребет Карту с запада, а другая (меньшая) течет с юга. От места слияния их потянулись сплошные гари. Два раза мы переходили речку вброд и в конце концов снова очутились на правом берегу. Еще дальше долина становится похожей на ущелье. Некоторые утесы имеют весьма причудливые очертания. Они постепенно разрушаются и превращаются в осыпи. Иногда сорвавшаяся сверху глыба увлекает за собой другие камни. Тогда в долину свергается целый поток щебня и поломанных сухостойных деревьев. Немудрено, что удэгейцы боятся этих мест: здесь, по их мнению, обиталище злого духа. Мы шли с Дерсу и говорили об охоте. Вдруг он сделал мне знак, чтобы я остановился. Мы стали слушать. Издали доносился какой-то шум, похожий не то на подземный гул, не то на отдаленные раскаты грома.

– Водопад, – сказал Дерсу и указал рукой на реку.

Я взглянул и увидел плывшую по воде пену.

Мы прибавили шагу и через полчаса действительно подошли к водопаду.

Из всех водопадов, которые мне приходилось видеть, Амагинский водопад был самым красивым. Представьте себе узкий коридор, верхние края которого немного загнуты внутрь так, что вода идет как бы в трубе. В одном месте труба

эта обрывается. Здесь образовался водопад высотой 8 м. Однако верхние края коридора продолжают и далее. Из этого можно заключить, что первоначально водопад был ниже по течению, и если бы удалось определить, сколько вода стирает ложе водопада в течение года, то можно было бы сказать, когда он начал свою работу, сколько ему лет и сколько еще осталось существовать на свете. Порода, сквозь которую вода пробила себе дорогу, – буро-красный глауконитовый песчаник с весьма плотным цементом. Цвет воды в массе изумрудный. При ярком солнечном освещении белая пена с зеленовато-синим цветом воды и с красно-бурыми скалами, по которым разрослись пестрые лишайники и светло-зеленые мхи, создавала картину чрезвычайно эффектную. Под водопадом вода имеет вращательное движение. В течение многих лет она сточила породу по сторонам и образовала «исполиновый котел». Я подошел к краю обрыва, и мне показалось, что от массы падающей воды порой содрогается земля.

В это время обоняние мое уловило запах дыма. Я обернулся и увидел Дерсу, разжигающего костер. Потом он начал развязывать котомку. Я думал, что он хочет остановиться на бивак, и стал убеждать его пройти еще немного. Гольд соглашался со мной, но продолжал развязывать котомку. Он достал из нее кусочек сахара, две спички, ломтик хлеба и листочек табаку. Все это он взял в одну руку, в другую – маленький горящий уголек и что-то стал говорить. Лицо его было серьезно, глаза опущены в землю. Что именно он го-

ворил, я не мог расслышать за шумом водопада. Потом он подошел к обрыву и все бросил в воду.

– Что ты сделал? – спросил я его.

– Наша постоянно так, – отвечал он. – Его, – он указал на водопад, – все равно гром, черта гоняй.

Водопад и на меня произвел жуткое и чарующее впечатление. Что-то в нем было живое, стихийное. Какое же впечатление он мог произвести на душу человека, который все считал живым и человекоподобным!

Дерсу молча начал укладывать свою котомку. Желая показать ему, что я разделяю его мысли, я взял то, что первое мне попало под руку, – кусок сухой рыбы и большую головешку – и подошел к водопаду.

Увидев, что я хочу бросить их в воду, Дерсу подбежал ко мне, махая руками; вид у него был встревоженный. Я понял, что он меня останавливает.

– Не надо, не надо, капитан! – говорил он испуганно и торопливо.

Я отдал ему головешку и юколу. Он бросил головешку в огонь, а юколу в лес. После этого он надел котомку, и мы пошли дальше. По дороге я стал спрашивать его, почему он не хотел, чтобы я бросил в воду огонь и рыбу. Дерсу тотчас мне объяснил: в воду бросают только то, чего в ней нет, в лес можно бросать только то, чего нет на земле. Табак можно бросать в воду, а рыбу на землю. В воду можно бросать немного огня – только один уголек, но нельзя воду лить в

огонь; также нельзя в воду бросать большую головешку, иначе рассердятся огонь и вода. Тогда я твердо решил более не вмешиваться в дела такого рода, чтобы нам обоим, как он выразился, не было худо.

Отойдя еще с полкилометра, мы стали биваком.

Когда на другой день, 7 октября, я проснулся, Дерсу был уже на ногах. Должно быть, я спал очень долго, потому что котомка его была уже увязана и он терпеливо ожидал моего пробуждения.

– Отчего ты меня не разбудил? – спросил я его.

Он ответил, что сегодня мы пойдем на высокие горы и потому необходимо набраться побольше сил и выспаться как следует.

Перед выступлением я посмотрел на свой барометр: он показывал 458 м. День обещал быть тихим и теплым. Прямо от бивака мы начали восхождение на хребет Карту, главная ось которого располагается от северо-востока к юго-западу. Чем выше мы поднимались, тем больше перед нами раскрывался горизонт. Кругом, насколько хватал глаз, нигде не было леса: нигде ни одного деревца, даже сухостойного. Чрезвычайно тоскливый вид имеют такие горы. С исчезновением лесов исчезло и подлесье, исчезли мхи; дожди смыли тонкий растительный слой земли и оголили материковую почву. Куда ни помотришь – всюду одна и та же однообразная, тусклая картина: серые утесы и серые осыпи. Хребет Карту – это безжизненная и безводная пустыня.

Первая сопка, на которую мы поднялись, имела высоту 900 м. Отдохнув немного на ее вершине, мы пошли дальше. Вторая гора почти такой же величины, но вследствие того, что перед нею мы спустились в седловину, она показалась гораздо выше. На третьей вершине барометр показал 1016 м.

Я взглянул на часы: обе стрелки показывали полдень. Значит, за три с половиной часа мы успели «взять» только три вершины, а главный хребет был еще впереди.

Меня сильно мучила жажда. Вдруг я увидел бруснику; она была мороженая. Я начал ее есть с жадностью. Дерсу смотрел на меня с любопытством.

– Как его фамилия? – спросил он, держа на ладони несколько ягод.

– Брусника, – отвечал я.

– Тебе понимай, – спросил он опять, – его можно кушать?

– Можно, – отвечал я. – Разве ты не знаешь эту ягоду?

Дерсу ответил, что видел ее часто, но не знал, что она съедобна.

Местами брусники было так много, что целые площади казались как будто окрашенными в бордовый цвет. Подбирая ягоды, мы понемногу подвигались вперед и незаметно поднялись на вершину, высота которой равнялась 1290 м. Здесь мы впервые ступили в снег, он был глубиной около 15 сантиметров.

По наблюдениям старообрядцев, первый снег на Сихотэ-Алине в 1907 году выпал 20 сентября, а на хребте Карту

– 3 октября и уже более не таял. 7 октября снеговая линия опустилась до 900 м над уровнем моря.

Отсюда мы повернули к югу и стали взбираться на четвертую высоту (1510 м). Этот подъем был особенно трудным. Мы часто глотали снег, чтобы утолить мучившую нас жажду.

Хребет Карту с восточной стороны очень крут, с западной – пологий. Здесь можно наблюдать, как происходит разрушение гор. Сверху все время сыплются мелкие камни; они постепенно засыпают долины, погребая под собой участки плодородной земли и молодую растительность. Таковы результаты лесных пожаров.

Как ни старались мы добраться в этот день до самой высокой горы, нам сделать этого не удалось. С закатом солнца должен опять подуть холодный северо-западный ветер. Пора было подумать о биваке. Поэтому мы спустились немного с гребня и стали искать место для ночлега на западном склоне. Теперь у нас были три заботы: первая – найти воду, вторая – найти топливо и третья – найти защиту от ветра. Нам повезло найти все это сразу в одном месте. В километре от седловины виднелся кедровый стланец. Мы забрались в самую середину его и устроились даже с некоторыми удобствами. Снег заменил нам воду. Среди живого стланца было много сушняка. Мы с Дерсу натаскали побольше дров и развели жаркий огонь. С подветренной стороны мы натянули полотнище палатки, хвой наложили себе под бок, а сверху покрыли ее козьими шкурками.

Ночь была лунная и холодная. Предположения Дерсу оправдались. Лишь только солнце скрылось за горизонтом, сразу подул резкий, холодный ветер. Он трепал ветви кедровых стланцев и раздувал пламя костра. Палатка парусила, и я очень боялся, чтобы ее не сорвало со стоек. Полная луна ярко светила на землю; снег блестел и искрился. Голый хребет Карту имел теперь еще более пустынный вид.

Утомленные дневным переходом, мы недолго сидели у огня и рано легли спать.

Утром, когда я проснулся, первое, что бросилось мне в глаза, был туман. Скоро все разъяснилось – шел снег. Хорошо, что мы ориентировались вчера, и потому сегодня с бивака могли сразу взять верное направление.

Напившись чаю с сухарями, мы опять стали подниматься на хребет Карту. Теперь нам предстояло взобраться на самую высокую сопку, которую моряки называют Амагунскими гольцами. Потому ли, что мы были со свежими силами, или снег нас принуждал торопиться, но только на эту гору мы взошли довольно скоро. Высота ее равна 1660 м. Отсюда берет начало река Кулумбе (по-удэгейски Куле); староверы измеряют ее в 50–60 км. Течет она по кривой так же, как и Амагу, но только в другую сторону, а именно к югу и юго-востоку. Когда мы спустились до 1200 м, снег сменился дождем, что было весьма неприятно; но делать было нечего – приходилось терпеть.

Километров пять мы шли гарью и только тогда нашли жи-

вой лес, когда снизились до 680 м. Это была узкая полоса растительности около речки, состоящая преимущественно из березы, пихты и лиственницы.

К полудню дождь усилился. Осенний дождь – это не то что летний дождь: легко можно простудиться. Мы сильно прозябли, и потому пришлось рано стать на бивак. Скоро нам удалось найти балаган из корья. Способ постройки его и кое-какие брошенные вещи указывали на то, что он был сделан корейцами. Оправив его немного, мы натаскали дров и принялись сушить одежду. Часа в четыре дня дождь прекратился. Тяжелая завеса туч разорвалась, и мы увидели хребет Карту, весь покрытый снегом.

Когда солнце скрылось за горизонтом, по всему западному небосклону широко разлилась багровая заря. Потом взошла луна; вокруг нее опять было густое матовое пятно и большой венец – верный признак, что завтра снова будет дождь.

Вечером я записывал свои наблюдения, а Дерсу жарил на вертеле сохатину. Во время ужина я бросил кусочек мяса в костер. Увидев это, Дерсу поспешно вытащил его из огня и швырнул в сторону.

– Зачем бросаешь мясо в огонь? – спросил он меня недовольным тоном. – Как можно его напрасно жечь! Наша завтра уехали, сюда другой люди ходи кушай. В огонь мясо бросай, его так пропади.

– Кто сюда другой придет? – спросил я его в свою очередь.

– Как кто? – удивился он. – Енот ходи, барсук или ворона; ворона нет – мышь ходи, мышь нет – муравей ходи. В тайге много разный люди есть.

Мне стало ясно: Дерсу заботился не только о людях, но и о животных, хотя бы даже и о таких мелких, как муравей. Он любил тайгу с ее обитателями и всячески заботился о ней.

Разговор наш перешел на охоту, на браконьеров, на лесные пожары.

Незаметно мы досидели с ним до полуночи. Наконец Дерсу начал дремать. Я закрыл свою тетрадь, завернулся в одеяло, лег поближе к огню и скоро заснул. Ночью сквозь сон я слышал, как он поправлял огонь и прикрывал меня своей палаткой.

Глава 14

Тяжелый переход

Денудационная долина реки Кулумбе. – Броды. – Скала Мафа. – Упадок сил. – Гололедица. – Лес, поваленный бурю. – Лихорадка. – Кошмар. – Голод. – Берег моря. – Ван-Син-лаза. – Разочарование. – Миноносец «Грозный». – Спасение. – Возвращение на Амагу. – Отъезд А.И. Мерзлякова.

С рассветом опять ударил мороз; мокрая земля замерзла так, что хрустела под ногами. От реки поднимался пар. Значит, температура воды была значительно выше температуры воздуха. Перед выступлением мы проверили свои продовольственные запасы. Хлеба у нас осталось еще на двое суток. Это не особенно меня беспокоило. По моим соображениям, до моря было не особенно далеко, а там к скале Ван-Син-лаза продовольствие должен принести удэгеец Сале со стрелками.

За ночь обувь наша просохла. Когда солнышко взошло, мы с Дерсу оделись и бодро пошли вперед.

Более характерной денудационной долины, чем Кулумбе, я не видывал. Река, стесненная горами, все время извивается между утесами. Можно подумать, что горные хребты здесь старались на каждом шагу создать препятствия для воды, но

последняя взяла верх и силой проложила себе дорогу к морю.

Окрестные горы, можно сказать, совершенно оголены от древесной растительности; лес растет только около реки, окаймляя ее по обеим сторонам, как бордюром. Преобладающие породы здесь лиственница, ель, береза и ольха. Ближе к горам, на местах открытых, приютились: даурский шиповник, обыкновенная рябина, а около нее – каменная полынь с листвой, расположенной у основания стебля. С первого взгляда никто не угадал бы в ней родную сестру луговой полыни. В другом месте мы наткнулись на багульник и множество папоротников. У первого – лист ажурный, небольшой по размерам; второй вид имел буровато-зеленые листья с красноватым оттенком с исподней стороны; у третьего – хотя лист и простой, но ему нельзя было отказать в изяществе.

По долине реки Кулумбе никакой тропы нет. Поэтому нам пришлось идти целиной. Не желая переходить реку вброд, мы пробовали было идти берегом, но скоро убедились, что это невозможно: первая же скала принудила нас перейти на другую сторону реки. Я хотел было переобуваться, но Дерсу посоветовал идти в мокрой обуви и согреться усиленной ходьбой. Не прошли мы и полкилометра, как пришлось снова переходить на правый берег реки, потом на левый, затем опять на правый и т.д. Вода была холодная; голени сильно ломило, точно их сжимали в тисках.

По сторонам высились крутые горы, они обрывались в долину утесами. Обходить их было нельзя. Это отняло бы у нас много времени и затянуло бы путь лишних дня на четыре, что при ограниченности наших запасов продовольствия было совершенно нежелательно. Мы с Дерсу решили идти напрямик в надежде, что за утесами будет открытая долина. Вскоре нам пришлось убедиться в противном: впереди опять были скалы, и опять пришлось переходить с одного берега на другой.

– Тьфу! – ворчал Дерсу. – Мы идем – все равно выдры. Маленько по берегу ходи, посмотри, вода есть – ныряй, потом опять на берег и опять ныряй...

Сравнение было весьма удачное. Выдры именно так и ходят. Или мы привыкли к воде, или солнце пригрело нас, а может быть, то и другое вместе, только броды стали казаться не такими уж страшными и вода не такой холодной. Я перестал ругаться, а Дерсу перестал ворчать. Вместо прямой линии наш путь изображал собой зигзаги. Так мы пробились до полудня, но под вечер попали в настоящее ущелье. Оно тянулось более чем на 400 м. Пришлось идти прямо по руслу реки. Иногда мы взбирались на отмель и грелись на солнце, а затем снова спускались в воду. Наконец я почувствовал, что устал.

День кончился, и в воздухе стало холодать. Тогда я предложил своему спутнику остановиться. В одном месте между утесами был плоский берег, куда водой нанесло много плав-

ника. Мы взобрались на него и первым делом развели большой костер, а затем принялись готовить ужин.

Вечером я подсчитал броды. На протяжении 15 км мы сделали 32 брода, не считая сплошного хода по ущелью. Ночью небо опять затянуло тучами, а перед рассветом пошел мелкий и частый дождь. Утром мы встали раньше обычного, поели немного, напились чаю и тронулись в путь. Первые 6 км мы шли больше по воде, чем по суше.

В среднем течении Кулумбе очень извилиста. Она все время жметя к утесам и у подножия их образует глубокие ямы. Во многих местах русло ее завалено камнями и занесено буреломом. Можно представить себе, что здесь делается во время наводнений! Один раз я, другой раз Дерсу оборвались в ямы и вымокли как следует.

Наконец узкая и скалистая часть долины была пройдена. Горы как будто стали отходить в стороны. Я обрадовался, полагая, что море недалеко, но Дерсу указал на какую-то птицу, которая, по его словам, живет только в глухих лесах, вдали от моря. В справедливости его доводов я сейчас же убедился. Опять пошли броды, и чем дальше, тем глубже. Два два мы разжигали костры, главным образом для того, чтобы погреться.

Часов в 12 дня мы были около большой скалы Мафа, что по-удэгейски значит «медведь». Действительно, своими формами она очень его напоминает и состоит из плотного песчаника с прослойками кварца и известкового шпата. У

подножия ее шла свежепротопанная тропа; она пересекала реку Кулумбе и направлялась на север. Дерсу за скалой нашел бивак. По оставленным на нем следам он узнал, что здесь ночевал Мерзляков с командой, когда шел с Такемы на Амагу.

Мы рассчитали, что если пойдем по тропе, то выйдем на реку Найну к корейцам, и если пойдем прямо, то придем на берег моря к скале Ван-Син-лаза. Путь на Найну нам был совершенно неизвестен, и к тому же мы совершенно не знали, сколько времени может занять этот переход. До моря же мы рассчитывали дойти если не сегодня, то, во всяком случае, завтра к полудню.

Закусив остатками мяса, мы пошли далее. Часа в два дня мелкий дождь превратился в ливень. Это заставило нас остановиться раньше времени и искать спасения в палатке. Я страшно прозяб, руки мои заоченели, пальцы не гнулись, зубы выбивали дробь. Дрова, как на грех, попались сырые и плохо горели. Наконец все было налажено. Тогда мы принялись сушить свою одежду. Я чувствовал упадок сил и озноб. Дерсу достал из котомки последний сухарь и советовал поест. Но мне было не до еды. Напившись чаю, я лег к огню, но никак не мог согреться.

Около полуночи дождь прекратился, но изморось продолжала падать на землю. Дерсу ночью не спал и все время поддерживал костер.

Часа в три утра в природе совершилось что-то необы-

чайное. Небо вдруг сразу очистилось. Началось такое быстрое понижение температуры воздуха, что дождевая вода, не успевшая стечь с ветвей деревьев, замерзла на них в виде сосулек. Воздух стал чистым и прозрачным. Луна, посеребренная лучами восходящего солнца, была такой ясной, точно она вымылась и приготовилась к празднику. Солнце вошло багровое и холодное.

Утром я встал с головной болью. По-прежнему чувствовался озноб и ломота в костях. Дерсу тоже жаловался на упадок сил. Есть было нечего, да и не хотелось. Мы выпили немного горячей воды и пошли.

Скоро нам опять пришлось лезть в воду. Сегодня она показалась мне особенно холодной. Выйдя на противоположный берег, мы долго не могли согреться. Но вот солнышко поднялось из-за гор и под его живительными лучами начал согреваться озябший воздух.

Как ни старались мы избежать бродов, нам не удалось от них отделаться. Но все же заметно было, что они становились реже. Через несколько километров река разбилась на протоки, между которыми образовались острова, поросшие тальниками. Тут было много рябчиков. Мы стреляли, но ни одного не могли убить: руки дрожали, не было сил прицеливаться как следует. Понуро мы шли друг за другом и почти не говорили между собой.

Вдруг впереди показался какой-то просвет. Я думал, что это море. Но большое разочарование ждало нас, когда мы

подошли поближе. Весь лес лежал на земле. Он был повален бурей в прошлом году. Это была та самая пурга, которая захватила нас 20, 21 и 22 октября при перевале через Сихотэ-Алинь. Очевидно, центр тайфуна прошел именно здесь.

Надо было обойти бурелом стороной или идти по островам, среди тальников. Не зная, какой длины и ширины будет площадь поваленного леса, мы предпочли последнее. Река сплошь была занесена плавником, и, следовательно, всюду можно было свободно перейти с одного берега на другой. Такой сплошной завал тянулся 6 км, если не больше. Наше движение было довольно медленно. Мы часто останавливались и отдыхали. Но вот завалы кончились, и опять началась вода. Я насчитал еще 23 брода, затем сбился со счета и шел без разбора.

После полудня мы еле-еле тащили ноги. Я чувствовал себя совершенно разбитым; Дерсу тоже был болен. Один раз мы видели кабана, но нам было не до охоты. Сегодня мы рано стали на бивак.

Здесь я окончательно свалился с ног: меня трясла сильная лихорадка и почему-то опухли лицо, ноги и руки. Дерсу весь вечер работал один. Потом я впал в забытие. Мне все время грезилась какая-то тоненькая паутина. Она извивалась вокруг меня, постепенно становилась все толще и толще и, наконец, принимала чудовищные размеры. Мне казалось, что горный хребет Карту движется с ужасающей быстротой

и давит меня своей тяжестью. В ужасе я вскакивал и кричал. Хребет Карту сразу пропал, и вместо него опять появлялась паутина, и опять она начинала увеличиваться, приобретая в то же время быстрое вращательное движение. Смутно я чувствовал у себя на голове холодную воду.

Сколько продолжалось такое состояние, не знаю. Когда я пришел в себя, то увидел, что покрыт кожаной курткой гольда.

Был вечер; на небе блестели яркие звезды. У огня сидел Дерсу; вид у него был изнуренный, усталый.

Оказалось, что в бреду я провалялся более 12 часов. Дерсу за это время не ложился спать и ухаживал за мною. Он клал мне на голову мокрую тряпку, а ноги грел у костра. Я попросил пить. Дерсу подал мне отвар какой-то травы противного сладковатого вкуса. Дерсу настаивал, чтобы я выпил его как можно больше. Затем мы легли спать вместе и, покрывшись одной палаткой, оба уснули.

Следующий день был 13 октября. Сон немного подкрепил Дерсу, но я чувствовал себя совершенно разбитым. Однако дневать здесь было нельзя. Продовольствия у нас не было ни крошки. Через силу мы поднялись и пошли дальше вниз по реке.

Долина становилась все шире и шире. Буреломы и гарь остались позади; вместо ели, кедра и пихты чаще стали попадаться березняки, тальники и лиственницы, имеющие вид строевых деревьев.

Я шел как пьяный. Дерсу тоже перемогал себя и еле-еле волочил ноги. Заметив впереди, с левой стороны, высокие утесы, мы заблаговременно перешли на правый берег реки. Здесь Кулумбе сразу разбилась на 8 рукавов. Это в значительной степени облегчило нашу переправу. Дерсу всячески старался меня подбодрить. Иногда он принимался шутить, но по его лицу я видел, что он тоже страдает.

– Каза, каза (чайка)! – закричал он вдруг, указывая на белую птицу, мелькавшую в воздухе. – Море далеко нету.

И как бы в подтверждение его слов из-за поворота с левой стороны выглянула скала Ян-Тун-лаза – та самая скала, которую мы видели около устья Кулумбе, когда шли с реки Такемы на Амагу. Надежда на то, что близок конец нашим страданиям, придала мне силы. Но теперь опять предстояло переправляться на левый берег Кулумбе, которая текла здесь одним руслом и имела быстрое течение. Поперек реки лежала длинная лиственница. Она сильно качалась. Эта переправа отняла у нас много времени. Дерсу сначала перенес через реку ружья и котомки, а затем помог переправиться мне.

Наконец мы подошли к скале Ян-Тун-лаза. Тут на опушке дубовой рощи мы немного отдохнули. До моря оставалось еще километра полтора. Долина здесь делает крутой поворот к юго-востоку. Собрав остаток сил, мы поплелись дальше. Скоро дубняки стали редеть, и вот перед нами сверкнуло море.

Наш трудный путь был кончен. Сюда стрелки должны бы-

ли доставить продовольствие, здесь мы могли оставаться на месте до тех пор, пока окончательно не выздоровеем.

В 6 часов пополудни мы подошли к скале Ван-Син-лаза. Еще более горькое разочарование ждало нас здесь: продовольствия не было. Мы обшарили все уголки, засматривали за бурелом, за большие камни, но нигде ничего не нашли. Оставалась еще одна надежда: быть может, стрелки оставили продовольствие по ту сторону скалы Ван-Син-лаза. Гольд вызвался слазить туда. Поднявшись на ее гребень, он увидел, что карниз, по которому идет тропа, покрыт льдом. Дерсу не решился идти дальше. Сверху он осмотрел весь берег и ничего там не заметил. Спустившись назад, он сообщил мне эту печальную весть и сейчас же постарался утешить.

– Ничего, капитан, – сказал он, – около моря можно всегда найти кушать.

Потом мы пошли к берегу и отворотили один камень. Из-под него выбежало множество мелких крабов. Они бросились врассыпную и проворно спрятались под другие камни. Мы стали ловить их руками и скоро собрали десятка два. Тут же мы нашли еще двух протомоллюсков и около сотни раковин береговичков. После этого мы выбрали место для бивака и развели большой огонь. Протомоллюсков и береговичков мы съели сырыми, а крабов сварили. Правда, это дало нам немного, но все же первые приступы голода были утолены.

Зная исполнительность своих людей, я никак не мог понять, почему они не доставили продовольствия на указанное

место. Завтра надо перейти через скалу Ван-Син-лаза и попытаться берегом дойти до корейцев на реке Найне.

Лихорадка моя прошла, но слабость еще осталась. Дерсу хотел завтра рано утром сбегать на охоту и потому лег спать пораньше. Я долго сидел у огня и грелся.

Ночь была ясная и холодная. Звезды ярко горели на небе; мерцание их отражалось в воде. Кругом было тихо и безлюдно; не было слышно даже всплесков прибоя. Красный полумесяц взошел поздно и задумчиво глядел на уснувшую землю. Высокие горы, беспредельный океан и глубокое темно-синее небо – все было так величественно, грандиозно. Шепот Дерсу вывел меня из задумчивости: он о чем-то бредил во сне.

Утомленный тяжелой дорогой, измученный лихорадкой, я лег рядом с ним и уснул.

Чуть брезжило. Сумрак ночи еще боролся с рассветом, но уже видно было, что он не в силах остановить занимавшейся зари. Неясным светом освещала она тихое море и пустынный берег.

Наш костер почти совсем угас. Я разбудил Дерсу, и мы оба принялись раздувать угли. В это время до слуха моего донеслись два каких-то отрывистых звука, похожие на вой.

– Это изюбр ревет, – сказал я своему приятелю. – Иди поскорей: быть может, ты убьешь его.

Дерсу стал молча собираться, но затем остановился, подумал немного и сказал:

– Нет, это не изюбр. Теперь его кричи не могу.

В это время звуки опять повторились, и мы ясно разобрали, что исходят они со стороны моря. Они показались мне знакомыми, но я никак не мог припомнить, где раньше их слышал.

Я сидел у огня спиной к морю, а Дерсу против меня.

Вдруг он вскочил на ноги и, протянув руку, сказал:

– Смотри, капитан!

Я оглянулся и увидел миноносец «Грозный», выходящий из-за мыса.

Точно сговорившись, мы сделали в воздух два выстрела, затем бросились к огню и стали бросать в него водоросли. От костра поднялся белый дым. «Грозный» издал несколько пронзительных свистков и повернул в нашу сторону. Нас заметили... Сразу точно гора свалилась с плеч. Мы оба повеселели.

Через несколько минут мы были на борту миноносца, где нас радушно встретил П.Г. Тигерстедт.

Оказалось, что он, возвращаясь с Шантарских островов, зашел на Амагу и здесь узнал от А.И. Мерзлякова, что я ушел в горы и должен выйти к морю где-нибудь около реки Кулумбе. Староверы ему рассказали, что удэгеец Сале и двое стрелков должны были доставить к скале Ван-Син-лаза продовольствие, но по пути во время бури лодку их разбило о камни, и все то, что они везли с собой, утонуло. Они сейчас же вернулись обратно на Амагу, чтобы с новыми запа-

сами продовольствия пойти вторично нам навстречу. Тогда П.Г. Тигерстедт решил идти на поиски. Ночью он дошел до Такемы и повернул обратно, а на рассвете подошел к реке Кулумбе, подавая сиреной сигналы, которые я и принял за рев изюбра.

П.Г. Тигерстедт взялся доставить меня к отряду. За обильным яствами столом и за стаканом чая мы и не заметили, как дошли до Амагу.

Здесь А.И. Мерзляков, ссылаясь на ревматизм, стал просить позволения уехать во Владивосток, на что я охотно согласился. Вместе с ним я отпустил также стрелков Дьякова и Фокина и велел ему с запасами продовольствия и с теплой одеждой выйти навстречу мне по реке Бикину.

Через час «Грозный» стал сниматься с якоря.

Мое прощание с моряками носило более чем дружеский характер. Стоя на берегу, я увидел на мостике миноносца командира судна. Он посылал мне приветствия, махая фуражкой. Когда «Грозный» отошел настолько далеко, что нельзя уже было разобрать на нем людей, я вернулся в старообрядческую деревню.

Теперь в отряде осталось только 7 человек: я, Дерсу, Чжан Бао, Захаров, Аринин, Туртыгин и Сабитов. Последние не пожелали возвращаться во Владивосток и добровольно остались со мной до конца экспедиции. Это были самые преданные и самые лучшие люди в отряде.

Глава 15

Низовья реки Кусун

Хребет Караминский. – Зыбучий песок. – Река Соен. – Мелкие горные ручьи. – Река Витухэ. – Последние перелетные птицы. – Летящие куры. – Туземцы на реке Кусун. – Священное дерево. – Жилище шамана. – Морской старшина. – Расставание с Чжан Бао. – Выступление.

Следующие 5 дней я отдыхал и готовился к походу на север вдоль берега моря.

Приближалась зима. Голые скелеты деревьев имели безжизненный вид. Красивая летняя листва их, теперь пожелтевшая и побуревшая, в виде мусора валялась на земле. Куда девались те красочно-разнообразные тона, которыми ранней осенью так богата растительность в Уссурийском крае?

Кормить мулов становилось все труднее и труднее, и я решил оставить их до весны у староверов.

20 октября, утром, мы тронулись в путь. Старообрядец Нефед Черепанов вызвался проводить нас до реки Соен. На этом пути в море впадает несколько речек, имеющих только туземные названия. Это будут: Мэяку (по-китайски Михейзуйза), Найна, Калама, Гианкун и Лоси.

Горный хребет, с которого они берут начало, называемый

староверами Караминским, тянется параллельно берегу моря и является водоразделом между рекой Амагу и вышеперечисленными речками. Наивысшие точки Караминского хребта будут: Киганкуни, Лысуха, Водолей и 3 Брата. Все они имеют сглаженные контуры и состоят из мелафиров, базальтов и их туфов.

Растительность на горах, как травяная, так и кустарниковая, пышная; зато древесная, как и везде по морскому побережью, очень бедна. Редколесье состоит главным образом из лиственницы, ольхи, дуба, черной и белой березы.

С реки Амагу мы выступили довольно поздно, поэтому не могли уйти далеко и заночевали на реке Соен.

Река эта (по-удэгейски Суа или Соага) состоит из двух речек – Гага и Огоми, длиною каждая 1–8 км, сливающихся в 1,5 км от моря. Речка Гага имеет три притока: справа – Нунги с притоком Дагдасу и Дуни, а слева – один только ключ Ада с перевалом на Кусун. Речка Огоми имеет два притока: Канходя и Цагдаму. Около устья Соен образует небольшую, но глубокую заводь, соединяющуюся с морем узкой протокой. Эта заводь и зыбучее болото рядом с ним – остатки бывшей ранее лагуны.

Когда мы подошли к реке, было уже около 2 часов пополудни. Со стороны моря дул сильный ветер. Волны с шумом бились о берег и с пеной разбегались по песку. От реки в море тянулась отмель. Я без опаски пошел по ней и вдруг почувствовал тяжесть в ногах. Хотел было я отступить назад,

но, к ужасу своему, почувствовал, что не могу двинуться с места. Я медленно погружался в воду.

– Зыбучий песок! – закричал я не своим голосом и оперся ружьем в землю, но и его стало засасывать.

Стрелки не поняли, в чем дело, и в недоумении смотрели на мои движения. Но в это время подошли Дерсу и Чжан Бао. Они бросились ко мне на помощь: Дерсу протянул сошки, а Чжан Бао стал бросать мне под ноги плавник. Ухватившись рукой за валежину, я высвободил сначала одну ногу, потом другую и не без труда выбрался на твердую землю.

Зыбуны на берегу моря, по словам Черепанова и Чжан Бао, явление довольно обычное. Морской прибой взрыхляет песок и делает его опасным для пешеходов. Когда же волнение успокаивается, тогда по нему свободно может пройти не только человек, но и лошадь с полным вьюком. Делать нечего, пришлось остановиться и в буквальном смысле ждать у моря погоды.

На реке Гага, как раз против притока Ада, в 5 км от моря, есть теплый ключ. Окружающая его порода – диабаз. Здесь, собственно говоря, два ключа: горячий и холодный. Оба они имеют выходы на дне небольшого водоема, длина которого равна 2 м, ширина 5 м и глубина 0,6 м. Со дна с шипением выделяется сероводород. Температура воды +28,1°; на поверхности земли, около резервуара, была +12°. Температура воздуха +7,5°С.

Ночью море успокоилось. Черепанов сказал правду:

утром песок уплотнился так, что на нем даже не оставалось следов ног.

Около реки Соен Караминский хребет отходит несколько в глубь материка, постепенно повышаясь на север, а около моря выступает цепь холмов, отмытых водой вдоль оси их простираия.

Из мысов, с которыми у туземцев связаны какие-либо сказания, можно отметить два: Омулен-Гахани и Сутдэма-Оногони. Здесь морским прибоем в береговых утесах выбило глубокие пещеры, порода обрушилась, и во многих местах образовались одиноко стоящие каменные столбы.

Километрах в 10 от реки Соен тропа оставляет берег и через небольшой перевал, состоящий из роговообманкового андезита, выходит к реке Витухэ – первому правому притоку Кусуна. Она течет в направлении с юго-запада на северо-восток и по пути принимает в себя один только безымянный ключик. Окрестные горы покрыты березняком, порослью дуба и сибирской пихтой.

Время стояло позднее, осеннее, но было еще настолько тепло, что люди шли в одних фуфайках. По утрам бывали заморозки, но днем температура опять поднималась до +4 и 5°С. Длинная и теплая осень является отличительной чертой Зауссурийского края.

Несмотря на столь позднее время, в лесу еще можно было видеть кое-где перелетных и неперелетных птиц. На полях, где паслись лошади староверов, в сухой траве копошились

серые скворцы. Вид у них был веселый, игривый. Далее, в редколесье, я заметил большого пестрого дятла – птицу, всюду распространенную и действительно пеструю. Тут же с места на место перелетали белобрюхие синицы. К ним присоединились и другие мелкие птицы, в числе которых я узнал белоголовую овсянку. По времени ей надлежало бы уже давно отлететь к югу, но, вероятно, в прибрежном районе вследствие длинной осени и запаздывания весны перелеты птиц также запаздывают. Попадались еще какие-то пестренькие птички с красными пятнами на голове, быть может чечетки. Столь раннее появление этой северной гостьи можно объяснить тем, что в горах Зауссурийского края после лесных пожаров выросло много березняков, где она и находит для себя обильный корм. Вероятно, реки Амагу и Кусун будут южной границей ее распространения в Зауссурийском крае. Эта розовая птичка держится в лесистых горных местах и ведет скрытный образ жизни. Потом я увидел двух азиатских канюков. Эти проворные хищники все время носились по воздуху и описывали большие круги. Завидев подходящих людей, они бросались нам навстречу и, испуская пронзительные крики, кружились над головами. На дереве, на берегу ручья, сидела обыкновенная сорока. Я узнал ее по чекотанию и черному с белым оперению. При приближении отряда она снялась с дерева и полетела неровно, распутив свой длинный хвост.

За перевалом тропа идет по болотистой долине реки Ви-

тухэ. По пути она пересекает четыре сильно заболоченных распадка, поросших редкой лиственницей. На сухих местах царят дуб, липа и черная береза с подлесьем из таволги вперемежку с даурской калиной. Тропинка привела нас к краю высокого обрыва. Это была древняя речная терраса. Редколесье и кустарники исчезли, и перед нами развернулась широкая долина реки Кусун. Вдали виднелись китайские фанзы.

Когда после долгого пути вдруг перед глазами появляются жилые постройки, люди, лошади и собаки начинают идти бодрее. Спустившись с террасы, мы прибавили шаг.

Собака моя бежала впереди и старательно осматривала кусты по сторонам дороги. Вскоре мы подошли к полям; хлеб был уже убран и сложен в зароды. Вдруг Альпа сделала стойку. «Неужели фазаны?» – подумал я и приготовил ружье. Я заметил, что Альпа была в сильном смущении: она часто оглядывалась и как будто спрашивала, продолжать работу или нет. Я подал знак – она осторожно двинулась вперед, усиленно нюхая воздух. По стойкам ее я видел, что тут были не фазаны, а кто-то другой. Вдруг с шумом поднялись сразу три птицы. Я стрелял и промахнулся. Полет птиц был какой-то тяжелый: они часто махали крыльями и перед спуском на землю неловко спланировали. Я следил за ними глазами и видел, что они спустились во двор ближайшей к нам фанзы. Это оказались домашние куры. Та как туземцы их не кормят, то они вынуждены сами добывать себе корм на

полях. Для этого им приходится уходить далеко от жилищ. Очевидно, способность летать развилась у них постепенно вследствие постоянного упражнения. Будучи испуганы какими-либо животными, они должны были спасаться не только бегством, но и при помощи крыльев.

Куры и тропа привели нас к фанзе старика удэгейца Люрла. Семья его состояла из пяти мужчин и четырех женщин.

Удэгейцы на реке Кусун сами огородничеством не занимаются, а нанимают для этого китайцев. Одеваются они наполовину по-китайски, наполовину по-своему, говорят по-китайски и только в том случае, если хотят посекретничать между собой, говорят на родном языке. Женские костюмы отличаются пестротой вышивок, а на груди, подоле и рукавах украшаются еще светлыми пуговицами, мелкими раковинами, бубенчиками и разными медными побрякушками, отчего всякое движение обладательниц их сопровождается шелестящим звоном.

Мне очень хотелось поближе познакомиться с кусунскими удэгейцами. Поэтому я, несмотря на усиленные приглашения китайцев, остановился у туземцев. Мне скоро удалось заручиться их доверием; они охотно отвечали на мои вопросы и всячески старались услужить. Особенно же они ухаживали за Дерсу.

Лет 40 назад удэгейцев в прибрежном районе было так много, что, как выражался сам Люрл, лебеди, пока летели от реки Самарги до залива Ольги, от дыма, который поднимал-

ся от их юрт, из белых становились черными. Больше всего удэгейцев жило на реках Тадушу и Тетюхе. На Кусуне было 22 юрты, на Амагу – только 3 и на Такеме – 18. Тогда граница обитания их спускалась до реки Судзухе и к западу от нее.

Как и везде, кусунские удэгейцы находились в неоплатных долгах у китайцев. Первобытная честность их теперь стала падать. Они не говорили, сколько поймали соболей: худших отдавали кредиторам, а лучших оставляли у себя и потом торговали ими тихонько где-нибудь на стороне. Такой обман являлся единственным средством борьбы с китайцами, немилосердно их эксплуатировавшими. Затем они старались набрать в кредит как можно больше в расчете, что кредитор, опасаясь совсем потерять долг, согласится на уступки и сделает скидку. Иногда это им удавалось, но иногда китайцы выходили из терпения и жестоко расправлялись со своими должниками.

Следующий день я посвятил осмотру окрестностей.

Река Кусун (по-китайски Кусун-гоу, по-удэгейски Куи или Куги) впадает в море немного севернее мыса Максимова. Между устьем Витухэ и устьем Кусуна образовалась длинная заводь, отделенная от моря валом из гальки и песка шириной 80 м. Обыкновенно в этой заводи отстаиваются китайские лодки, застигнутые непогодой в море. Раньше здесь также скрывались хищнические японские рыбалки. Несомненно, нижняя часть долины Кусуна раньше была тоже лагуной, как и в других местах побережья, о чем уже

неоднократно говорилось.

Река Кусун придерживается левой стороны долины. Она идет одним руслом, образуя по сторонам много сухих рукавов, играющих роль водоотводных каналов, отчего долина Кусуна в дождливое время года не затопляется водой. По показаниям удэгейцев, за последние 30 лет здесь не было ни одного наводнения.

Левый, возвышенный, террасообразный берег реки имеет высоту около 30 м и состоит из белой глины, в массе которой можно усмотреть блестки колчедана. Где-то в горах удэгейцы добывают довольно крупные куски обсидиана. Растительность в низовьях Кусуна довольно невзрачная и однообразная. Около реки, на островах и по сухим протокам, – густые заросли тальников, имеющих вид высоких пирамидальных тополей, с ветвями, поднимающимися кверху чуть ли не от самого корня. Среди них попадает осина, немало ольхи.

Все удобные земли располагаются с правой стороны реки, где почва весьма плодородная и состоит из ила и чернозема с прослойками гальки и песка, вследствие чего травы развиваются весьма пышно, в особенности тростники, достигающие 2,5–3 м высоты. В сообществе с ними, а иногда отдельно целыми площадями растет обыкновенная полынь, а около реки, на галечниковых и песчаных наносах, – другая полынь, с ветвистым высоким стеблем и с густой, пышной метелкой. Тут было много и еще каких-то злаков и цветковых растений, но все они настолько завяли, что определить их по

внешнему виду даже приблизительно было нельзя. Дальнейший сбор гербарного материала не имел смысла.

Кусунские тазы-удэгейцы находились в переходном состоянии от охотничьего образа жизни к земледельческому. Вследствие отдаленности влияние китайцев сказалось на них неглубоко. Поэтому здесь мне удалось увидеть много того, чего нет на юге Уссурийского края. Так, например, в одном месте, около глубокого пруда, стояло фигурное дерево «Тхун». Оно все было покрыто резьбой, а на главных ветвях его были укреплены идолы, изображающие людей, птиц и животных. Это место запретное: здесь обитает злой дух Огзо. История дерева такова. Несколько лет назад около пруда поселилась семья удэгейцев, состоящая из трех мужчин, трех женщин и семерых детей. Однажды ночью один из братьев, выйдя из фанзы, услышал всплески воды в пруде и чье-то сопение. Подойдя поближе, он увидел какое-то большое животное, похожее на сивуча. Пруд не сообщался ни с рекой, ни с морем. В страхе удэгеец убежал домой. Тогда все решили, что это был черт.

Спустя немного времени один за другим начали умирать дети. Позвали шамана. В конце второго дня камлания он указал место, где надо поставить фигурное дерево, но и это не помогло. Смерть уносила одного человека за другим. Очевидно, черт поселился в самом жилище. Оставалось последнее средство – уступить ему фанзу. Та к и сделали. Забрав все имущество, они перекочевали на реку Уленгоу.

В одном километре от фигурного дерева находилось жилище шамана. Я сразу узнал его по обстановке. Около тропы стояли четыре кола с грубыми изображениями человеческих лиц. Это «цзайгда» – охраняющие дорогу. У них на головах ножи, которыми и поражали черта. На деревьях красовались медвежьи черепа и деревянные бурханы. Тут же стояли древесные пни, вкопанные в землю острыми концами и корнями кверху. На них тоже были сделаны грубые изображения человеческих лиц. Против самого входа в жилище стоял большой деревянный идол Мангани-Севохи с мечом и копьем в руках, а рядом с ним – две оголенные от сучьев лиственницы с корой, снятой кольцами.

Внутреннее устройство фанзы ничем не отличалось от фанз прочих туземцев. На стене висел бубен с колотушкой, пояс с погремушками, шаманская юбка с рисунками и деревянная маска, отороченная мехом медведя. Шаман надевает ее во время камлания для того, чтобы страшным видом запугать черта.

От старика Люрла я узнал, что в прибрежном районе Кусун будет самой южной рекой, по которой можно перевалить на Бикин, а самой северной – река Един (мыс Гладкий). По этой последней можно выйти и на Бикин и на Хор, смотря по тому, по какому из двух верхних притоков идти к перевалу. Он также сообщил мне, что в прибрежном районе Зауссурийского края осень всегда длинная и ледостав наступает на месяц, а иногда и на полтора позже, чем к западу от водораз-

дела. Поэтому я решил идти по берегу моря до тех пор, пока не станут реки, и только тогда направиться к Сихотэ-Алиню.

На заводах Кусуна мы застали старого лодочника маньчжура Хей-ба-тоу, что в переводе значит «морской старшина». Это был опытный мореход, плавающий вдоль берегов Уссурийского края с малых лет. Отец его занимался морскими промыслами и с детства приучил сына к морю. Раньше он плавал у берегов Южно-Уссурийского края, но в последние годы под давлением русских перекочевал на север.

Хей-ба-тоу хотел еще один раз сходить на реку Самаргу и вернуться обратно. Чжан-Бао уговорил его сопровождать нас вдоль берега моря. Решено было, что завтра удэгейцы доставят наши вещи к устью Кусуна и с вечера перегрузят их в лодку Хей-ба-тоу.

Когда мы вернулись назад, были уже глубокие сумерки. В фанзах засветились огоньки. В наш дом собрались почти все китайцы и удэгейцы. Былолюдно и тесно. Дерсу сообщил мне, что «все люди» собрались чествовать экспедицию за то, что мы отнеслись к ним дружелюбно. Китайцы принесли водку, свинину, муку, овощи и устроили ужин.

Я не дождался конца пирушки и рано лег спать. Ночью сквозь щели в дверях я видел свет и слышал людские голоса, но пьянства, ссор и ругани не было. Китайцы мирно разговаривали и рассуждали о грядущих событиях.

Утром на другой день я поднялся рано и тотчас же стал собираться в дорогу. Я по опыту знал, что если удэгейцев

не торопить, то они долго не соберутся. Та к и случилось. Удэгейцы сперва чинили обувь, потом исправляли лодки, и выступить нам удалось только около полудня.

На Кусуне нам пришлось расстаться с Чжан Бао. Обстоятельства требовали его возвращения на реку Санхобе. Он не захотел взять с меня денег и обещал помочь, если на будущий год я снова приду в прибрежный район. Мы пожали друг другу руки и расстались друзьями.

Переправившись через Кусун, мы поднялись на террасу и пошли к морю. Эта часть побережья до самой Тахобе состоит из туфов и базальтовой лавы. Первые под влиянием пресной воды и лучей солнца приняли весьма красивую, пеструю окраску.

Утром был довольно сильный мороз (-10°C), но с восходом солнца температура стала повышаться и к часу дня достигла $+3^{\circ}\text{C}$. Осень на берегу моря именно тем и отличается, что днем настолько тепло, что смело можно идти в одних рубашках, к вечеру приходится надевать фуфайки, а ночью – заворачиваться в меховые одеяла. Поэтому я распорядился всю теплую одежду отправить морем на лодке, а с собой мы несли только запас продовольствия и оружие. Хей-ба-тоу с лодкой должен был прийти к устью реки Тахобе и там нас ожидать.

От Кусуна до Тахобе – 7 км. На этом протяжении в море впадает несколько горных ручьев, которые удэгейцы называют Догум, Тохонски, Сянды, Ампо и Диенсу.

Глава 16

Солоны

Река Тахобе. – Обиженная белка. – Обиталище черта. – Гроза со снегом. – Агды. – Лакомство солона. – Снежный перевал. – Стойкость туземцев к холоду. – Река Кумуху. – Лоси. – Возвращение к морю.

Устье реки Тахобе находится между мысами Максимова и Олимпиады. Раньше оно было у левого края долины, но потом переместилось, вследствие чего образовался слепой рукав, впоследствии превратившийся в болото.

В низовьях долина Тахобе покрыта редколесьем из вяза, липы, дуба и черной березы. Места открытые, чистые и годные для поселений находятся немного выше, в 2 километрах от моря.

Тут мы нашли маленькую фанзочку. Обитателей ее я принял сначала за удэгейцев и только вечером узнал, что это были солоны.

Наши новые знакомые по внешнему виду мало чем отличались от уссурийских туземцев. Они показались мне как будто немного ниже ростом и шире в костях. Кроме того, они более подвижны и более экспансивны. Говорили они по-китайски и затем на каком-то наречии, составляющем смесь

солонского языка с гольдским. Одежда их тоже ничем не отличалась от удэгейской, разве только меньше было пестроты и орнаментов.

Вся семья солонов состояла из десяти человек: старика отца, двух взрослых сыновей с женами и пятерых малых детей.

Как попали они сюда из Маньчжурии? Из расспросов выяснилось следующее. Раньше они жили на реке Сунгари, откуда ради охоты переселились на реку Нор, впадающую в Уссури. Когда там появились многочисленные шайки хунхузов, китайское правительство выслало против них свои войска. Семья солонов попала в положение между двух огней; с одной стороны, на них нападали хунхузы, а с другой – правительственные войска, которые избивали всех без разбору. Тогда солоньки бежали на Бикин, затем перекочевали через Сихотэ-Алинь и остались на берегу моря.

Следующие 4 дня были посвящены осмотру рек Тахобе и Кумуху. Сопровождать нас вызвался младший из солонов, Да Парл. Это был молодой человек крепкого телосложения, без усов и бороды. Он держал себя гордо и свысока посматривал на стрелков. Я невольно обратил внимание на легкость его походки, ловкость и изящество движений.

Дня через 2 мы выступили в поход.

Река Тахобе длиной около 68 км и имеет течение с запада на восток, с небольшим склонением к югу. По обе стороны ее на ширину до 200 м тянутся полосы гальки, заваленной

корчами и буреломом.

24-го числа мы дошли до реки Бали, а 25-го стали подходить к водоразделу. Горы утратили свои резкие очертания. Места их заняли невысокие сопки с пологими склонами.

В 1907 году в прибрежном районе был урожай кедровых орехов; но к западу от Сихотэ-Алиня их не было вовсе. Зато желудей много уродилось в бассейне Уссури, и наоборот, в Зауссурийском крае дуб был пустоцветным.

Мы шли по левому берегу реки. Я, Дерсу и Да Парл впереди, а Захаров и Аринин шагах в 15 сзади. Вдруг впереди, на валежнике, показалась белка. Она сидела на задних лапках и, заложив хвостик на спинку, грызла кедровую шишку. При нашем приближении белка схватила свою добычу и бросилась на дерево. Оттуда, сверху, она с любопытством посмотрела на людей. Солон тихонько подкрался к кедру, крикнул и изо всей силы ударил по стволу палкой. Белка испугалась, выронила свою добычу и забралась еще выше. Этого только и надо было солону. Он поднял шишку и, нимало не обращая внимания на обиженного зверька, пошел дальше. Белка прыгала с ветки на ветку и фырканьем выражала неудовольствие за грабеж среди бела дня. Мы от души смеялись. Дерсу способа этого не знал и в будущем для добычи орехов решил тоже применять солонские приемы.

– Тебе сердись не надо, – сказал он, обращаясь с утешениями к белке. – Наша внизу ходи, как орехи найди? Тебе туда смотри, там много орехов есть. – Он указал рукой на

большой кедр; белка словно поняла его и направилась в ту сторону.

Кстати, два слова о маньчжурской белке. Этот представитель грызунов имеет длинное тело и длинный пушистый хвост. Небольшая красивая головка его украшена большими черными глазами и небольшими закругленными ушами, оканчивающимися пучком длинных черных волос, расположенных веерообразно. Общая окраска белки пепельно-серая, хвост и голова черные, брюшко белое. Изредка встречаются отдельные экземпляры с желтыми подпалинами.

Белка – животное то оседлое, то кочевое, смотря по тому, изобилует ли избранный ею для поселения район пищей. Она заблаговременно усматривает, в чем будет недород и в чем избыток, и заранее перекочевывает то в дубняк, то в кедровики или лиственные леса с подлесьем из орешника. Весь день она пребывает в движении и даже в ненастную погоду выходит из своего гнезда пробежаться по дереву. Она, можно сказать, положительно не выносит покоя и только в темноте лежит на боку, свернувшись и закинув хвост на голову. Чуть свет – белка уже на ногах. Кажется, движение ей так же необходимо, как вода, пища и воздух.

Лет 20 назад беличья шкурка стоила 20 копеек. По мере спроса на ее мех цена на него возрастала и ныне доходит до трех рублей за штуку.

Главными врагами белки являются куница, соболь и человек.

Весь день в воздухе стояла мгла; небо затянуто паутиной слоисто-перистых облаков; вокруг солнца появились «венцы»; они суживались все более и более и наконец слились в одно матовое пятно. В лесу было тихо, а по вершинам деревьев уже разгуливал ветер.

Это, видимо, беспокоило Дерсу и солона. Они что-то говорили друг другу и часто поглядывали на небо.

– Плохо, – сказал я, – ветер начинает дуть с юга.

– Нет, – протянул Дерсу. – Его так ходи. – И он указал на северо-восток.

Мне показалось, что он ошибся, и я начал было возражать.

– Посмотри на птицу! – воскликнул Дерсу. – Видишь, она на ветер смотрит.

Действительно, на одной из елей сидела ворона головой к северо-востоку. Это было самое выгодное для нее положение, при котором ветер скользил по перу. Наоборот, если бы она села боком или задом к ветру, то холодный воздух проник бы под перо и она стала бы зябнуть.

К вечеру небо покрылось тучами, излучение тепла от земли уменьшилось, и температура воздуха повысилась с +2 до +10°С. Это был тоже неблагоприятный признак. На всякий случай мы прочно поставили палатки и натаскали побольше дров.

Но опасения наши оказались напрасными: ночь прошла благополучно.

Утром, когда я проснулся, то прежде всего взглянул на небо. Тучи на нем лежали параллельными полосами в направлении с севера на юг.

Мешкать было нельзя. Мы проворно собрали свои котомки и пошли вверх по реке Тахобе. Я рассчитывал в этот день добраться до Сихотэ-Алиня, но вследствие непогоды этого нам сделать не удалось.

Около полудня в воздухе вновь появилась густая мгла. Горы сделались темно-синими и угрюмыми. Часа в четыре хлынул дождь, а вслед за ним пошел снег, мокрый и густой. Тропинка сразу забелела; теперь ее можно было далеко проследить среди зарослей и бурелома. Ветер сделался резким и порывистым.

Надо было остановиться на бивак. Недалеко от реки, с правой стороны, высилась одинокая скала, похожая на развалины замка с башнями по углам. У подножия ее рос мелкий березняк. Место это мне показалось удобным, и я подал знак к остановке.

Стрелки принялись таскать дрова, а солон пошел в лес за сошками для палатки. Через минуту я увидел его бегущим назад. Отойдя от скалы шагов сто, он остановился и посмотрел наверх, потом отбежал еще немного и, возвратившись на бивак, что-то тревожно стал рассказывать Дерсу. Гольд тоже посмотрел на скалу, плюнул и бросил топор на землю.

После этого оба они пришли ко мне и стали просить, чтобы я переменял место бивака. На вопрос, какая тому причи-

на, солон сказал, что, когда под утесом он стал рубить дерево, сверху в него черт два раза бросил камнями. Дерсу и солон так убедительно просили меня уйти отсюда и на лицах у них написано было столько тревоги, что я уступил им и приказал перенести палатки вниз по реке метров на 400. Тут мы нашли место еще более удобное, чем первое.

Дружно все принялись за работу: натаскали дров и развели большие костры. Дерсу и солон долго трудились над устройством какой-то изгороди. Они рубили деревья, втыкали в землю и подпирали сошками. На изгородь они не пожалели даже своих одеял.

На задаваемые вопросы Дерсу ответил мне, что изгородь эту они сделали для того, чтобы черт со скал не мог видеть, что делается на биваке. Мне стало смешно, но я не высказывал этого, чтобы не обидеть старого приятеля.

Мои стрелки расположились рядом и мало думали о том, смотрит на них черт с сопки или нет. Они больше интересовались ужином.

Вечером непогода ухудшилась. Люди забились в палатки и согревались горячим чаем. Часов в 11 вечера вдруг густо повалил снег, и вслед за тем что-то сверкнуло на небе.

– Молния! – воскликнули стрелки в один голос.

Не успел я им ответить, как послышался резкий удар грома.

Эта гроза со снегом продолжалась до 2 часов ночи. Молнии сверкали часто и имели красный оттенок. Раскаты грома

были могучие и широкие; чувствовалось, как от них содрогались земля и воздух.

Явление грозы со снегом было так ново и необычно, что все с любопытством посматривали на небо, но небо было темное, и только при вспышках молнии можно было рассмотреть тяжелые тучи, двигавшиеся в юго-западном направлении.

Один удар грома был особенно оглушителен. Молния ударила как раз в той стороне, где находилась скалистая сопка. К удару грома примешался еще какой-то сильный шум: произошел обвал. Надо было видеть, в какое волнение пришел солон! Он решил, что черт сердится и ломает сопку.

Он развел еще один огонь и спрятался за изгородь. Я взглянул на Дерсу. Он был смущен, удивлен и даже испуган: черт на скале, бросивший камни, гроза со снегом и обвал в горах – все это перемешалось у него в голове и, казалось, имело связь друг с другом.

– Эндули³⁴ черта гоняй! – сказал он довольным голосом и затем что-то неожиданно стал говорить солону.

Между тем гроза стала удаляться, но молнии еще долго вспыхивали на небе, отражаясь широким пламенем на горизонте, и тогда особенно отчетливо можно было рассмотреть контуры отдаленных гор и тяжелые дождевые тучи, сыпавшие дождем попережку со снегом.

Издали долго еще доносились глухие раскаты грома, от

---

³⁴ Бог неба.

которых вздрагивали земля и воздух.

Напившись чаю, стрелки легли спать, а я долго еще сидел с Дерсу у огня и расспрашивал о чертях и о грозе со снегом. Он мне охотно отвечал.

– Гром – это Агды. Когда черт долго держится в одном месте, то бог Эндули посылает грозу, и Агды гонит черта. Значит, там, где разразилась гроза, был черт. После ухода черта (то есть после грозы) кругом воцаряется спокойствие: животные, птицы, рыбы, травы и насекомые тоже понимают, что черт ушел, и становятся жизнерадостными, веселыми...

О грозе со снегом он сказал, что раньше гром и молния были только летом, зимние же грозы принесли с собой русские. Эта гроза была третья, которую он помнил за всю свою жизнь.

За разговором незаметно прошло время.

Начинался рассвет... Из темноты стали выступать сопки, покрытые лесом, Чертова скала и кусты, склонившиеся над рекой. Все предвещало пасмурную погоду... Но вдруг неожиданно на востоке, позади гор, появилась багровая заря, окрасившая в пурпур хмурое небо. В этом золотисто-розовом сиянии отчетливо стал виден каждый куст и каждый сучок на дереве. Я смотрел как очарованный на светлую игру лучей восходящего солнца.

– Ну, старина, пора и нам соснуть часок, – обратился я к своему спутнику, но Дерсу уже спал, прислонившись к валежине, лежащей на земле около костра.

На другой день мы все проспали и встали очень поздно.

По небу все еще ползли тучи, но они не имели уже такого страшного вида, как ночью.

Закусив немного и напившись чаю, мы прошли опять вверх по реке Тахобе, которая должна была привести нас к Сихотэ-Алиню. От места нашего бивака до главного хребта был еще один переход. По словам солон, перевал этот невысок.

По ту сторону его будет река Мыхе (приток Бикина); она течет вдоль Сихотэ-Алиня.

Я не пошел туда, а повернул вправо по ключику Ада, чтобы выйти в один из верхних притоков соседней реки Кумуху, намереваясь по ней спуститься к морю. В сумерки мы немного не дошли до водораздела и стали биваком в густом лесу.

Вечером солон убил белку. Он снял с нее шкурку, затем насадил ее на вертел и стал жарить, для чего палочку воткнул в землю около огня. Потом он взял беличий желудок и положил его на угли. Когда он зарумянился, солон с аппетитом стал есть его содержимое. Стрелки начали плевать, но это мало смущало солон. Он сказал, что белка – животное чистое, что она ест только орехи да грибки, и предлагал отведать этого лакомого блюда. Все отказались...

В это время Аринин стал поправлять огонь и задел белку. Она упала. Стрелок поставил ее на прежнее место, но не так, как раньше, а головой вниз. Солон засуетился и быстро

повернул ее головой кверху. При этом он сказал, что жарить белку можно только таким образом, иначе она обидится и охотнику не будет удачи, а рыбу, наоборот, надо ставить к огню всегда головой вниз, а хвостом кверху.

28-го числа день был такой же пасмурный, как и накануне. Ручьи еще шумели в горах, но и они уже начали испытывать на себе заморозки. По воде всюду плыла шуга, появились забереги, кое-где стал образовываться донный лед.

Сразу от бивака начинался подъем. Чем выше мы взбирались в гору, тем больше было снега. На самом перевале он был по колено. Темно-зеленый хвойный лес оделся в белый убор и от этого имел праздничный вид. Отяжелевшие от снега ветви елей пригнулись книзу и в таком напряжении находились до тех пор, пока случайно упавшая сверху веточка или еловая шишка не стряхивала пышные белые комья, обдавая проходящих мимо людей холодной снежной пылью.

Являлось полное впечатление зимы. В лесу царила удивительная тишина.

По барометрическим измерениям высота перевала над уровнем моря оказалась равной 880 м.

Солон торопил. Он говорил, что скоро должен подуть северо-западный ветер и будет беда, если здесь нас застанет непогода.

Пурга в горах – обычное явление, если вслед за свежесвыпавшим снегом поднимается ветер. Признаки этого ветра уже налицо: тучи быстро бежали к востоку; они стали тонь-

ше, прозрачнее, и уже можно было указать место, где находится солнце.

Я послушался совета солона и пошел скорее.

Спуск с перевала к реке Кумуху был такой же крутой, как и подъем со стороны Тахобе.

Лес, покрывающий северный склон водораздела между бассейнами обеих упомянутых рек, – хвойно-смешанный, угрюмый, заваленный колодником.

Предсказания солона сбылись. Когда мы были внизу, в горах слышался шум, который постепенно усиливался и спускался в долину. Я оглянулся назад: снежные сопки курились – начиналась пурга.

Маленький ключик привел нас к каменистой, заваленной колодником речке Цаони, впадающей в Кумуху с правой стороны. После полуденного привала мы выбрались из бурелома и к вечеру достигли реки Кумуху, которая здесь шириной немного превосходит Цаони и мало отличается от нее по характеру. Ширина ее в верховьях не более 4–5 м. Если отсюда идти по ней вверх, к Сихотэ-Алиню, то перевал опять будет на реке Мыхе, но уже в самых ее истоках. От устья Цаони до Сихотэ-Алиня туземцы считают один день пути.

Бивак мы устроили, как всегда, на берегу реки.

К вечеру небо очистилось от туч, и ночь обещала быть холодной. Я понадеялся на одеяло и лег в стороне от огня, уступив свое место солону, у которого одежонка была очень плохая. Часа в три утра я проснулся оттого, что озяб. Как ни

старался я укрыться плотнее, ничего не помогало: холодный воздух находил себе лазейку и сквозил то в плечо, то в ноги. Пришлось встать. Кругом было темно: огонь наш погас. Я собрал тлеющие головешки и стал их раздувать. Через минуту вспыхнуло пламя, и кругом все стало видно: Захаров и Аринин, лежащие под защитой палатки, а Дерсу спал сидя, одетый.

Собирая дрова, я увидел совсем в стороне, далеко от костра, спавшего солонка. Ни одеяла, ни теплой одежды у него не было. Он лежал на ельнике, покрывшись только одним своим матерчатым кафтаном. Опасаясь, как бы он не простудился, я стал трясти его за плечо, но солонка спал так крепко, что я насилу его добудился. Да Парл поднялся, почесал голову, зевнул, затем лег опять на прежнее место и громко захрапел.

Удэгейцы с удивительной стойкостью переносят холод. К этому они привыкают с детства, с того момента, как первый раз вдохнут в себя воздух.

Я погрелся немного у огня, затем залез к стрелкам в палатку и тогда хорошо заснул.

На другое утро мы все поднялись очень рано. Взятые с собой запасы продовольствия подходили к концу, и потому надо было торопиться. Наш утренний завтрак состоял из жареной белки, остатков лепешки, испеченной в золе, и кружки горячего чая.

Когда мы выступили в путь, солнышко только всходило.

Светлое и лучезарное, оно поднялось из-за леса и яркими лучами осветило вершины гор, покрытые снегом.

Река Кумуху (по-удэгейски Кумму), названная русскими рекой Кузнецова, берет начало с хребта Сихотэ-Алинь, течет в широтном направлении, только в нижней своей части склоняется к югу и в море впадает около мыса Олимпиады ($46^{\circ} 12,5'$ с. ш. и $138^{\circ} 20,0'$ в. д. от Гринвича). По пути Кумуху принимает в себя следующие притоки: с левой стороны – река Яаса 1-я, Яаса 2-я, Усмага, Тапку, Ного, Тагды, Хандями, Дыонго, а с правой – кроме Цыгони, по которой мы пришли, еще Лиго, Цаолосо, Бутыче и Амурта. Из них самая быстрая Лиго, а самая спокойная Тагды. С последней будет перевал на реку Сваин, впадающую в море севернее реки Кузнецова.

Удэгейцы в лодках поднимаются до реки Тагды; дальше движение вверх по Кумуху возможно только по льду реки на нартах. В средней части ее, в особенности с левой стороны, между реками Тагды и Яаса, видны следы давнишних пожаров. Как и везде, наиболее выгорели леса по хребтам и сохранились только в долинах.

Река Кумуху интересна еще и в том отношении, что здесь происходят как раз стыки двух флор – маньчжурской и охотской. Проводниками первой служат долины, второй – горные хребты. Создается впечатление, будто одна флора клином входит в другую. Теперь, когда листва опала, сверху, с гор, было хорошо видно, где кончаются лиственные леса и

начинаются хвойные. Долины кажутся серыми, а хребты – темно-зелеными.

Здесь среди кустарниковой растительности еще можно видеть кое-каких представителей маньчжурской флоры, например: лещину, у которой обертка орехов вытянута в длинную трубку и густо усажена колючими волосками; красноветвистый шиповник с сильно удлинненными плодами, сохраняющимися на ветках его чуть ли не всю зиму; калину, дающую в изобилии сочные светло-красные плоды; из касатниковых – вьющуюся диоскорею, мужские и женские экземпляры которой разнятся между собой; актинидию, образующую густые заросли по подлесью, и лимонник с гроздьями красных ягод, от которых во рту остается легкий ожог, как от перца.

В среднем течении Кумуху имеет метров 20 ширины и около 1 метра глубины по фарватеру. Средняя скорость течения равна 8 км/ч в малую воду. По словам туземцев, недалеко от моря есть выходы углей на дневную поверхность.

Как мы ни старались, но в этот день нам удалось дойти только до реки Тагды. До моря оставалось еще 20 км.

Когда намеченный маршрут близится к концу, то всегда торопишься: хочется скорее закончить путь. В сущности, дойдя до моря, мы ничего не выигрывали. От устья Кумуху мы опять пойдем по какой-нибудь реке в горы; так же будем устраивать биваки, ставить палатки и таскать дрова на ночь; но все же в конце намеченного маршрута всегда есть что-

то особенно привлекательное. Поэтому все рано легли спать, чтобы пораньше встать.

На другой день, чуть только заалел восток, все поднялись как по команде и стали собираться в дорогу. Я взял полотенце и пошел к реке мыться.

Природа находилась еще в том состоянии покоя, когда все дремлет и наслаждается предрассветным отдыхом. От реки поднимались холодные испарения; на землю пала обильная роса... Но вот слабый утренний ветерок пробежал по лесу. Туман тотчас пришел в движение, и показался противоположный берег. На биваке стало тихо: люди начали подкреплять себя пищей. Вдруг до слуха моего донеслось бречание гальки: кто-то шел по камням. Я оглянулся и увидел две тени: одну высокую, другую пониже. Это были лоси – самка и годовалый телок. Они подошли к реке и начали жадно пить воду. Самка мотнула головой и стала зубами чесать свой бок. Я любовался животными и боялся, чтобы их не заметили стрелки. Вдруг самка почуяла опасность и, насторожив свои большие уши, внимательно стала смотреть в нашу сторону. Вода капала у нее с губ, и от этого расходились круги по спокойной поверхности реки. Лосиха встрепенулась, издала хриплый крик и бросилась к лесу. В это мгновение потянул ветерок, и снова противоположный берег утонул в тумане. Захаров стрелял и промахнулся, чему в душе я порадовался.

Наконец взошло солнце. Клубы тумана приняли оранже-

вые оттенки. Сквозь них стали вырисовываться кусты, деревья, горы...

Через полчаса мы шли по тропинке и весело болтали между собой.

На поляне, ближайшей к морю, поселился старовер Долганов, занимающийся эксплуатацией туземцев, живущих на соседних с ним реках. Мне не хотелось останавливаться у человека, который строил свое благополучие за счет бедняков; поэтому мы прошли прямо к морю и около устья реки нашли Хей-ба-тоу с лодкой. Он прибыл к Кумуху в тот же день, как вышел из Кусуна, и ждал нас здесь около недели.

Вечером стрелки разложили большие костры. У них было веселое настроение, точно они возвратились домой. Люди так привыкли к походной жизни, что совершенно не замечали ее тягот.

Одни сутки мы простояли на месте. Нужно было отдохнуть, собраться с силами и привести в порядок свои вещи.

Наконец наступило 1 ноября – первый день зимнего месяца. Утром был мороз до 10°С при сильном ветре.

В каком бы направлении ветер ни дул – с материка в море или, наоборот, с моря на материк, движение его всегда происходит по долинам. В тех случаях, если последние имеют северо-западное направление, ветер дует с такой силой, что опрокидывает на землю деревья и снимает с домов крыши. Обыкновенно с восходом солнца ветер стихает, а часа в четыре дня начинает дуть снова.

От реки Тахобе до Кумуху есть пешеходная тропа. Она проложена горами и проходит недалеко от моря. Расстояние это измеряется в 16 км.

В топографическом и геологическом отношении вся местность между двумя упомянутыми реками представляет собой обширный лавовый покров. Теперь это невысокие холмы, изрезанные большими оврагами. Когда-то тут был хороший лес. Ныне от него остались только пни и редкие сухостои. По оврагам, о которых я упомянул, в море текут ручьи Цалла, Анкуга, Лолобинга, Тахалун, Калама и Кумолун.

Глава 17

Сердце Уссурийского края

Мелкие речки на берегу моря. – Сухая мгла и звукопроницаемость воздуха. – Обоняние охотника. – Беспокойство и сомнения. – Перевал на реку Нахтоху. – Следы человека. – Удэгеец Янсели. – Притоки реки. – Удэгеец Монгули. – Китаец, укравший соболя. – Туземное население. – Кладбище. – Тревожная весть. – Исчезновение Хей-ба-тоу. – Безвыходное положение.

На реке Кузнецова мы распрощались с солоном. Он возвратился к себе на реку Тахобе, а мы пошли дальше на север. Хей-ба-тоу было приказано следовать вдоль берега моря и дожидаться нас в устье реки Холонку.

От выпавшего снега не осталось и следа, несмотря на то что температура все время стояла довольно низкая. На земле нигде не видно было следов оттепели, а между тем снег куда-то исчез. Это происходит от чрезвычайной сухости зимних северо-западных ветров, которые поглощают всю влагу и делают климат Уссурийского края в это время года похожим на континентальный.

Здесь растительность такая же чахлая, как и везде на побережье моря. Заметным становится преобладание хвой-

ных пород; на сцену все больше и больше выступает лиственница, а дубняки отходят на задний план.

Тропа, которая до сего времени вела нас вдоль берега моря, кончилась около реки Кумуху. От мыса Олимпиады до реки Самарги, на протяжении 150 км по прямой линии и 230 км в действительности, берег горист и совершенно пустынен. Наподобие густой корковой щетки хвойный замшистый лес одевает все горы и доходит вплотную до берега моря. Эта часть пути считается очень трудной. Сюда избегают заходить даже удэгейцы. Расстояние, которое по морю на лодке можно проехать в полдня, пешком по берегу едва ли удастся пройти и в четверо суток.

За день мы прошли немного и стали биваком около реки Бабкова. Здесь можно видеть хорошо выраженные береговые террасы. Они высотой около 12 м. Река в них промыла узкое ложе, похожее на каньон. По широкому заболоченному плато кое-где растут в одиночку белая береза, лиственница и поросль дуба.

Лодка Хей-ба-тоу могла останавливаться только в устьях таких рек, которые не имели бара и где была хоть небольшая заводь. Река Бабкова достоинствами этими не отличалась, и потому Хей-ба-тоу прошел ее мимо с намерением остановиться около мыса Сосунова.

С утра погода была удивительно тихая. Весь день в воздухе стояла сухая мгла, которая после полудня начала быстро сгущаться. Солнце из белого стало желтым, потом оран-

жевым и, наконец, красным; в таком виде оно и скрылось за горизонтом. Я заметил, что сумерки были короткие: как-то скоро спустилась ночная тьма. Море совершенно успокоилось, нигде не было слышно ни единого всплеска. Казалось, будто оно погрузилось в сон.

Часов в 10 вечера вошла луна. Она была очень больших размеров, имела странный вид и даже в полночь не утратила того красного цвета, который свойствен ей во время низкого стояния над горизонтом. Утесы на берегу моря, лес в горах и одиноко стоящие кусты и деревья казались как бы другими – не такими, как всегда. В полночь мгла сгустилась до того, что ее можно было видеть в непосредственной от себя близости, и это не был дым, потому что гарью не пахло. Вместе с тем воздух приобрел удивительную звукопроницаемость: обыкновенный голос на дальнем расстоянии слышался как громкий и крикливый; шорох мыши в траве казался таким шумом, что невольно заставлял вздрагивать и оборачиваться. Казалось, будто мы перенеслись в другой мир, освещенный не луною, а каким-то неведомым тусклым светиллом. Вслед за тем воздух наполнился какими-то звуками, похожими на раскаты грома, глухие взрывы или отдаленную пушечную пальбу залпами. Звуки эти неслись откуда-то со стороны моря. Может быть, единственный раз в жизни мы слышали подземный гул.

Явление это навеяло на всех людей страх; Дерсу говорил, что за всю свою жизнь он никогда ничего подобного не слы-

шал.

Я счел необходимым адресоваться к инструментам: барометр показывал 759, температура воздуха -3°C , анемометр – полный штиль. Это интересное явление продолжалось до рассвета. Когда мгла исчезла, снова подул холодный северо-западный ветер.

От реки Бабкова берег делает небольшой изгиб. Чтобы сократить путь, мы поднялись по одному из притоков реки Каменной, перевалили через горный кряж, который здесь достигает высоты 430 м, и вышли на реку Холонку, недалеко от ее устья, где застали Хей-ба-тоу с лодкой. За штиль ночью ветер, казалось, хотел наверстать потерянное и дул теперь особенно сильно; анемометр показывал 215.

Остальную часть дня я употребил на осмотр нижней долины Холонку. Здесь мы опять видим лагуну длиной 5 км и шириной 1 км. Она отделена от моря двухъярусным валом. Около устья река Холонку непомерно широка и глубока – это наиболее глубокое место бывшей лагуны. Длина обоих валов около 500 м; один вал сложен из крупных окатанных валунов, обросших лишайниками, что доказывает, что камни эти давно уже находятся в состоянии покоя. Вал, ближайший к морю, меньше размерами и, видимо, только недавно наметен морским прибоем. Ныне на месте лагуны образовалось мшистое болото, поросшее голубикой, багульником и морошкой.

Вечером я сделал распоряжение: на следующий день Хей-

ба-тоу с лодкой должен был перейти на реку Хатоху и там опять ждать нас, а мы пойдем вверх по реке Холонку до Сихотэ-Алиня и затем по реке Нахтоху спустимся обратно к морю.

Я распорядился, чтобы с вечера люди собрали все, что им надо, так как завтра Хей-ба-тоу хотел уйти на рассвете.

На другой день, 3 ноября, я проснулся раньше других, оделся и вышел из палатки.

Картина, которую я увидел, была необычайно красива. На востоке пылала заря. Освещенное лучами восходящего солнца море лежало неподвижно, словно расплавленный металл. От реки поднимался легкий туман. Испуганная моими шагами, стая уток с шумом снялась с воды и с криком полетела куда-то в сторону, за болото.

Когда солнце поднялось над горизонтом, я увидел далеко в море парус Хей-ба-тоу.

Я согрел чай и разбудил своих спутников.

Закусив поплотнее, мы собрали свои котомки и тоже отправились в путь по намеченному маршруту.

Река Холонку (по-удэгейски Халланку) называется на картах рекой Светлой. Длинной она около 90 км, течет в широтном направлении и начало имеет в горах Сихотэ-Алиня. Если идти вверх по реке, то в нижней половине ее в последовательном порядке будут встречаться следующие притоки. С правой стороны – Хунды и Дя. Первая немного больше второй. Лососевые рыбы поднимаются только до реки Дя, но

главная масса их сворачивает на Хунды. С левой стороны Холонку принимает в себя только один приток – Тальмакси, по которому можно выйти на реку Пия, впадающую в море на 20 км выше мыса Плитняк. В долине реки Холонку раньше были хорошие леса, но теперь они все уничтожены пожарами. Лес сохранился одинокими островками только в верхнем течении.

В этот день мы вышли сравнительно поздно, потому и прошли немного. С первых же шагов Дерсу определил, что река Холонку не жилая, что туземцы заглядывают сюда редко и что года два назад здесь соболевали корейцы.

Перед сумерками Дерсу ходил на охоту. Назад он вернулся с пустыми руками. Повесив ружье на сучок дерева, он сел к огню и заявил, что нашел что-то в лесу, но забыл, как этот предмет называется по-русски.

Та к как он долго не мог найти его, то я стал задавать ему наводящие вопросы. Вдруг Дерсу спохватился.

– Дуба сынка! – воскликнул он простодушно и вслед за тем подал мне обыкновенный желудь.

Потом он сообщил мне, что нашел его на сопке с левой стороны реки, хотя вблизи самого дерева нигде не было видно. Очевидно, этот желудь занесла сюда какая-нибудь птица или мелкое животное вроде белки или бурундука.

С каждым днем становилось все холоднее и холоднее. Средняя суточная температура понизилась до 6,3°C, и дни заметно сократились. На ночь для защиты от ветра нужно

было забираться в самую чащу леса. Для того чтобы заготовить дрова, приходилось рано становиться на биваки. Поэтому за день удавалось пройти мало, и на маршрут, который летом можно было сделать в сутки, теперь приходилось тратить времени вдвое больше.

Утром 4 ноября мы все проснулись от холода. Термометр показывал – 11°С при сильном ветре.

Погревшись у огня, мы напились горячего чая и тронулись в путь. Все время начиная от самого моря по сторонам, в горах, тянулись сплошные гари.

Впереди и слева от нас высилась Плоская гора высотой 600 м, которую местные жители называют Кямо. С горного хребта, в состав которого она входит, берут начало три притока Холонку: Пуйму, Сололи и Дагды – единственное место в бассейне Холонку, где еще встречаются изюбры и кабаны. Подъем на лодке возможен только до реки Сололи.

Около устья Пуйму мы нашли развалившуюся корейскую зверовую фанзу и около нее старую дощатую лодку. Это показало, что наблюдения Дерсу были правильны.

Выбрав место для ночевки, я приказал Захарову и Аринину ставить палатку, а сам с Дерсу пошел на охоту. Здесь по обоим берегам реки кое-где узкой полосой еще сохранился живой лес, состоящий из осины, ольхи, кедра, тальника, березы, клена и лиственницы. Мы шли и тихонько разговаривали, он – впереди, а я – несколько сзади. Вдруг Дерсу сделал мне знак, чтобы я остановился. Я думал сначала, что он

прислушивается, но скоро увидел другое: он поднимался на носки, наклонялся в стороны и усиленно нюхал воздух.

– Пахнет, – сказал он шепотом. – Люди есть.

– Какие люди?

– Кабаны, – отвечал гольд. – Моя запах найди есть.

Как я ни нюхал воздух, никакого запаха не ощущал. Дерсу осторожно двинулся вправо и вперед. Он часто останавливался и принюхивался. Так прошли мы шагов полтора. Вдруг что-то шарахнулось в сторону. Это была дикая свинья и с нею полугодовалый поросенок. Еще несколько кабанов бросилось врассыпную. Я выстрелил и уложил поросенка.

На обратном пути я спросил Дерсу, почему он не стрелял в диких свиней. Гольд ответил, что не видел их, а только слышал шум в чаще, когда они побежали. Дерсу был недоволен: он ругался вслух и потом вдруг снял шапку и стал бить себя кулаком по голове. Я засмеялся и сказал, что он лучше видит носом, чем глазами. Тогда я не знал, что это маленькое происшествие было повесткой к трагическим событиям, разыгравшимся впоследствии.

Поросенок весил около 24 кг и был как нельзя более кстати. Вечером мы лакомились свежей дичью; все были веселы, шутили и смеялись. Один Дерсу был не в духе. Он все хмыкал и вслух спрашивал себя, как это он не видел кабанов.

После ужина стрелки разделились на смены и стали сушить мясо на огне, а я занялся путевым дневником.

5 ноября, утром, был опять мороз (-14°C); барометр стоял

высоко (757). Небо было чистое; взошедшее солнце не давало тепла, зато давало много света. Холод всех подбадривал, всем придавал энергии. Раза два нам пришлось переходить с одного берега реки на другой. В этих местах Холонку шириной около 6 м; русло ее загромождено валежником.

Сегодня мы прошли еще два притока, впадающие в реку с левой стороны: Монинги 1-ю, Монинги 2-ю и Тигдамугу. Они также берут начало с горы Кямо. По долинам рек Монинги держатся лоси; свежие следы их попадались часто, но так как мы были вполне обеспечены продовольствием, то не задерживались здесь и прошли мимо. От реки Тигдамугу до реки Олосу (верхний левый приток Холонку) – один день ходу. По самой реке Холонку и по Олосу можно в один день дойти до водораздела. Эта часть Сихотэ-Алиня с восточной стороны голая, а с западной покрыта хвойным лесом.

Шли мы теперь без проводника, по приметам, которые нам сообщил солон. Горы и речки так походили друг на друга, что можно было легко ошибиться и пойти не по той дороге. Это больше всего меня беспокоило. Дерсу, наоборот, относился ко всему равнодушно. Он так привык к лесу, что другой обстановки, видимо, не мог себе представить. Для него было совершенно безразлично, где ночевать – тут или в ином месте...

Согласно указаниям, данным солоном, после реки Тигдамугу мы отсчитали второй безымянный ключик и около него стали биваком. По этому ключику нам следовало идти к пе-

ревалу на реке Нахтоху.

Ночью я плохо спал. Почему-то все время меня беспокоила одна и та же мысль: правильно ли мы идем? А вдруг мы пошли не по тому ключику и заблудились! Я долго ворочался с боку на бок, наконец поднялся и подошел к огню. У костра сидя спал Дерсу. Около него лежали две собаки. Одна из них что-то видела во сне и тихонько лаяла. Дерсу тоже о чем-то бредил. Услышав мои шаги, он спросонья громко спросил: «Какой люди ходи?» – и тотчас снова погрузился в сон.

Над землей, погруженной в ночную тьму, раскинулся темный небесный свод с миллионами звезд, переливавшихся цветами радуги. Широкой полосой, от края до края, протянулся Млечный Путь. По ту сторону реки стеной стоял молчаливый лес. Кругом было тихо, очень тихо...

С полчаса посидел я у огня. Беспокойство мое исчезло. Я пошел в палатку, завернулся в одеяло, уснул, а утром проснулся лишь тогда, когда все уже собирались в дорогу. Солнце только что поднялось из-за горизонта и посылало лучи свои к вершинам гор.

Сразу с бивака начался подъем. С первого же перевала мы увидели долину реки Пия; за нею высился другой горный хребет с гольцами, потом третий, покрытый снегом. За ними, вероятно, должна быть река Нахтоху.

По пути нам встречалось много мелких речек, должно быть, притоки реки Пия. Плохо, когда идешь без проводника: все равно как слепой. К вечеру мы дошли до какой-то

реки, а на другой день, к двум часам пополудни, достигли третьего перевала.

Подъем у него был продолжительный, но некрутой. Внизу, у подножия хребта, растет смешанный лес, который по мере приближения к гребню становится жидким и сорным. Лиственные породы скоро уступили место хвойным, и на смену кустарнику и травяному подлесью явились мхи и багульник.

Чем выше мы поднимались, тем больше было снега. Увидя вверху просвет, я обрадовался, думая, что вершина недалеко, но радость оказалась преждевременной: то были кедровые стланцы. Хорошо, что они не занимали большого пространства. Пробравшись сквозь них, мы ступили на гольцы, лишенные всякой растительности. Я посмотрел на барометр – стрелка показывала 760 м.

Отсюда, сверху, открывался великолепный вид во все стороны. На северо-западе виднелся низкий и болотистый перевал с реки Нахтоху на Бикин. В другую сторону, насколько хватал глаз, тянулись какие-то другие горы. словно гигантские волны с белыми гребнями, они шли куда-то на север и пропадали в туманной мгле. На северо-востоке виднелась Нахтоху, а вдаль на юге – синее море.

Холодный, пронзительный ветер не позволял нам долго любоваться красивой картиной и принуждал к спуску в долину. С каждым шагом снегу становилось все меньше и меньше. Теперь мы шли по мерзлому мху. Он хрустел под ногами

и оставался примятым к земле.

Я шел впереди, а Дерсу – сзади. Вдруг он бегом обогнал меня и стал внимательно смотреть на землю. Тут только я заметил человеческие следы; они направлялись в ту же сторону, куда шли и мы.

– Кто здесь шел? – спросил я гольда.

– Маленькая нога; такой у русских нету, у китайцев нету, у корейцев тоже нету, – отвечал он и затем прибавил: – Это унта³⁵, носок кверху. Люди совсем недавно ходи. Моя думай, наша скоро его догоняй.

Другие признаки, совершенно незаметные для нас, открыли ему: этот человек был удэгеец, что он занимался соболеванием, имел в руках палку, топор, сетку для ловли соболей и, судя по походке, был молодой человек. Из того, что он шел напрямик по лесу, игнорируя заросли и придерживаясь открытых мест, Дерсу заключил, что удэгеец возвращался с охоты и, вероятно, направляется к своему биваку. Посоветовавшись, мы решили идти по его следам, тем более что они шли в желательном для нас направлении.

Лес кончился, и опять потянулась сплошная гарь. Та к прошли мы с час. Вдруг Дерсу остановился и сказал, что пахнет дымом. Действительно, минут через 10 мы спустились к реке и тут увидели балаган и около него костер. Когда мы были от балагана в 100 шагах, из него выскочил человек с ружьем в руках. Это был удэгеец Янсели с реки Нахтоху. Он

---

³⁵ Туземная обувь.

только что пришел с охоты и готовил себе обед. Котомка его лежала на земле, и к ней были прислонены палка, ружье и топор.

Меня заинтересовало, как Дерсу узнал, что у Янсели должна быть сетка на соболя. Он ответил, что по дороге видел срезанный рябиновый прутик и рядом с ним сломанное кольцо от сетки, брошенное на землю. Ясно, что прутик понадобился для нового кольца. И Дерсу обратился к удэгейцу с вопросом, есть ли у него соболиная сетка. Последний молча развязал котомку и подал то, что у него спросили. Действительно, в сетке одно из средних колец было новое.

От Янсели мы узнали, что находимся на реке Дагды, текущей к Нахтоху. Не без труда удалось нам уговорить его быть нашим проводником. Главной приманкой для него послужили не деньги, а бердановские патроны, которые я обещал дать ему на берегу моря.

По дороге я стал расспрашивать его о тех местах, которые мы проходили.

Река Нахтоху (по-удэгейски Накту или Нактана), названная топографами рекой Лебедева, такой же величины, как и река Холонку, и также имеет истоки в горах Сихотэ-Алиня, который называется здесь Кунка-Киамани. В верхней половине своего течения она состоит из двух рек: Нунгини и Дагды. Обе они сливаются на половине пути между морем и Сихотэ-Алинем. С правой стороны в Нахтоху впадают две реки: Амукты и Хагдыги.

Между Дагды и Нунгини высятся скалистые сопки, из которых особенно выделяются вершины Ада и Тыонгони. Река Дагды принимает в себя справа еще две реки: Малу-Сагды, Малу-Наиса – и два ключа: Эйфу и Адани, текущие с горы того же имени, а слева – несколько маленьких речек: Джеиджа, Ада 1-я, Ада 2-я и Тыонгони. От устья Дагды в три дня можно дойти до Сихотэ-Алиня.

Вся местность с правой стороны реки Дагды до реки Локтоляги обезлесена пожарами. В горах с левой стороны растут исключительно хвойные леса; внизу, по долине, участки гари чередуются с участками смешанного леса, тоже со значительной примесью хвои.

В начале ноября было особенно холодно. На реке появились забереги, и это значительно облегчило наше путешествие. Все притоки замерзли. Мы пользовались ими для сокращения пути и к вечеру дошли до того места, где Дагды сливается с Нунгини. Отсюда, собственно, и начинается река Нахтоху.

Последние два дня дул сильный северо-западный ветер. Он ломал сучья деревьев и носил их по воздуху, как пылинки. К вечеру 6 ноября ветер вдруг сразу стих. Мы так привыкли к его шуму, что неожиданно наступившая тишина показалась нам даже подозрительной.

В одной из ям в реке Янсели нашел мальму, заменяющую в Уссурийском крае форель. Рыба эта составила нам превосходный ужин, после которого мы, напившись чаю, рано лег-

ли спать, предоставив охрану бивака собакам.

Во вторую половину ночи все небо покрылось тучами. От Дерсу я научился распознавать погоду и приблизительно мог сказать, что предвещают тучи в это время года: тонкие слоистые облака во время штиля, если они лежат полосами на небе, указывают на ветер, и чем дольше стоит такая тишь, тем сильнее будет ветер.

Утром мы поплотнее закусили, чтобы не останавливаться днем, и часов в девять выступили в поход.

После слияния рек Нунгини и Дагды Нахтоху становится извилистой, но, имея опытного провожатого, мы пересекли «кривуны» напрямик, где можно было, и довольно быстро продвигались вперед.

На этом участке в Нахтоху впадают следующие реки: с левой стороны – Бия и Локтоляги с перевалами на одну из прибрежных рек – Эхе. Из выдающихся горных вершин тут можно подниматься только до реки Малу-Сагды. На подъем против воды нужно четверо суток, а на сплав по течению – один день. Янсели сказал, что по реке Нахтоху идет кета, морская мальма и горбуша. Главная масса кеты направляется по реке Локтоляги, мальма поднимается до порогов реки Дагды, а горбуша – до реки Нунгини.

После полудня Янсели вывел нас на тропинку, которая шла вдоль реки, по соболиным ловушкам.

Я спросил нашего провожатого, кто здесь ловит соболей. Он ответил, что место это издавна принадлежит удэгейцу

Монгули и, вероятно, мы вскоре встретим его самого. Действительно, не прошли мы и двух километров, как увидели какого-то человека; он стоял около одной из ловушек и что-то внимательно в ней рассматривал. Увидев людей, идущих со стороны Сихотэ-Алиня, он сначала было испугался и хотел бежать, но, когда увидел Янсели, сразу успокоился. Как всегда бывает в таких случаях, все разом остановились. Стрелки стали закуривать, а Дерсу и удэгейцы принялись о чем-то горячо говорить между собой.

– Что случилось? – спросил я Дерсу.

– Манза соболя украл, – отвечал он.

По словам Монгули, китаец, проходивший по тропе два дня назад, вынул из ловушки соболя и наладил ее снова. Я высказал предположение, что, может быть, ловушка пустовала. Тогда Монгули указал на кровь – ясное доказательство, что ловушка действовала.

– Может быть, в ловушку попал не соболя, а белка? – спросил я опять.

– Нет, – отвечал Монгули. – Когда бревном придавило соболя, он грыз приколышки, оставив на них следы зубов.

Тогда я спросил его, почему он думает, что вор был именно китаец. Удэгеец ответил, что человек, укравший соболя, был одет в китайскую обувь и в левом каблуке у него не хватает одного гвоздя³⁶.

---

³⁶ Китайская обувь (улы) имеет на пятках по два гвоздя с большими плоскими шляпками.

Доводы эти были вполне убедительны.

Отдохнув немного, мы отправились дальше и часов в пять дошли до устья реки Ходэ.

Вечером, у огня, я имел возможность хорошо рассмотреть своих новых знакомых. Нахтохуские удэгейцы невысокого роста, сухощавы, имеют овальное лицо с выдающимися скулами, вогнутый нос, карие, широко расставленные глаза с небольшой монгольской складкой век, довольно большой рот, неровные зубы и маленькие руки и ноги.

– Точно детские! – говорили мои спутники, рассматривая их обувь, сшитую из выделанной лосиной кожи, в виде олоч, с загнутыми кверху носками.

Цвет кожи удэгейцев можно было назвать оливковым, со слабым оттенком желтизны. Летом они так сильно загорают, что становятся похожими на краснокожих. Впечатление это еще более усугубляется пестротой их костюмов. Длинные, прямые, черные как смоль волосы, заплетенные в две короткие косы, были сложены вдвое и туго перетянуты красными шнурами. Косы носятся на груди, около плеч. Чтобы они не мешали, когда человек нагибается, сзади, ниже затылка, они соединены перемычкой, украшенной бисером и ракушками.

Одежда нахтохуских удэгейцев состоит главным образом из трех кафтанов: двух нижних, матерчатых, и одного верхнего, сшитого из тонкой изюбровой кожи, выделанной под замшу. Рубашки застегиваются у правого плеча и сбоку, как поддевки, и надеваются с напуском вокруг талии. Рукава

около кистей стягиваются особыми нарукавниками. Затем принадлежностями костюма являются короткие штаны и наколенники, привязываемые ремешками к поясу. Головной убор состоит из белого капюшона, спускающегося на спину и плечи, и маленькой шапочки, на которой в стоячем положении прикреплен беличий хвост и несколько красных шнурков с кисточками.

Весь костюм, от головы до ступней ног, спереди и сзади, обшит цветными полосами и обильно украшен красным орнаментом, изображающим спиральные круги, стилизованных рыб, птиц и животных.

Удэгейцы – большие любители металлических украшений, в особенности браслетов и колец. Некоторые старики еще носят в ушах серьги; ныне обычай этот выходит из употребления. Каждый мужчина и даже мальчики носят у пояса два ножа: один – обыкновенный охотничий, а другой – маленький кривой, которым владеют очень искусно и который заменяет им шило, струг, буравчик, долото и все прочие инструменты.

Проговорили мы почти до полуночи. Пора было идти на покой. Удэгейцы взялись караулить бивак, а я пристроился около Дерсу, лег спиной к огню и скоро уснул.

На другой день с бивака мы снялись рано и пошли по тропе, проложенной у самого берега реки. На этом пути Нахтоху принимает в себя с правой стороны два притока: Хулеми и Гоббияги, а с левой – одну только маленькую речку Ходэ.

Нижняя часть долины Нахтоху густо поросла даурской березой и монгольским дубом. Начиная от Локтоляги, она постепенно склоняется к югу и только около Хулеми опять поворачивает на восток.

От Ходэ долина сразу начинает расширяться. По сторонам, в горах, произрастают хвойные леса, а внизу, в долине, – смешанные, с преобладанием тополя и каменной березы. Кроме этих пород, мы встречаем здесь мелколистный клен с серой корой и густой кроной, ильм, красивое, стройное дерево со светло-серой корой, и тис – оригинальное хвойное дерево с красными ягодами. Затем идут такие породы, которые не знаешь куда и причислить: к кустарникам или деревьям, например бересклет широколистный, дающий длиннокрылые плоды, и кустарниковая ольха с блестящей темной корой. Особенно часто на Нахтоху встречаются таволга бузино-лиственная и жимолость, дающая черные, с сизым налетом кислые ягоды.

Последние дни были холодные и ветреные. Анемометр показывал 225. Забереги на реке во многих местах соединились и образовали природные мосты. По ним можно было свободно переходить с одной стороны реки на другую.

Километрах в 10 от реки Гоббияги кончается лес и начинаются открытые места. На последней поляне мы нашли 3 удэгейские фанзы. Здешние удэгейцы обзавелись китайскими постройками весьма недавно. Несколько лет назад они жили еще в юртах. Около каждого домика были небольшие

огороды, возделываемые наемным трудом китайцев. Последние являются среди удэгейцев половинщиками в пушных промыслах. Из расспросов выяснилось, что река Нахтоху – северная граница, до которой с юга китайцы распространили свое влияние. Здесь было их только пять человек: четыре постоянных обитателя и один пришлый, с реки Кусуна.

Провожавшие нас удэгейцы бросились к нему и стали осматривать его обувь: в ней не хватало одного гвоздя. Они развязали его котомку, вынули из нее соболя и сообщили все подробности, при которых он совершил кражу. Китаец, полагая, что за ним подсматривали из кустов, сознался.

Удэгейцы удалились, довольные тем, что нашли свою добычу. Но не так отнеслись к этому остальные китайцы. Они пошептались между собой и затем объявили провинившемуся, что он опозорил их всех и потому должен оставить реку Нахтоху навсегда и уйти в другое место. Виновный, стоя с непокрытой головой, выслушал свой приговор и обещал на другой же день уйти из долины, чтобы никогда в нее более не возвращаться. От туземного поселка до моря не более 8 км. Недалеко от последней фанзы тропа разделилась надвое. Аринин пошел влево, а мы – прямо к берегу реки. Скоро он возвратился назад и сообщил, что среди тальников в маленькой лодочке лежит «морской бог». Я велел ему принести бурхана к себе, но затем раздумал и пошел туда сам. «Морской бог» в лодке оказался мертвым младенцем в гробу. Трупик засох и превратился в мумию. Рядом с ним

оказалось целое кладбище. Одни гробы стояли на коротких сваях под крышей, другие были засунуты между стволами тальников. Расколотые лодки, поломанные нарты, разорванные рыболовные сети, весла и остроги были брошены тут же, около могил.

Я хотел было вскрыть один из гробов, но в это время в стороне услышал голоса и пошел к ним навстречу. Через минуту из кустов вышли два удэгейца, только что прибывшие с реки Един.

Они сообщили нам крайне неприятную новость: 4 ноября наша лодка вышла с реки Холонку, и с той поры о ней ни слуху ни духу. Я вспомнил, что в этот день дул особенно сильный ветер. Пугуй (так звали одного из наших новых знакомых) видел, как какая-то лодка в море боролась с ветром, который относил ее от берега все дальше и дальше; но он не знает, была ли то лодка Хей-ба-тоу.

Это было для нас непоправимым несчастьем. В лодке находилось все наше имущество: теплая одежда, обувь и запасы продовольствия. При себе мы имели только то, что могли нести: легкую осеннюю одежду, по одной паре унтов, одеяла, полотнища палаток, ружья, патроны и весьма ограниченный запас продовольствия. Я знал, что к северу, на реке Един, еще живут удэгейцы, но до них было так далеко и они были так бедны, что рассчитывать на приют у них всего отряда нечего было и думать.

Что делать?

С такими мыслями мы незаметно подошли к хвойному мелкорослому лесу, который отделяет поляны Нахтоху от моря.

Обыкновенно к лодке мы всегда подходили весело, как будто к дому, но теперь Нахтоху была нам так же чужда, так же пустынна, как и всякая другая речка. Было жалко и Хейба-тоу, этого славного моряка, быть может теперь уже погибшего. Мы шли молча; у всех была одна и та же мысль: что делать? Стрелки понимали серьезность положения, из которого теперь я должен был их вывести. Наконец появился про-свет; лес сразу кончился, показалось море.

Глава 18

Роковой выстрел Дерсу

Приготовление к зимовке. – Река Един. – Поиски лодки. – Росомаха. – Побережье моря между реками Кумуху и Нахтоху. – Река Пия. – Роковой выстрел. – Испуг Дерсу. – Договор. – Обратный путь.

Раньше около реки Нахтоху была лагуна, отделенная от моря косой. Теперь на ее месте большое моховое болото, поросшее багульником с ветвями, одетыми густым железистым войлоком ярко-ржавого цвета; голубикой с сизыми листочками; шикшей с густо облиственными ветвями, причем листья очень мелки и свернуты в трубочки. Среди этих кустарников еще можно было усмотреть отцветшие и увядшие: сибельник с ползучим корневищем; морошку с колючими полужающими стеблями и желтыми плодами; болотную чину, по внешнему виду похожую на полевой горошек и имеющую крылатый стебель и плоские бобы; затем ирис-касатик с грубыми сухими и серыми листьями и, наконец, обычную в болотах пушицу – высокое и красивое белое растение.

Мысы, окаймляющие маленькую бухточку, в которую впадает Нахтоху, слагаются из пестрых вулканических туфов и называются по-удэгейски северный – Чжаали-дуони и юж-

ный – Маас-дуони. Здесь, у подножия береговых обрывов, мы устроили свой бивак.

Вечером мы с Дерсу сидели у огня и совещались. Со времени исчезновения лодки прошло четверо суток. Если она была где-нибудь поблизости, то давно возвратилась бы назад. Я говорил, что надо идти на реку Амагу и зимовать у староверов, но Дерсу не соглашался со мной. Он советовал остаться на Нахтоху, заняться охотой, добыть кож и сшить новую обувь. У туземцев, по его мнению, можно было получить сухую юколу и чумизу. Но тут возникли другие затруднения: морозы с каждым днем становились сильнее; недели через две в легкой осенней одежде идти будет уже невозможно. Все-таки проект Дерсу был наиболее разумным, и мы на нем остановились.

После ужина стрелки легли спать, а мы с Дерсу долго сидели у огня и обсуждали наше положение.

Я полагал было пойти в фанзы к удэгейцам, но Дерсу советовал остаться на берегу моря. Во-первых, потому, что здесь легче было найти пропитание, а во-вторых, он не терял надежды на возвращение Хей-ба-тоу. Если последний жив, он непременно возвратится назад, будет искать нас на берегу моря, и если не найдет, то может пройти мимо. Тогда мы опять останемся ни с чем. С его доводами нельзя было не согласиться.

Мысли одна другой мрачнее лезли мне в голову и не давали покоя.

Порывистый и холодный ветер шумел сухой травой и неистово трепал растущее вблизи одинокое молодое деревце. Откуда-то из темноты, с той стороны, где были прибрежные утесы, неслись странные звуки, похожие на вой.

Беспокойство мучило меня всю ночь.

Возвращаться назад, не доведя дело до конца, было до слез обидно. С другой стороны, идти в зимний поход, не снарядившись как следует, – безрассудно. Будь я один с Дерсу, я не задумался бы и пошел вперед, но со мной были люди, моральная ответственность за которых лежала на мне. Под утро я немного уснул.

На другой день ветер был особенно силен: анемометр давал показания 242 при температуре воздуха -6°C и при барометрическом давлении в 766 мм.

Стрелки, узнав о том, что мы остаемся здесь надолго и даже, быть может, зазимуем, принялись таскать плавник, выброшенный волнением на берег, и устраивать землянку. Это была остроумная мысль. Печи они сложили из плитнякового камня, а трубу устроили по-корейски – из дуплистого дерева. Входы завесили полотнищами палаток, а на крышу наложили мох с дерном. Внутри землянки настлали ельницу и сухой травы. В общем, помещение получилось довольно удобное.

10 ноября к нам на бивак приходили удэгейцы с мыса Со-сунова. Один из них взял палочку и ловко начертил на песке план. Когда я развернул перед ним сорокаверстную карту, он быстро сориентировался и сам стал указывать на ней реки,

горы и мысы, правильно их называя. Я поразился, до какой степени быстро он освоился с масштабом и сразу понял, что такое проекция. Помню, как меня учили читать топографические карты и как долго не мог я к этому привыкнуть, а тут простой дикарь, отроду никогда не видевший их, разбирается так свободно, как будто он всю жизнь только этим и занимался. Я объясняю это тем, что люди, которым приходится бродить по горам, привыкают сверху видеть поверхность земли и проекции. Вместе с тем у них развивается и чутье масштаба.

На следующий день мы с Дерсу вдвоем решили идти к югу по берегу моря и посмотреть, нет ли там каких-нибудь следов пребывания Хей-ба-тоу, и, кстати, поохотиться.

Захаров и Аринин пошли на север, имея то же задание, а Сабитов и Туртыгин – вверх по реке, к устью реки Ходэ.

Выступили мы с реки Нахтоху рано и пошли по намывной полосе прибоа.

С утра погода стояла хмурая; небо было: туман или тучи. Один раз сквозь них прорвался было солнечный луч, скользнул по воде, словно прожектором, осветил сопку на берегу и скрылся опять в облаках. Вслед за тем пошел мелкий снег. Опасаясь пурги, я хотел было остаться дома, но просвет на западе и движение туч к юго-востоку служили гарантией, что погода разгуляется. Дерсу тоже так думал, и мы бодро пошли вперед. Часа через 2 снег перестал идти, мгла рассеялась, и день выдался на славу – теплый и тихий.

Вода в горных ручьях была еще в движении, но по замирающему шуму было уже заметно, что скоро и она должна будет покрыться ледяной корой и совсем замолкнуть. Там, где из расщелин в камнях сочилась вода и где раньше ее не было видно, теперь образовались большие ледяные натеки, они постоянно увеличивались в размерах и казались замерзшими водопадами.

Мы шли берегом моря и разговаривали о том, как могло случиться, что Хей-ба-тоу пропал без вести. Этот вопрос мы поднимали уже сотый раз и всегда приходили к одному и тому же выводу: надо шить обувь и возвращаться к староверам на Амагу.

Впереди, шагах в полтораста от нас, бежала моя собака Альпа. Вдруг я заметил два живых существа: одно была Альпа, а другое – животное, тоже похожее на собаку, но темной окраски, мохнатое и коротконогое. Оно бежало около береговых обрывов неловкими и тяжелыми прыжками и, казалось, хотело обогнать собаку. Поравнявшись с Альпой, мохнатое животное стало в оборонительное положение. Я узнал росомаху, самого крупного представителя семейства хорьковых. Максимальные размеры этого стопоходящего, косматого и неуклюжего животного достигают 1 м длины и 45 см высоты. Общая окраска темно-бурая, спина черного цвета, от каждого плеча к заду по бокам тянется по широкой светло-серой полосе. Шерсть на нижней части тела и на верхней половине ног значительно длиннее, чем на остальном теле.

Шея у росомахи короткая, голова большая, удлинённая, ноги вооружены крепкими, сильными когтями.

Росомаха обитает в горных лесах, где есть козули и в особенности кабарга. Целыми часами она сидит неподвижно на дереве или на камне кабарожьей тропы, выжидая добычу. Она отлично изучила нрав своей жертвы, знает излюбленные пути ее и повадки; например, она хорошо знает, что по глубокому снегу кабарга бежит все по одному и тому же кругу, чтобы не протаптывать новой дороги. Поэтому, спугнув кабаргу, она гонится за нею до тех пор, пока последняя не замкнет полный круг. Тогда росомаха влезет на дерево и ждет, когда кабарга вновь пойдет мимо. Если это не удастся, она берет кабаргу измором, для чего преследует ее до тех пор, пока та от усталости не упадет; при этом, если на пути она увидит другую кабаргу, то не бросается за нею, а будет продолжать преследование первой, хотя бы эта последняя и не находилась у нее в поле зрения. Росомаха – вредное животное: забравшись в амбары, она начинает с остервенением рвать все, что ей попадется на глаза. Сухое мясо, юколу и прочее продовольствие она непременно огадит и тогда уйдет. Раньше туземцы ценили мех росомахи выше соболиного и только с появлением китайцев и русских поняли свою ошибку. Лет 20 назад мех росомахи ценился не более трех рублей. Специально за ней и не охотятся, бьют только, если она случайно попадет под выстрел.

Росомаха распространена по всему Уссурийскому краю,

примерно к югу до 44° широты. Ее нет в Посьетском, Барабашском, Суйфунском районах и около Никольска-Уссурийского. В горах Сихотэ-Алиня она встречается довольно часто.

Альпа остановилась и с любопытством стала рассматривать свою случайную спутницу. Я хотел было стрелять, но Дерсу остановил меня и сказал, что надо беречь патроны. Замечание его было вполне резонным. Тогда я отозвал Альпу. Росомаха бросилась бежать и скрылась в одном из оврагов.

Прибрежная линия между реками Холонку и Нахтоху представляет собой несколько изогнутую линию, отмеченную мысами Плитняка, Бакланьим и Сосунова (по-удэгейски Хуо-лодуони, Леникто-дуони и Хорло-дуони). Мысы эти заметно выдаются в море. За ними берег опять выгибается к северо-западу и вновь выдается около мыса Олимпиады.

По побережью моря, в направлении от Нахтоху к Унтугу, горные породы располагаются в таком порядке: сначала идет кремнистый сланец, затем андезит и местами стекловатый базальт. Еще южнее тянутся какие-то глубинные зеленокаменные породы, а выше их – базальтовый андезит и еще дальше – порфирит. Кроющие пласты состоят из цветных чередующихся слоев туфа. Здесь особенно интересен утес Хадиз с плитняковой вертикальной и дуговой отдельностью.

Около реки Пия есть два утеса Садзасу-мамасани, имеющие человекоподобные формы. Удэгейцы говорят, что раньше это были люди, но всеильный Тему (хозяин рыб и мор-

ских животных) превратил их в скалы и заставил караулить береговые сопки.

Здесь, на берегу, валялось много сухого плавника. Выбрав место для бивака, мы сложили свои вещи и разошлись в разные стороны на охоту.

Чрезвычайно извилистое русло реки Пия блуждает по долине, и, если смотреть на реку с высоты птичьего полета, получается впечатление кружев. В нижней части долины почва исключительно наносная: ил и полосы свежего песка, придавившего траву и кусты, свидетельствуют о том, что в конце лета места эти заливались водой два раза. Близ моря растет кустарниковая ольха и высокоствольный тальник, выше по долине – лиственница, белая береза, осина и тополь, а еще дальше – клен, осокорь, ясень и кое-где ель и кедр. Склоны гор, окаймляющие долины, поросли с солнечной стороны низкорослым дубняком, а с северной – старым замшистым хвойным лесом.

Охотиться нам долго не пришлось. Когда мы снова сошлись, день был на исходе. Солнце уже заглядывало за горы, лучи его пробрались в самую глубь леса и золотистым сиянием осветили стволы тополей, остроконечные вершины елей и мохнатые шапки кедровников. Где-то в стороне от нас раздался пронзительный крик.

– Кабарга! – шепнул Дерсу на мой вопросительный взгляд. Минуты через две я увидел животное, похожее на козулю, только значительно меньше ростом и темнее окраской.

Изю рта ее книзу торчали два тонких клыка. Отбежав шагов 100, кабарга остановилась, повернула в нашу сторону свою грациозную головку и замерла в выжидательной позе.

– Где она? – спросил меня Дерсу.

Я указал ему рукой.

– Где? – опять переспросил он.

Я стал направлять его взгляд рукой по линии выдающихся и заметных предметов, но, как я ни старался, он ничего не видел. Дерсу тихонько поднял ружье, еще раз внимательно всмотрелся в то место, где было животное, выпалил и – промахнулся. Звук выстрела широко прокатился по всему лесу и замер в отдалении. Испуганная кабарга шарахнулась в сторону и скрылась в чаще.

– Попал? – спросил меня Дерсу, и по его глазам я увидел, что он не заметил результатов своего выстрела.

– На этот раз ты промазал, – отвечал я ему. – Кабарга убежала.

– Неужели моя попади нету? – спросил он испуганно.

Мы пошли к тому месту, где стояла кабарга. На земле не было крови. Сомнений не было: Дерсу промахнулся. Я начал подшучивать над своим приятелем, а Дерсу сел на землю, положил ружье на колени и задумался. Вдруг он быстро вскочил на ноги и сделал на дереве ножом большую затеску, затем схватил ружье и отбежал назад шагов на полтораста. Я думал, что он хочет оправдаться передо мною и доказать, что его промах по кабарге был случайным. Однако с этого рас-

стояния пятно на дереве было видно плохо, и он должен был подойти ближе. Наконец он выбрал место, поставил сошки и стал целиться. Целился Дерсу долго, два раза отнимал голову от приклада и, казалось, не решался спустить курок. Наконец он выстрелил и побежал к дереву. Из того, как у него сразу опустились руки, я понял, что в пятнышко он не попал. Когда я подошел к нему, то увидел, что шапка его валялась на земле, ружье тоже; растерянный взгляд его широко раскрытых глаз был направлен куда-то в пространство. Я дотронулся до его плеча, Дерсу вздрогнул и быстро-быстро заговорил.

– Раньше никакой люди первый зверя найти не могу. Постоянно моя первый его посмотри. Моя стреляй – всегда в его рубашке дырку делай. Моя пуля никогда ходи нету. Теперь моя 58 лет. Глаз худой стал, посмотри не могу. Кабарга стреляй – не попал, дерево стреляй – тоже не попал. К китайцам ходи не хочу – их работу моя понимаю нету. Как теперь моя дальше живи?

Тут только я понял неуместность моих шуток. Для него, добывающего себе средства к жизни охотой, ослабление зрения было равносильно гибели. Трагизм увеличивался еще и тем обстоятельством, что Дерсу был совершенно одинок. Куда идти? Что делать? Где склонить на старости лет свою седую голову?

Мне стало нестерпимо жаль старика.

– Ничего, – сказал я ему, – не бойся. Ты мне много по-

могал, много раз выручал меня из беды. Я у тебя в долгу. Ты всегда найдешь у меня крышу и кусок хлеба. Будем жить вместе.

Дерсу засуетился и стал собирать свои вещи. Он поднял ружье и посмотрел на него как на вещь, которая теперь была ему более совсем не нужна.

В это время солнце только что скрылось за горизонтом. От гор к востоку потянулись длинные тени. Еще не успевшая замерзнуть вода в реке блестела как зеркало; в ней отражались кусты и прибрежные деревья. Казалось, что там, внизу, под водой, был такой же мир, как и здесь, и такое же светлое небо...

Около речки мы разделились: Дерсу воротился на бивак, а я решил еще поохотиться. Долго я бродил по лесу и ничего не видел. Наконец я устал и повернул назад.

На западе медленно угасала заря. Посиневший воздух приобрел сонную неподвижность; долина приняла угрюмый вид и казалась глубокой трещиной в горах.

Вдруг в кустах что-то зашевелилось. Я замер на месте и приготовил ружье. Снова легкий треск, и из ольшаников тихонько на поляну вышла козуля. Она стала щипать траву и, видимо, совсем меня не замечала. Я быстро прицелился и выстрелил. Несчастное животное рванулось вперед и сунулось мордой в землю. Через минуту жизнь оставила его. Я взял свой ремень, связал козуле ноги и взвалил ее на плечи. Что-то теплое потекло мне за шею – это была кровь. Тогда я

опустил свой охотничий трофей на землю и принялся кричать. Скоро я услышал ответные крики Дерсу. Он пришел без ружья, и мы вместе с ним потащили козулю на палке.

Когда мы подходили к биваку, был уже полный вечер. Взошла луна и своими фосфорическими лучами осветила море, прибрежные камни, лес и воду в реке. Кругом было тихо, только легкий ночной ветер слабо шелестел травой. Шум этот был так однообразен, что привыкшее к нему ухо совершенно его не замечало. На нашем биваке горел огонь; свет от него ложился по земле красными бликами и перемешивался с черными тенями и бледными лучами месяца, украдкой пробивавшимися сквозь ветви кустарников. Вдали виднелся высокий Бакланий мыс, окутанный морскими испарениями.

После охоты я чувствовал усталость. За ужином я рассказывал Дерсу о России, советовал ему бросить жизнь в тайге, полную опасности и лишений, и поселиться вместе со мной в городе, но он по-прежнему молчал и о чем-то крепко думал.

Наконец я почувствовал, что веки мои слипаются. Я вернулся в одеяло и погрузился в сон.

Ночью я проснулся. Луна стояла высоко на небе; те звезды, которые были ближе к горизонту, блистали как бриллианты. Было за полночь. Казалось, что вся природа погрузилась в дремотное состояние. Ничего нет прекраснее беспредельного широкого моря, залитого лунным светом, и глубокого неба, полного тихих сияющих звезд. Темная вода, громады утесов на берегу и молчаливый лес в горах так гармо-

нировали друг с другом и создавали картину, полную величественной красоты. Около огня сидел Дерсу. С первого же взгляда я понял, что он еще не ложился спать. Он обрадовался, что я проснулся, и стал греть чай. Я заметил, что старик волнуется, усиленно ухаживает за мной и всячески старается, чтобы я опять не заснул. Я уступил ему и сказал, что спать мне более не хочется. Дерсу подбросил дров в костер и, когда огонь разгорелся, встал со своего места и начал говорить торжественным тоном:

– Капитан! Теперь моя буду говори. Тебе надо слушай.

Он начал с того, как он жил раньше, как стал одинок и как добывал себе пропитание охотой. Ружье всегда его выручало. Он продавал панты и взамен их приобретал у китайцев патроны, табак и материал для одежды. Он никогда не думал о том, что глаза могут ему изменить и купить их нельзя будет уже ни за какие деньги. Вот уже с полгода, как он стал ощущать ослабление зрения, думал, что это пройдет, но сегодня убедился, что охоте его пришел конец. Это его напугало. Потом он вспомнил мои слова, что у меня он всегда найдет приют и кусок хлеба.

– Спасибо, капитан, – сказал он. – Шибко спасибо!

И вдруг он опустился на колени и поклонился в землю. Я бросился поднимать его и стал говорить, что, наоборот, я обязан ему жизнью и если он будет жить со мною, то этим только доставит мне удовольствие. Чтобы отвлечь его от грустных мыслей, я предложил ему заняться чаепитием.

– Погоди, капитан, – сказал Дерсу. – Моя еще говорить кончай нету.

После этого он продолжал рассказывать про свою жизнь. Он говорил о том, что, будучи еще молодым, от одного старика китайца научился искать женьшень и изучил его приметы. Он никогда не продавал корней, а в живом виде переносил их в верховья реки Лефу и там сажал в землю. Последний раз на плантации женьшеня он был лет 15 назад. Корни все росли хорошо; всего там было 22 растения. Не знает он теперь, сохранились они или нет, вероятно, сохранились, потому что посажены были в глухом месте и поблизости следов человеческих не замечалось.

– Это все тебе! – закончил он свою длинную речь.

Меня это поразило; я стал уговаривать продать корни китайцам, а деньги взять себе, но Дерсу настаивал на своем.

– Моя не надо, – говорил он. – Мне маленько осталось жить. Скоро помирай. Моя шибко хочу панцуй³⁷ тебе подарить.

В глазах его было такое просительное выражение, что я не мог противиться. Отказ мой обидел бы его. Я согласился, но взял с него слово, что по окончании экспедиции он поедет со мною в Хабаровск. Дерсу согласился тоже.

Мы порешили весной отправиться на реку Лефу за дорогами корнями.

Посеребренная луна склонилась к западу. С восточной

---

³⁷ Женьшень.

стороны на небе появились новые созвездия. Находящаяся в воздухе влага опустилась на землю и тонким серебристым инеем покрыла все предметы. Это были верные признаки приближения рассвета.

Дерсу еще раз подбросил дров в огонь. Яркое, трепещущее пламя взвилось кверху и красноватым заревом осветило кусты и прибрежные утесы – эти безмолвные свидетели нашего договора и обязательств по отношению друг к другу.

Но вот на востоке появилась розовая полоска – занималась заря. Звезды быстро начали меркнуть; волшебная картина ночи пропала, и в потемневшем серо-синем воздухе разлился неясный свет утра. Красные угли костра потускнели и покрылись золой; головешки дымились, казалось, огонь уходил внутрь их.

– Давай-ка соснем немного, – предложил я своему спутнику.

Он встал и поправил палатку, затем мы оба легли и, прикрывшись одним одеялом, уснули как убитые.

Когда мы проснулись, солнце стояло уже высоко. Утро было морозное, ясное. Вода в озерах покрылась блестящим тонким слоем льда, и только полыньи казались темными пятнами.

На скорую руку мы закусили холодным мясом, напились чаю и, собрав котомки, пошли назад, к реке Нах-тоху.

Там мы застали всех в сборе. Аринин убил сивуча, а Захаров – нерпу.

Таким образом, у нас получился значительный запас кожи и вдоволь мяса.

С 12 по 16 ноября мы простояли на месте. За это время стрелки ходили за брусникой и собирали кедровые орехи. Дерсу выменял у удэгейцев обе сырые кожи на одну сохатиную выделанную. Туземных женщин он заставил накроить унты, а шили их мы сами, каждый по своей ноге.

17-го утром мы распрощались с рекой Нахтоху и тронулись в обратный путь, к староверам. Уходя, я еще раз посмотрел на море с надеждой, не покажется ли где-нибудь лодка Хей-ба-тоу. Но море было пустынно. Ветер дул с материка, и потому у берега было тихо, но вдали ходили большие волны. Я махнул рукой и подал сигнал к выступлению. Тоскливо было возвращаться назад, но больше ничего не оставалось делать. Обратный путь наш прошел без всяких приключений.

Глава 19

Возвращение Хей-ба-тоу

Сильный ветер. – Приключения Хей-ба-тоу. – Снаряжение в зимний путь. – Устройство нарт. – Рыбная ловля. – Привычка удэгейцев к холоду. – Саджи. – Зимний поход. – Накануне выступления. – Нартовый обоз. – Река Кусун с притоками. – Тигровая скала. – Горные породы. – Выгоревшие леса. – Зимняя палатка. – Лесные птицы. – Удэгейец Сунцай.

В геологическом отношении эта часть побережья малоинтересна. Между Унтугу и рекой Кузнецова горные породы располагаются в следующем порядке: около ручья Унтугу-Сагды с правой стороны виднеются выходы конгломератов из мелкой окатанной гальки, имеющие протяжение от северо-востока к юго-западу – 51° с углом падения в 18° ; далее, у мыса Хорло-дуони, – красные метаморфизованные лавы; еще южнее, около реки Кань-чжоу, – цветные чередующиеся слои базальтового туфа мощностью около 120–130 м и еще дальше – какая-то изверженная зеленокаменная порода со шлирами. Около ключика Куа – высокие береговые террасы с массивным основанием из какой-то темной горной породы с неправильной трещиноватостью и, наконец, близ утеса

Ха-диэ – та же неизвестная порода, но с плитняковой вертикальной отдельностью. 22 ноября мы достигли реки Тахобе, а 23-го утром пришли на Кусун.

Еще со вчерашнего дня погода начала хмуриться. Барометр стоял на 756 при -10° . Небо было покрыто тучами. Около 10 часов утра пошел небольшой снег, продолжавшийся до полудня.

После короткого отдыха у туземцев на Кусуне я хотел было идти дальше, но они посоветовали мне остаться у них еще на день. Удэгейцы говорили, что после долгого затишья и морочной погоды надо непременно ждать очень сильного ветра. Местные китайцы тоже были встревожены. Они часто посматривали на запад. Я спросил, в чем дело. Они указали на хребет Кямо, покрытый снегом.

Тут только я заметил, что гребень хребта, видимый дотоле отчетливо и ясно, теперь имел контуры неопределенные, расплывчатые: горы точно дымились. По их словам, ветер от хребта Кямо до моря доходит через два часа.

Китайцы привязывали крыши фанз к ближайшим пням и деревьям, а зароды с хлебом прикрывали сетями, сплетенными из травы. Действительно, часов около двух пополудни начал дуть ветер, сначала тихий и ровный, а затем все усиливающийся. Вместе с ветром шла какая-то мгла. Это были снег, пыль и сухая листва, поднятая с земли вихрем. К вечеру ветер достиг наивысшего напряжения. Я вышел с анемометром, чтобы смерить его силу, но порывом его сломало

колесо прибора, а самого меня едва не опрокинуло на землю. Мельком я видел, как по воздуху летели доска и кусок древесной коры, сорванные с какой-то крыши. Около фанзы стояла двухколесная китайская арба. Ветром ее перекаатило через весь двор и прижало к забору. Один стог с сеном был плохо увязан, и в несколько минут от него не осталось и следа.

К утру ветер начал стихать. Сильные порывы сменялись периодами затишья. Когда рассвело, я не узнал места: одна фанза была разрушена до основания, у другой выдавило стену; много деревьев, вывороченных с корнями, лежало на земле. С восходом солнца ветер упал до штиля; через полчаса он снова начал дуть, но уже с южной стороны.

Надо было идти дальше, но как-то не хотелось: спутники мои устали, а китайцы были так гостеприимны. Я решил продневать у них еще одни сутки – и хорошо сделал. Вечером в этот день с моря прибежал молодой удэгеец и сообщил радостную весть: Хей-ба-тоу с лодкой возвратился назад и все имущество наше цело. Мои спутники кричали «ура» и радостно пожимали друг другу руки. И действительно, было чему радоваться; я сам был готов пуститься в пляс.

На другой день, чуть свет, мы все были на берегу. Хей-ба-тоу радовался не меньше нас. Стрелки теснились к нему и засыпали вопросами. Оказалось, что сильный ветер подхватил его около реки Каньчжу и отнес к острову Сахалин. Хей-ба-тоу не растерялся и всячески старался держаться ближе к

берегу, зная, что иначе его отнесет в Японию. С острова Сахалин он перебрался в Советскую (бывшую Императорскую) Гавань и уже оттуда спустился на юг вдоль берега моря. На реке Нахтоху он узнал от удэгейцев, что мы пошли на Амагу, тогда и он отправился за нами вдогонку. Вчерашнюю бурю он пережил на реке Холонку и затем в один день дошел до Кусуна.

Тотчас у меня в голове созрел новый план: я решил подняться по реке Кусун до Сихотэ-Алиня и выйти на Бикин. Продовольствие, инструменты, теплая одежда, обувь, снаряжение и патроны – все это было теперь с нами.

Хей-ба-тоу тоже решил зазимовать на Кусуне. Плавание по морю стало затруднительным: у берегов появилось много плавающего льда, устья рек замерзли.

Не мешкая, стрелки стали разгружать лодку. Когда с нее были сняты мачты, руль и паруса, они вытащили ее на берег и поставили на деревянные катки, подперев с обеих сторон кольями.

На другой день мы принялись за устройство шести нарт. Три мы достали у удэгейцев, а три приходилось сделать самим. Захаров и Аринин умели плотничать. В помощь им были приставлены еще два удэгейца. На Дерсу было возложено общее руководство работами. Всякие замечания его были всегда кстати, стрелки привыкли, не спорили с ним и не приступали к работе до тех пор, пока не получали его одобрения.

На эту работу ушло 10 суток. Временами мои спутники ходили на охоту, иногда удачно, но часто возвращались ни с чем. С кусунскими удэгейцами мы подружились и всех наперечет знали в лицо и по именам.

25 ноября я, Дерсу и Аринин вместе с туземцами отправились на рыбную ловлю к устью Кусуна. Удэгейцы захватили с собой тростниковые факелы и тяжелые деревянные колотушки.

Между протоками, на одном из островов, заросших осинной, ольхой и тальниками, мы нашли какие-то странные постройки, крытые травой. Я сразу узнал работу японцев. Это были хищнические рыбалки, совершенно незаметные как суши, так и со стороны моря. Один из таких шалашей мы использовали для себя.

Вода в заводи хорошо замерзла. Лед был гладкий, как зеркало, чистый и прозрачный; сквозь него хорошо были видны мели, глубокие места, водоросли, камни и утонувший плавник. Удэгейцы сделали несколько прорубей и спустили в них двойную сеть. Когда стемнело, они зажгли тростниковые факелы и затем побежали по направлению к прорубям, время от времени с силой бросая на лед колотушки. Испуганная светом и шумом рыба, как шальная, бросалась вперед и путалась в сетях. Улов был удачный. За один раз они поймали одного морского тайменя, 3 морских мальм, 4 кунж и 11 красноперок. Потом удэгейцы снова опустили сети в проруби и погнали рыбу с другой стороны, потом перешли на озе-

ро, оттуда в протоку, на реку и опять в заводь.

В 10 часов вечера мы окончили ловлю. Часть туземцев пошла домой, остальные остались ночевать на рыбалке. Среди последних был удэгеец Логада, знакомый мне еще с прошлого года. Ночь была морозная и ветреная. Даже у огня холод давал себя чувствовать. Около полуночи я спохватился Логады и спросил, где он. Один из его товарищей ответил, что Логада спит снаружи. Я оделся и вышел из балагана. Было темно, холодным ветром, как ножом, резало лицо. Я походил немного по реке и возвратился назад, сказав, что нигде костра не видел. Удэгейцы ответили мне, что Логада спит без огня.

– Как без огня? – спросил я с изумлением.

– Так, – ответили они равнодушно.

Опасаясь, чтобы с Логадой чего-нибудь не случилось, я зажег свой маленький фонарик и снова пошел его искать. Два удэгейца вызвались меня провожать. Под берегом, в 50 шагах от балагана, мы нашли Логаду спящим на охапке сухой травы.

Одет он был в куртку и штаны из выделанной изюбровой кожи и сохатинные унты, на голове имел белый капюшон и маленькую шапочку с собольим хвостиком. Волосы на голове у него заиндевели, спина тоже покрылась белым налетом. Я стал усиленно трясти его за плечо. Он поднялся и стал руками снимать с ресниц иней. Из того, что он не дрожал и не подергивал плечами, было ясно, что он не озяб.

– Тебе не холодно? – спросил я его удивленно.

– Нет, – отвечал он и тотчас спросил: – Что случилось?

Удэгейцы сказали ему, что я беспокоился о нем и долго искал в темноте. Логада ответил, что в балагане людно и тесно и потому он решил спать снаружи. Затем он поплотнее завернулся в свою куртку, лег на траву и снова уснул. Я вернулся в балаган и рассказал Дерсу о случившемся.

– Ничего, капитан, – отвечал мне гольд. – Эти люди холода не боится. Его постоянно сопка живи, соболя гоняй. Где застанет ночь, там и спи. Его постоянно спину на месяце греет.

Когда рассвело, удэгейцы опять пошли ловить рыбу. Теперь они применяли другой способ. Над прорубью была поставлена небольшая кожаная палатка, со всех сторон закрытая от света. Солнечные лучи проникали под лед и освещали дно реки. Ясно, отчетливо были видны галька, ракушки, песок и водоросли. Спущенная в воду острога немного не доставала дна. Таких палаток было поставлено четыре, вплотную друг к другу. В каждой палатке сидело по одному человеку; все другие пошли в разные стороны и стали тихонько гнать рыбу. Когда она подходила близко к проруби, охотники кололи ее острогами. Охота эта была еще добычливее, чем предыдущая. За ночь и за день удэгейцы поймали 22 тайменя, 136 кунж, 240 морских форелей и очень много красноперки.

На возвратном пути от моря к фанзам моя собака выгнала каких-то 4 птиц. Они держались преимущественно на пес-

ке и по окраске так подходили к окружающей обстановке, что их совершенно нельзя было заметить даже на близком расстоянии; вторично я увидел птиц только тогда, когда они поднялись в воздух. Я стрелял и убил одну из них. Это оказалась саджа, вероятно случайно занесенная сюда ветром из Восточной Монголии. В Уссурийском крае птица эта появилась впервые. Когда я показал ее туземцам, они стали шумно высказывать свое удивление и говорили, что никогда такой птицы не видели. Они сейчас же окрестили ее по-своему: «мафа» (медведь). Такое название они дали потому, что ноги ее напоминали ступню медведя.

Вскоре я убедился, что виденные мною птицы не были единственными. По дороге мы встретили их еще несколько стаяк. Впоследствии я узнал, что в конце ноября того же года садж видели около залива Ольги и около реки Самарги. Птицы эти продержались с неделю, затем исчезли так же неожиданно, как и появились.

Пока делались нарты и лыжи, я экскурсировал по окрестностям, но большую часть времени проводил дома. Надо было все проверить, предусмотреть. Из личного опыта я знал, что нельзя игнорировать многовековой опыт туземцев. Впоследствии я имел много случаев благодарить удэгейцев за то, что слушался их советов и делал так, как они говорили.

2 декабря стрелки закончили все работы. Для окончательных сборов им дан был еще один день. На Бикин до первого китайского поселка с нами решил идти старик маньчжур Чи

Ши-у. 3-го числа после полудня мы занялись укладкой грузов на нарты. Наутро оставалось собрать только свои постели и выпить чаю.

Вечером удэгейцы камланили³⁸. Они просили духов дать нам хорошую дорогу и счастливую охоту в пути. В фанзу набралось много народу. Китайцы опять принесли ханшин и сласти. Вино подействовало на удэгейцев возбуждающим образом. Всю ночь они плясали около огня и под звуки бубнов пели песни.

Перед рассветом я ушел в самую дальнюю китайскую фанзу и там немного соснул.

Утро 4 декабря было морозное: – 19°С. Барометр стоял на высоте 756 мм. Легкий ветерок тянул с запада. Небо было безоблачное, глубокое и голубое. В горах белел снег.

Первое выступление в поход всегда бывает с опозданием. Обыкновенно задержка происходит у провожатых: то у них обувь не готова, то они еще не поели, то на дорогу нет табаку и т.д. Только к 11 часам утра после бесконечных понуканий нам удалось-таки наконец тронуться в путь. Китайцы вышли провожать нас с флагами, трещотками и ракетами.

За последние четыре дня река хорошо замерзла. Лед был ровный, гладкий и блестел как зеркало. Вследствие образования донного льда и во время ледостава вода в реке поднялась выше своего уровня и заполнила все протоки. Это позволило нам сокращать путь и идти напрямик, минуя извили-

---

³⁸ То есть шаманили.

ны реки и такие места, где лед стал торосом.

Наш обоз состоял из восьми нарт³⁹. В каждой нарте было по 30 кг полезного груза. Ездовых собак мы не имели, потому что у меня не было денег, да и едва ли на Кусуне нашлось бы их столько, сколько надо. Поэтому нарты нам пришлось тащить самим.

Удэгейский способ перевозки грузов зимой заключается в следующем. К передней части нарты привязывается веревка или ремень, которые оканчиваются ляжкой, надеваемой через плечо. Сбоку, к ближайшей стойке у полоза, прикрепляется длинная жердь, называемая правилом. Человек держит правило правой рукой, направляет нарту и поддерживает ее при крутых поворотах.

Погода нам благоприятствовала. Нарты бежали по льду легко. Люди шли весело, шутили и смеялись.

Между реками Че и Цзава, посреди реки Кусун, высится одинокая скала, которую туземцы называют Чжеле-Кадани. Старик Люрл рассказывал мне, что однажды он с другими охотниками долгое время стоял биваком около этой скалы. Один из удэгейцев заметил на вершине ее тигра. Он лежал на боку без движения. Удэгейцы простояли здесь несколько суток. За это время два раза шел снег. Он совершенно закрыл зверя. Вдруг, к удивлению их, на утро шестого дня зверь поднялся, встряхнулся и стал спускаться к реке. Тогда они поняли, что тигр был мертвым только на время (он может все-

---

³⁹ Две нарты принадлежали сопровождавшим нас туземцам.

гда делать это по своему желанию). Душа его (ханя) оставила тело и странствовала где-то далеко, потом вернулась назад, и тигр ожил снова. Удэгейцы испугались и убежали. С этой поры скала Чжеле-Кадани стала запретной. Другим таинственным местом в нижнем течении, с левой стороны Кусуна, будет скала, похожая на человеческое лицо. Удэгейцы называют ее Када-Дэлин, то есть Каменная Голова.

По наблюдениям туземцев, лососевые рыбы идут по Кусуну неодинаково: кета идет до реки Сололи, горбуша – до Бягаму и, как всегда, дальше всех забирается мальма. Особенно много ее бывает на реке Адыне.

Река Кусун длиной около 100 км. Начало она берет с Сихотэ-Алиня и течет по кривой к северо-востоку. По характеру Кусун такая же быстрая и порожистая река, как и Такема.

С реки Кусун видны ближайšie отроги Сихотэ-Алиня. В истоках Иони 1-й, Иони 2-й, Иони 3-й и Олосо находятся высокие горы Ионя-Кямони; их хорошо видно с моря. По словам удэгейцев, в котловине между тремя их вершинами есть озеро с пресной водой.

Породы, из которых слагаются ближайšie горы, в последовательном порядке от моря вверх по течению реки располагаются так: сначала базальты, потом андезиты и порфириты, затем какая-то темная лава с пустотами, выполненными ярко-зелеными конкрециями; далее следует мелкозернистый базальт и около реки Буй – авгитовый андезит. Выше реки Буй километров на 10 есть каменный уголь. Лет 30 на-

зад, во время пала, он загорелся и с той поры все время тлеет под землей. Другие выходы каменного угля на дневную поверхность находятся по ключику Необе, с левой стороны Кусуна, в 25 км от моря.

Еще недавно вся долина Кусуна была покрыта густыми смешанными лесами. Два больших пожара, следовавших один за другим, уничтожили их совершенно. Теперь Кусунская долина представляет собой сплошную гарь. Особенно сильно выгорели леса на реках Буй, Холосу, Фу, Бягаму, Соллоли и Цзава 3-я. Живой лес сохранился еще только по рекам Одо, Агдыне и Сидэкси (она же Сиденгей).

Из животных в долине Кусуна обитают: изюбр, дикая коза, кабарга, куница, хорек, соболь, росомаха, красный волк, лисица, бурый медведь, рысь и тигр. Последнего чаще видят на реках Сиденгей 2-й и Оддэгэ.

В этот день мы прошли мало и рано стали биваком. На первом биваке места в палатке мы заняли случайно, кто куда попал. Я, Дерсу и маньчжур Чи Ши-у разместились по одну сторону огня, а стрелки – по другую. Этот порядок соблюдался уже всю дорогу.

Зимой, в особенности во время сильных ветров, надо уметь ставить двускатную палатку. Остов ее складывается из тальниковых жердей, всегда растущих около реки в изобилии, и со всех сторон обтягивается полотнищами; вверху оставляется отверстие для выхода дыма. Для того чтобы в палатке была тяга, надо немного приподнять одно из полот-

ниц (обыкновенно это делается со стороны входа). Но зато внутрь палатки вместе с чистым воздухом входит и холод. В этом случае опять-таки нам помог находчивый Дерсу. Он принес дуплистое дерево и положил его на землю так, что один конец его пришелся около костра, а другой остался снаружи. Это дуплистое дерево было отличным поддувалом. Сразу установилась тяга, и воздух в палатке очистился. На постели стрелки нарезали ельника и сверху прикрыли его сухой травой. Ночью все спали очень хорошо.

На другой день (5 декабря) я проснулся раньше всех, оделся и вышел из палатки. Предраассветные сумерки оттесняли ночную тьму на запад. Занималась заря. Мороз звонко пощелкивал по лесу; термометр показывал -20°C . От полыней на реке поднимался пар. Деревья, растущие вблизи их, убралась инеем и стали похожи на белые кораллы. Около проруби играли две выдры. Они двигались как-то странно, извиваясь, как змеи, и издавали звуки, похожие на свист и хихиканье. Иногда одна из них поднималась на задние ноги и озиралась по сторонам. Я наблюдал за выдрами из кустов, но все же они учуяли меня и нырнули в воду.

На обратном пути я занялся охотой на рябчиков и подошел к биваку с другой стороны. Дым от костра, смешанный с паром, густыми клубами валил из палатки. Там шевелились люди, вероятно, их разбудили мои выстрелы.

Напившись чаю и обувшись потеплее, стрелки весьма быстро сняли палатки и увязали нарты. Через какие-нибудь

полчаса мы были уже в дороге. Солнце взошло в туманной мгле и багровое. Начался очередной день.

По тем островкам живого леса, которые в виде оазисов сохранились по сторонам реки, можно было судить о том, какая в этих местах была растительность. Здесь в изобилии росли кедр и тополь, там и сям виднелись буро-серые ветки кустарникового клена с сухими розоватыми плодами, а рядом с ним – амурская сирень, которую теперь можно было узнать только по пучкам засохших плодов на вершинах голых ветвей с темно-серой корой. Ближе удалось рассмотреть куст жасмина и амурский барбарис с сохранившимися замерзшими плодами.

К зиме в Уссурийском крае количество пернатых сильно сократилось. Чаще всего встречались клесты – пестрые миловидные птички с клювами, половинки которых заходят друг за друга. Они собирались в маленькие стайки, причем красного цвета самцы держались особняком от желто-серых самок. Клесты часто спускались вниз, что-то клевали на земле и подпускали к себе так близко, что можно было в деталях рассмотреть их оперение. Даже будучи испугнуты, они не отлетали далеко, а садились тут же, где-нибудь поблизости. Затем в порядке уменьшения особей следует указать на поползней. Я узнал их по окраске и по голосу, похожему на тихий писк. В одном месте я заметил двух японских корольков – маленьких птичек, прятавшихся от ветра в еловых ветвях. Там и сям мелькали пестрые дятлы с белым и черным оперени-

ем, с красным надхвостием. Для этих задорных и крикливых птиц, казалось, не страшны были холод и ветер. Рыжие сойки, крикливые летом и молчаливые зимой, тоже забились в самую чащу леса. Увидя нас, они принимались пронзительно кричать, извещая своих товарок о грозящей опасности. Попадались также большеклювые вороны и какие-то дневные хищники, которых за дальностью расстояния рассмотреть не удалось. По проталинам на притоках реки раза два мы спугнули белых крохалей. Они держались парами – вероятно, самцы и самки. Сабитов убил одного крохалея из винтовки. Пуля разорвала его на части, и я очень сожалел, что с птицы нельзя было снять шкурку для определения.

Часа в четыре мы дошли до ключика Олосо. Отсюда начались гари.

Дальше в этот день мы не пошли; выбрав небольшой островок, мы залезли в самую чащу и там уютно устроились на биваке.

Вечером стрелки рассказывали друг другу разные страхи, говорили о привидениях, домовых, с кем что случилось и кто что видел.

Странное дело: стрелки верили в существование своих чертей, но в то же время с недоверием и насмешками относились к чертям удэгейцев. То же самое и в отношении религии: я неоднократно замечал, что удэгейцы к чужой религии относятся гораздо терпимее, чем европейцы. У первых невнимание к чужой религии никогда не заходит дальше рав-

нодушая. Это можно было наблюдать и у Дерсу. Когда стрелки рассказывали разные диковинки, он слушал, спокойно курил трубку, и на лице его нельзя было заметить ни улыбки, ни веры, ни сомнения.

Утром 6 декабря мы встали до света. Термометр показывал -21°C . С восходом солнца ночной ветер начал стихать, и от этого как будто стало теплее.

Раньше, когда долина Кусуна была покрыта лесом, здесь водилось много соболей. Теперь это пустыня. На горах выросли осинники и березняки, а места поемных лесов заняли тонкоствольные тальники, ольшаники и молодая лиственница.

В этот день мы дошли до устья реки Буй, которую китайцы называют Уленгоу⁴⁰. Тут мы должны были расстаться с Кусуном и повернуть к Сихотэ-Алиню.

Около устья Уленгоу жил удэгеец Сунцай. Это был типичный представитель своего народа. Он унаследовал от отца шаманство. Жилище его было обставлено множеством бурханов. Кроме того, он славился как хороший охотник и ловкий, энергичный и сильный пловец на лодках по быстринам реки. На мое предложение проводить нас до Сихотэ-Алиня Сунцай охотно согласился, но при условии, если я у него простою один день.

Он говорил, что ему нужно отправить своего брата на охоту, вылечить больную старуху мать и снарядиться самому в

---

⁴⁰ У-лянь-гоу – пять сходящихся (связанных) долин.

далекий путь.

Этой женщине было 60 лет. Она являлась хранительницей древних традиций, обычаев и обрядов, знала много сказаний, знала, в каких случаях какой налагается штраф (байта), и считалась авторитетной в решении спорных вопросов о калыме при заключении или расторжении браков.

Я согласился пробыть в доме Сунця весь следующий день и не раскаялся.

Сам хозяин и его мать оказались довольно общительными, и потому мне удалось узнать много интересного о шаманстве и записать несколько сказок.

Вечером он угостил нас струганиной. На стол была подана целая замороженная рыба. Это оказался ленок (по размерам немного уступающий молодой горбуше).

Мы отбросили предубеждения европейцев к сырой рыбе и оказали ей должную честь.

Глава 20

Через Сихотэ-Алинь

Река Уленгоу. – Гарь. – Наледи. – Труп китайца. – Сбросовый выступ. – Перевал. – Маака. – Облака и снег. – Западный склон Сихотэ-Алиня. – Дикишка. – Чертова юрта. – Реки Мыге и Бягаму. – Метель. – Бикин в верхнем течении. – Брошенная юрта. – Изгнание черта. – Страхи. – Ночные звуки.

Следующие четыре дня (с 9 по 12 декабря) мы употребили на переход по реке Уленгоу. Река эта берет начало с Сихотэ-Алиня и течет сначала к юго-востоку, потом к югу, километров 30 опять на юго-восток и последние 5 км снова на юг. В средней части Уленгоу разбивается на множество мелких ручьев, теряющихся в лесу среди камней и бурелома. Вследствие из года в год не прекращающихся пожаров лес на горах совершенно уничтожен. Он сохранился только по обоим берегам реки и на островах между протоками.

Глядя на замерзшие протоки, можно подумать, что Уленгоу и летом богата водой. На самом деле это не так. Сбегающая с гор вода быстро скатывается вниз, не оставляя позади себя особенно заметных следов. Зимой же совсем другое дело. Вода заполняет ямы, рывины, протоки и замерзает.

Поверх льда появляются новые наледы, которые все увеличиваются и разрастаются вширь, что в значительной степени облегчало наше продвижение. На больших реках буреломный лес уносится водой, в малых же речках он остается лежать там, где упал. Зная это, мы захватили с собой несколько топоров и две поперечные пилы. При помощи их стрелки быстро разбирали завалы и прокладывали дорогу.

После 1 декабря сильные северо-западные ветры стали стихать. Иногда выпадали совершенно тихие дни. Показания анемометра колебались теперь в пределах от 60 до 75, но вместе с тем стали увеличиваться морозы.

Чем ближе мы подвигались к перевалу, тем больше становилось наледей. Такие места видны издали по поднимающимся от них испарениям. Чтобы обойти наледы, надо взбираться на косогоры. На это приходится тратить много сил и времени. Особенно надо остерегаться, чтобы не промочить ног. В этих случаях незаменимой является удэгейская обувь из рысьей кожи, сшитая жильными нитками.

Здесь случилось маленькое происшествие, которое задержало нас почти на целый день. Ночью мы не заметили, как вода подошла к биваку. Одна нарта вмерзла в лед. Пришлось ее вырубать топорами, потом оттаивать полозья на огне и исправлять поломки. Наученные опытом, дальше на биваках мы уже не оставляли нарты на льду, а ставили их на деревянные катки.

С каждым днем идти становилось все труднее и труднее.

Мы часто попадали то в густой лес, то в каменистые россыпи, заваленные буреломом. Впереди с топором в руках шли Дерсу и Сунцай. Они рубили кусты и мелкие деревья там, где они мешали проходу нарт, или клали их около рытвин и косогоров в таких местах, где нарты могли опрокинуться. Чем дальше мы углублялись в горы, тем больше было снега. Всюду, куда ни глянешь, чернели лишенные коры и ветвей, обгоревшие стволы деревьев. Весьма печальный вид имеют эти гари. Нигде ни единого следа, ни одной птицы...

Я, Сунцай и Дерсу шли впереди; стрелки подвигались медленно. Сзади слышались их голоса. В одном месте я остановился для того, чтобы осмотреть горные породы, выступающие из-под снега. Через несколько минут, догоняя своих приятелей, я увидел, что они идут нагнувшись и что-то внимательно рассматривают у себя под ногами.

– Что такое? – спросил я Сунцай.

– Одни китайский люди три дня назад ходи, – отвечал Дерсу. – Наша след его найди.

Действительно, кое-где чуть-чуть виднелся человеческий след, совсем почти запорошенный снегом. Дерсу и Сунцай заметили еще одно обстоятельство: они заметили, что след шел неровно, зигзагами, что китаец часто садился на землю и два бивака его были совсем близко один от другого.

– Большой, – решили они.

Мы прибавили шагу.

Следы все время шли по реке. По ним видно было, что

китаец уже не пытался перелезть через бурелом, а обходил его стороной. Та к прошли мы еще с полчаса. Но вот следы круто повернули в сторону. Мы направились по ним. Вдруг с соседнего дерева слетели две вороны.

– А-а! – сказал, остановившись, Дерсу. – Люди помирай есть.

Действительно, шагах в 50 от речки мы увидели китайца. Он сидел на земле, прислонившись к дереву, локоть правой руки его покоился на камне, а голова склонилась на левую сторону. На правом плече сидела ворона. При нашем появлении она испуганно снялась с покойника.

Глаза умершего были открыты и запорошены снегом. Из осмотра места вокруг усопшего мои спутники выяснили, что когда китаец почувствовал себя дурно, то решил стать на бивак, снял котомку и хотел было ставить палатку, но силы оставили его; он сел под дерево и так скончался. Маньчжур Чи-Ши-у, Сунцай и Дерсу остались хоронить китайца, а мы пошли дальше.

Целый день мы работали не покладая рук, даже не останавливаясь на обед, и все же прошли не больше 10 км. Бурелом, наледи, кочковатые болота, провалы между камней, занесенные снегом, создавали такие препятствия, что за 8 часов пути нам удалось сделать только 4,5 км, что составляет в среднем 560 м/ч. К вечеру мы подошли к гребню Сихотэ-Алиня. Барометр показывал 700 м.

Следующий день был 14 декабря. Утро было тихое и мо-

розное. Солнце взошло красное и долго не давало тепла. На вершинах гор снег окрасился в нежно-розовый цвет, а в тенистых местах имел синеватый оттенок.

Осматривая окрестности, я заметил в стороне клубы пара, поднимавшегося с земли.

Я кликнул Дерсу и Сунцая и отправился туда узнать, в чем дело. Это оказался железисто-сернисто-водородный теплый ключ. Окружающая его порода красного цвета; накипь белая, известковая; температура воды $+27^{\circ}\text{C}$. Удэгейцам хорошо известен теплый ключ на Уленгоу как место, где всегда держатся лоси, но от русских они его тщательно скрывают.

От горячих испарений, кроме источника, все заиндевело: камни, кусты лозняка и лежащий на земле валежник покрылись причудливыми узорами, блестящими на солнце, словно алмазы. К сожалению, из-за холода я не мог взять с собой воды для химического анализа.

Пока мы ходили по теплому источнику, стрелки успели снять палатку и связать спальные мешки.

Сразу с бивака начался подъем на Сихотэ-Алинь. Сначала мы перенесли на вершину все грузы, а затем втащили пустые нарты.

На самом перевале стояла маленькая китайская кумирня со следующей надписью: «Си-жи Циго вей-дассу-ай. Цзинь цзай да цинь чжей шай линь». (В древности в государстве Ци был главнокомандующим; теперь, при Дациньской династии, охраняет леса и горы.)

В проекции положение этой части Сихотэ-Алиня представляется ломаной линией. Она идет сначала на северо-восток, потом делает изгиб к востоку и затем опять на северо-северо-восток. Здесь Сихотэ-Алинь представляет собой как бы сбросовый выступ (горст). Впоследствии во многих местах произошли повторные обвалы, позади сползшей земли скопилась вода и образовались водоемы. С восточной стороны подъем на Сихотэ-Алинь очень крутой. Истоки реки Буй (Уленгоу) представляют собой несколько мелких ручьев, сливающихся в одно место. Эти овраги делают местность чрезвычайно пересеченной. По барометрическим измерениям, приведенным к уровню моря, абсолютная высота перевала измеряется в 860 м. Я назвал его именем Маака, работавшего в 1885 году в Амурском крае. Две высоты по сторонам перевала имеют туземные названия: правая – Атаксеони высотой 1120 и левая – Адахуналянгзянь высотой 1000 м. Мои спутники окрестили их Горелым конусом и горой Гребенчатой.

Восточный склон Сихотэ-Алиня совершенно голый. Трудно представить себе местность более неприветливую, чем истоки реки Уленгоу. Даже не верится, что здесь был когда-нибудь живой лес. Немногие деревья остались стоять на своих корнях. Сунцай говорил, что раньше здесь держалось много лосей, отчего и река получила название Буй, что значит «сохатый»; но с тех пор как выгорели леса, все звери ушли, и вся долина Уленгоу превратилась в пустыню.

Солнце прошло по небу уже большую часть своего пути, когда стрелки втащили на перевал последнюю нарту.

Весь день стояла хорошая, ясная и солнечная погода. Термометр показывал $-17,5^{\circ}\text{C}$. Барометр стоял на 685. Легкий ветер гнал с востока небольшие кучевые облака. Издали они казались идущими высоко по небу, но по мере приближения к Сихотэ-Алиню как будто опускались к земле. Над водоразделом облака проходили совсем низко и принимали какой-то серовато-желтый оттенок. Каждое облачко разряжалось тончайшей искрящейся снежной пылью. Тогда вокруг солнца появлялись радужные венцы, но, как только облако проходило мимо, световое явление исчезало.

Западный склон Сихотэ-Алиня пологий, но круче, чем в истоках Арму. За перевалом сразу начинается лес, состоящий из ели, пихты и лиственницы. По берегам речек растут береза с желтой мохнатой корой, горный клен и ольха.

Обилие мхов и влаги не позволило пожарам распространиться дальше водораздела, хотя и с этой стороны кое-где выделялись выгоревшие плешины; в бинокль ясно было видно, что это не осыпи, а места пожарищ.

Увязав нарты, мы тотчас тронулись в путь.

Лес, покрывающий Сихотэ-Алинь, мелкий, старый, дровяного характера. Выбор места для бивака в таком лесу всегда доставляет много затруднений: попадешь или на камни, опутанные корнями деревьев, или на валежник, скрытый под мхом. Еще больше забот бывает с дровами. Для горожани-

на покажется странным, как можно идти по лесу и не найти дров... А между тем это так. Ель, пихта и лиственница бросают искры; от них горят палатки, одежда и одеяла. Ольха – дерево мозглое, содержит много воды и дает больше дыму, чем огня. Остается только каменная береза. Но среди хвойного леса на Сихотэ-Алине она попадает одиночными экземплярами. Сунцай, знавший хорошо эти два места, скоро нашел все, что нужно было для бивака. Тогда я подал сигнал к остановке.

Стрелки стали ставить палатки, а я с Дерсу пошел на охоту в надежде, не удастся ли где-нибудь подстрелить сохатого. Недалеко от бивака я увидел трех рябчиков. Они ходили по снегу и мало обращали на меня внимания. Я хотел было стрелять, но Дерсу остановил меня.

– Не надо, не надо, – сказал он торопливо. – Их можно так бери.

Меня удивило, что он подходил к птицам без опаски, но я еще более удивился, когда увидел, что птицы не боялись его и, словно домашние куры, тихонько, не торопясь, отходили в сторону. Наконец мы подошли к ним метров на четыре. Тогда Дерсу взял нож и, нимало не обращая на них внимания, начал рубить молоденькую елочку, потом очистил ее от сучков и к концу привязал веревочную петлю. Затем он подошел к птицам и надел петлю на шею одной из них. Пойманная птица забилась и стала махать крыльями. Тогда две другие птицы, соображая, что надо лететь, поднялись с земли и сели

на растущую вблизи лиственницу: одна – на нижнюю ветку, другая – у самой вершины. Полагая, что птицы теперь сильно напуганы, я хотел было стрелять, но Дерсу опять остановил меня, сказав, что на дереве их ловить еще удобнее, чем на земле. Он подошел к лиственнице и тихонько поднял палку, стараясь не шуметь. Надевая петлю на шею нижней птице, он по неосторожности задел ее палкой по клюву. Птица мотнула головой, поправилась и опять стала смотреть в нашу сторону. Через минуту она беспомощно билась на земле. Третья птица сидела так высоко, что достать ее с земли было нельзя. Дерсу полез на дерево. Лиственница была тонкая, жидкая. Она сильно качалась. Глупая птица, вместо того чтобы улететь, продолжала сидеть на месте, крепко ухватясь за ветку своими ногами, и балансировала, чтобы не потерять равновесия. Как только Дерсу мог достать ее палкой, он накинул ей петлю на шею и стащил вниз. Таким образом мы поймали всех трех птиц, не сделав ни одного выстрела. Тут только я заметил, что они были крупнее рябчиков и имели более темное оперение. Кроме того, у самца были еще красные брови над глазами, как у тетеревов. Это оказался черный рябчик, или «дикушка», обитающий в Уссурийском крае исключительно в хвойных лесах Сихотэ-Алиня, к югу до истоков Арму. Он совершенно не оправдывает названия «дикушка», данного ему староверами. Быть может, они окрестили его так потому, что он живет в самых диких и глухих местах. Китайцы называют его «дашугирл» (большой рябчик).

Исследования зоба дикушки показали, что она питается еловыми иглами и брусникой.

Когда мы подходили к биваку, были уже глубокие сумерки. Внутри палатки горел огонь, и от этого она походила на большой фонарь, в котором зажгли свечу. Дым и пар, освещенные пламенем костра, густыми клубами взвивались кверху. В палатке двигались черные тени: я узнал Захарова с чайником в руках и маньчжура Чи Ши-у с трубкой во рту. Собаки, услышав, что кто-то идет, с лаем бросились к нам навстречу, но, узнав своих, начали ласкаться. В палатке все работы были уже закончены; стрелки пили чай. Сунцай называл дикушек по-своему и сказал, что бог Эндури⁴¹ нарочно создал непугливую птицу и велел ей жить в самых пустынных местах, для того чтобы случайно заблудившийся охотник не погиб с голоду.

Вечером мы отпраздновали переход через Сихотэ-Алинь. На ужин были поданы дикушки, потом сварили шоколад, пили чай с ромом, а перед сном я рассказал стрелкам одну из страшных повестей Гоголя.

Утром мы сразу почувствовали, что Сихотэ-Алинь отделил нас от моря: термометр на рассвете показывал -20°C . Здесь мы расстались с Сунцаем. Дальше мы могли идти сами; течение воды в реке должно было привести нас к Бикину. Тем не менее Дерсу обстоятельно расспросил его о дороге.

Когда взошло солнце, мы сняли палатки, уложили нарты,

---

⁴¹ Божество, сотворившее мир.

оделись потеплее и пошли вниз по реке Ляоленгоузе, имеющей вид порожистой горной речки с руслом, заваленным колодником и камнями. Километров в 15 от перевала Маака Ляоленгоуза соединяется с другой речкой, которая течет с северо-востока и которую удэгейцы называют Мыге. По ней можно выйти на реку Тахобе, где живут солоны. По словам Сунцая, перевал там через Сихотэ-Алинь низкий, подъем и спуск длинные, пологие.

Река Мыге очень извилистая и измеряется пятью десятками километров. Окружающие леса дровяного характера и состоят исключительно из хвойных пород.

С утра погода хмурилась. Воздух был наполнен снежной пылью. С восходом солнца поднялся ветер, который к полудню сделался порывистым и сильным. По реке кружились снежные вихри; они зарождались неожиданно, словно сговорившись, бежали в одну сторону и так же неожиданно пропадали. Могучие кедры глядели сурово и, раскачиваясь из стороны в сторону, гулко шумели, словно роптали на непогоду.

При морозе идти против ветра очень трудно. Мы часто останавливались и грелись у огня. В результате за целый день нам удалось пройти не более 10 км. Заночевали мы в том месте, где река разбивается сразу на три протоки. Вследствие ветреной погоды в палатке было дымно. Это принудило нас рано лечь спать.

Ночью вокруг луны появилось матовое пятно, неясное и

расплывчатое.

Утром 17 декабря состояние погоды не изменилось к лучшему. Ветер дул с прежней силой: анемометр показывал 220, термометр -30°C . Несмотря на это, мы все-таки пошли дальше. Заметно, что к западу от Сихотэ-Алиня снегу было значительно больше, чем в прибрежном районе.

Река Мыге в среднем течении имеет 6–7 м ширины. Во многих местах около берегов видны тонкие ледяные карнизы. Они получились вследствие убыли воды в реке после того, как она сверху замерзла.

В среднем течении река Мыге протекает по широкой долине, покрытой густым хвойно-смешанным лесом. Из лиственных пород здесь произрастают ольха, черемуха, тальники, осина, осокорь и береза. Судя по следам, которые мы видели в пути, можно заключить, что на Мыге водятся лось, кабарга, волк, выдра, белка, соболь и, вероятно, медведь.

19 декабря наш отряд достиг реки Бягаму, текущей с юго-востока, по которой можно выйти на реку Кусун. Эта река и по величине, и по обилию воды раза в два больше Мыге. Близ своего устья она около 20 м шириной и 1–1,5 м глубиной. По словам удэгейцев, вся долина Бягаму покрыта гарью; лес сохранился только около Бикина. Раньше Бягаму было одним из самых зверовых мест; особенно много было здесь лосей. Ныне это пустыня. После пожаров все звери ушли на Арму и Кулумбе, притоки Имана.

Пройдя по Бягаму еще два километра, мы стали биваком

на левом ее берегу, в густом ельнике. По счету это был наш 12-й бивак от моря.

В сумерки Захаров ходил на охоту, но вместо дичи принес рыбу, которую он нашел в яме подо льдом. Это были красноперка, толпыга и ленок – всего 9 рыб.

20 декабря мы употребили на переход от Бикина. Правый берег Бягаму – нагорный, левый – низменный и лесистый. Горы носят китайское название Бэй-си-лаза и Данцанза. Голые вершины их теперь были покрыты снегом и своей белизной резко выделялись из темной зелени хвои.

Бягаму огибает Бэй-си-лаза с юга и затем поворачивает на запад.

В нижнем течении река разбивается на протоки попарно, образуя острова, покрытые лесом. В верховьях ее растут лиственницы, ель и пихта, в среднем течении встречается кедр, а внизу по долине растут хорошие смешанные леса, состоящие из ясеня, ильма, тополя, осокоря, ольхи, черемухи, сирени, бересклета, липы и тонкоствольного тальника.

Я измерил несколько елей. Из 40 измерений в 4 местах (по 10 измерений в каждом) я получил следующие цифры: 44, 80, 103 и 140 см. Цифры эти указывают на лучшие качества леса по мере удаления от Сихотэ-Алиня.

Из крупных млекопитающих в верховьях Бягаму встречаются лось, рысь, бурый медведь и росомаха; ниже по течению – изюбр, кабан и тигр. Из царства пернатых я встретил на снегу следы глухарей, затем несколько раз видел больше-

клювых ворон, соек, ореховок, ронж, пестрых дятлов, желн, поползней и снегирей. Дерсу сообщил мне, что зимой, когда начинают замерзать реки, все крупные пернатые хищники спускаются к низовьям рек, где им легче найти себе пропитание.

Бягаму встречает Бикин рекой шириной около 100 м и глубиной 2–2,5 м.

Бикин (по-удэгейски Бики, по-китайски Дизинхе) – одна из самых больших рек Уссурийского края. Она длиной около 500 км, истоки ее находятся в горах Сихотэ-Алиня на широте мыса Гладкого.

Невдалеке от устья реки Бягаму стояла одинокая удэгейская юрта. Видно было, что в ней давно уже никто не жил. Такие брошенные юрты, в представлении туземцев, всегда служат обиталищем злых духов.

По времени нам пора было устраивать бивак. Я хотел было войти в юрту, но Дерсу просил меня подождать немного. Он накрутил на палку бересту, зажег ее и, просунув факел в юрту, с криками стал махать им во все стороны. Захаров и Аринин смеялись, а он пресерьезно говорил им, что, как только огонь вносится в юрту, черт вместе с дымом вылетает через отверстие в крыше. Только тогда человек может войти в нее без опаски.

Стрелки вывели из юрты мусор, полотнищем палатки завесили вход и развели огонь. Сразу стало уютно. Кругом разлилась приятная теплота.

Поздно вечером солдаты опять рассказывали друг другу страшные истории: говорили про мертвецов, кладбища, пустые дома и привидения. Вдруг что-то сильно бухнуло на реке, точно выстрел из пушки.

Рассказчик прервал свою речь на полуслове. Все испуганно переглянулись.

– Лед треснул, – сказал Захаров.

Дерсу повернул голову в сторону шума и громко закричал что-то на своем языке.

– Кому ты кричишь? – спросил я его.

– Наша прогнал черта из юрты, теперь его сердится – лед ломает, – отвечал гольд.

И, высунув голову за полотнища палатки, он опять стал громко говорить кому-то в пространство.

– Все равно наша не боится. Тебе надо другой место ходи. Там, выше, есть еще одна пустая юрта.

Когда Дерсу вернулся на свое место, лицо его было опять равнодушно-сосредоточенное.

Солдаты фыркнули в кулак, а между тем со своими домовыми они были так же наивны, как и Дерсу со своим чертом.

В это время где-то далеко снова треснул лед.

– Уехали, – сказал Дерсу довольным тоном и махнул рукой в сторону шума.

Я оделся и вышел из юрты. Ночь была ясная. По чистому, безоблачному небу плыла полная луна.

Снег искрился на льду, и от этого казалось еще светлее. В

ночном воздухе опять воцарилось спокойствие.

Покончив с работой, я еще раз напился чаю, завернулся в одеяло и, повернувшись спиной к огню, сладко уснул.

Глава 21

Зимние праздники

Река Бикин в среднем течении. – Зимняя охота на кабанов. – Вечеринка в юрте. – Недоразумение с разменом денег. – Представление туземцев о расстояниях. – Елка в лесу. – Игры на льду. – Лотерея.

Как и надо было ожидать, к рассвету мороз усилился до -32°C . Чем дальше мы отходили от Сихотэ-Алиня, тем ниже падала температура. Известно, что в прибрежных странах очень часто на вершинах гор бывает теплее, чем в долинах. Очевидно, с удалением от моря мы вступили в «озеро холодного воздуха», наполнявшего долину реки.

С восходом солнца мы тронулись в путь.

От устья Бягаму Бикин, если не считать его частичные изгибы, течет все время на запад. С правой стороны на значительном протяжении тянется высокий, террасообразный берег, похожий на плоскогорье и известный у китайцев под названием Лао-бей-лаза⁴². Это – мощный лавовый покров. Верхний слой базальта превратился в глину, что и послужило причиной заболачивания террасы, а это, в свою очередь, повлияло на растительность. Поэтому мы видим здесь толь-

---

⁴² Лао-бей-ла-цзы – старая северная скала.

ко березняки, осинники и тощую лиственницу.

С плоскогорья Лао-бей-лаза стекают два ключа: Кямту и Сигими-Бяса. Далее, с правой стороны, в Бикин впадают: река Бей-си-лаза, стекающая с горы того же имени, маленький ключик Музейза⁴³ и река Лаохозен⁴⁴, получившая свое название от слова «лахоу», что значит «тигр». По рассказам удэгейцев, несколько лет назад появился тигр, который постоянно ходил по соболиным ловушкам, ломал западни и пожирал все, что в них попадалось.

Ни одна река так сильно не разбивается на протоки, как Бикин. Удэгейцы говорят, что есть места, где можно насчитать 22 протоки. Течение Бикина гораздо спокойнее, чем течение Имана, но русло его завалено топным лесом, что очень затрудняет плавание на лодках. От устья Бягаму до железной дороги около 350 км.

Немного ниже Лаохозена находится небольшое удэгейское стойбище, носящее то же название и состоящее из трех юрт.

Мы подошли к нему в сумерки. Появление неизвестных людей откуда-то «сверху» напугало удэгейцев, но, узнав, что в отряде есть Дерсу, они сразу успокоились и приняли нас очень радушно. На этот раз палаток мы не ставили и разместились в юртах.

Вечером я расспрашивал удэгейцев об их жизни на Бики-

---

⁴³ У-цзей (хе) – речка сепий.

⁴⁴ Лао-ху-цзен – опасаящийся (этого места) тигр.

не и об отношении их к китайцам.

М. Венюков, путешествовавший в Уссурийском крае в 1857 году, говорит, что тогда на реке Бикин китайцев не было вовсе, а жили только одни удэгейцы (он называет их оро-чонами). Сыны Поднебесной империи появились значительно позже. Они занесли сюда оспу, которая свирепствовала так сильно, что от некоторых стойбищ не осталось ни одного человека. В 1895 году на Бикине население состояло только из 306 душ обоего пола. Прибывшие на Бикин китайцы скоро превысили в численности удэгейцев, подчинили их себе и сделались полными хозяевами реки. Тогда удэгейцы впали в неоплатные долги и очутились в положении рабов. Рассказы о бесчеловечном обращении с ними китайцев полны ужаса: людей убивали, продавали как скотину, избивали палками... Чтобы узнать о числе пойманных соболей, китайцы нередко прибегали к пыткам. Та к продолжалось до тех пор, пока на помощь удэгейцам не пришел начальник Ястребов. С воинской командой он поднялся по реке и выселил с Бикина всех китайцев, оставив только стариков и калек. Эта мера помогла, удэгейцы вздохнули свободнее, но в последние годы опять начался наплыв китайцев на Бикин. На этот раз они колонизировались в местности Сигоу.

Уже две недели, как мы шли по тайге. По тому, как стрелки и казаки стремились к жилым местам, я видел, что они нуждаются в более продолжительном отдыхе, чем обыкновенная ночевка. Поэтому я решил сделать дневку в Лаохо-

зенском стойбище. Узнав об этом, стрелки в юртах стали соответственно располагаться. Бивачные работы отпадали: не нужно было рубить хвою, таскать дрова и т.д. Они разулись и сразу приступили к варке ужина.

В сумерки возвратились с охоты два юноши-удэгейца и сообщили, что недалеко от стойбища они нашли след кабанов и завтра намерены устроить на них облаву. Охота обещала быть интересной, и я решил пойти вместе с ними.

Зимой, если снега выпадут глубокие, амурские туземцы охотятся за кабанами на лыжах. Дикае свиньи убегают далеко, но скоро устают. Тогда охотники догоняют их и бьют копьями. Ружей на такую охоту не берут ради экономии патронов, которые в тайге всегда очень дороги. Кроме того, охота с копьем нравится удэгейцам как спорт. Здесь молодые люди имеют случай показать свою силу и ловкость.

С вечера они стали готовиться: перетянули ремни у лыж и подточили копья. Та к как назавтра выступление было назначено до восхода солнца, то после ужина все рано легли спать.

Было еще темно, когда я почувствовал, что меня кто-то трясет за плечо. Я проснулся. В юрте ярко горел огонь. Удэгейцы уже приготовились; задержка была только за мной. Я быстро оделся, сунул два сухаря в карман и вышел на берег реки.

Чуть брезжилось; звезды погасли одна за другой; побледневший месяц медленно двигался навстречу легким воз-

душным облачкам. На другой стороне неба занималась заря. Утро было холодное. В термометре ртуть опустилась до -39°C . Кругом царила торжественная тишина; ни единая былинка не шевелилась. Темный лес стоял стеной и, казалось, прислушивался, как трещат от мороза деревья. Словно шелканье бича, звуки эти звонко разносились в застывшем утреннем воздухе.

Удэгейцы шли впереди, а я следовал за ними. Пройдя немного по реке Лаохозен, они свернули в сторону, затем поднялись на небольшой хребет и спустились с него в соседний распадок. Тут охотники стали совещаться. Поговорив немного, они снова пошли вперед, но уже тихо, без разговоров.

Через полчаса стало совсем светло. Солнечные лучи, осветившие вершины гор, известили обитателей леса о наступлении дня.

В это время мы как раз дошли до того места, где юноши накануне видели следы кабанов.

Надо заметить, что летом дикие свиньи отдыхают днем, а ночью кормятся. Зимой обратное: днем они бодрствуют, а на ночь ложатся. Значит, вчерашние кабаны не могли уйти далеко. Началось преследование.

Я первый раз в жизни видел, как быстро удэгейцы ходят по лесу на лыжах. Вскоре я начал отставать от удэгейцев и затем потерял их из виду совсем. Бежать за ними вдогонку не имело смысла, и потому я пошел по их лыжне, не торопясь.

Та к прошел я, вероятно, с полчаса; наконец устал и сел отдохнуть. Вдруг позади меня раздался какой-то шум. Я обернулся и увидел двух кабанов, мелкой рысцой перебежавших мне дорогу. Я быстро поднял ружье и выстрелил, но промахнулся. Испуганные кабаны бросились в сторону. Не найдя крови на следах, я решил их преследовать. Через 15 минут или двадцать я снова догнал кабанов. Они, видимо, устали и шли с трудом по глубокому снегу. Вдруг животные почувствовали опасность и, словно солдаты по команде, быстро повернулись ко мне головами. По тому, как они двигали челюстями, и по звуку, который долетал до меня, я понял, что они подтачивали клыки. Глаза животных горели, ноздри были раздуты, уши насторожены. Будь один кабан, я, может быть, стрелял бы, но передо мной были два секача. Несомненно, они бросятся мне навстречу. Я воздержался от выстрела и решил подождать другого, более удобного случая. Кабаны перестали щелкать клыками; они подняли кверху свои морды и стали усиленно нюхать воздух, затем медленно повернулись и пошли дальше. Тогда я обошел стороною и снова догнал их. Кабаны остановились опять. Один из них клыками стал рвать кору на валежнике. Вдруг животные насторожились, затем издали короткий рев и пошли прокладывать дорогу влево от меня. В это время я увидел четырех удэгейцев. По выражению их лиц я понял, что они заметили кабанов. Я присоединился к ним и пошел сзади. Дикае свиные далеко уйти не могли. Они остановились и приготовились к оборо-

не. Удэгейцы обошли их кругом и стали сходить к центру. Это заставило кабанов вертеться то в одну, то в другую сторону. Наконец они не выдержали и бросились вправо. С удивительной ловкостью удэгейцы ударили их копьями. Одному кабану удар пришелся прямо под лопатку, а другой был ранен в шею. Этот последний ринулся вперед. Молодой удэгейец старался сдержать его копьем, но в это время послышался короткий сухой треск. Древко копья было перерезано клыками кабана, как тонкая хворостинка. Охотник потерял равновесие и упал вперед. Кабан метнулся в мою сторону. Инстинктивно я поднял ружье и выстрелил почти в упор. Случайно пуля попала прямо в голову зверя. Тут только я заметил, что удэгейец, у которого кабан сломал копье, сидел на снегу и зажимал рукой на ноге рану, из которой обильно текла кровь. Когда кабан успел царапнуть его клыком, не заметил и сам пострадавший. Я сделал ему перевязку, а удэгейцы наскоро устроили бивак и натаскали дров. Один человек остался с раненым, другой отправился за нартами, а остальные снова пошли на охоту.

Ранение охотника не вызвало на стойбище тревоги; жена смеялась и подшучивала над мужем. Случаи эти так часты, что на них никто не обращал внимания. На теле каждого мужчины всегда можно найти следы кабаньих клыков и когтей медведя.

За день стрелки исправили поломки у нарт, удэгейские женщины починили унты и одежду. Чтобы облегчить людей,

я нанял двух человек с нартами и собаками проводить нас до следующего стойбища.

На другой день, 23 декабря, мы продолжали наш путь.

Дальше река Бикин течет по-прежнему на северо-запад. Долина ее то суживается до 200 м, то расширяется до 3 км и более.

Здесь, в горах, растет преимущественно хвойный строевой лес, а внизу, в долине, – смешанный, состоящий из ясени, тополя, вяза, ильма, клена, дуба, липы и бархата.

После Лаохозена Бикин принимает в себя справа следующие речки: Сагде-ула, Кангату и Хабагоу, а слева – Чугулянкуни, Давасигчи и Сагде-гэ (по-китайски Ситцихе). С Давасигчи перевал будет опять-таки на реке Арму, в среднем ее течении. Две высокие сопки с правой стороны реки носят название Лао-бей-лаза и Сыфантай.

Около устья реки Давасигчи было удэгейское стойбище, состоящее из четырех юрт. Мужчины все были на охоте, дома остались только женщины и дети. Я рассчитывал сменить тут проводников и нанять других, но из-за отсутствия мужчин это оказалось невозможным. К моей радости, лаохозенские удэгейцы согласились идти с нами дальше.

После полудня мы миновали еще одно стойбище – Канготу. Здесь мы расстались с маньчжуром Чи Ши-у. Я снабдил его деньгами и продовольствием.

Незадолго до сумерек, немного не доходя реки Хабагоу, мы нашли еще одну жилую юрту и около нее стали биваком.

В юрте была молодая женщина с двумя малыми детьми; муж ее тоже был на охоте. На этот раз я остался со стрелками в палатке. Вечером за мной пришел Дерсу и сказал, что женщина просит меня пожаловать к ней в гости. Обыкновенно удэгейские женщины до крайности молчаливы. Они всегда смотрят угрюмо, недоверчиво, не разговаривают с посторонними и часто даже лаконично не отвечают на задаваемые вопросы. В противоположность им наша новая знакомая была очень приветлива, держала себя просто и непринужденно. Она расспрашивала нас о кусунских тазах, о жизни в городе, о железной дороге и т.д. После ужина я попросил ее разменять мне 10 рублей. Женщина стала тихонько о чем-то шептаться с Дерсу. Он что-то отвечал ей и громко смеялся. Потом я узнал, что она не понимает толку в деньгах и спрашивала его, не обману ли я ее, если она принесет деньги и предоставит мне самому в них разобраться. Получив успокоительный ответ, она отправилась в амбар и принесла оттуда небольшую берестяную коробочку, украшенную орнаментом. В этой коробочке бумажных денег было рублей сорок. Подавая мне коробку, она сказала, что муж ее предпочитает серебряные деньги бумажным, потому что их можно прятать в земле, а она – потому, что их можно нашивать на одежду.

Я хотел разменять деньги помельче и, положив десятирублевую бумажку ей на колени, стал отбирать из коробки рублевки. Вдруг я увидел на глазах ее слезы.

– Что такое? – спросил я гольда.

– Она говорит, – ответил мне Дерсу, – что ты дал ей одну бумажку, а из коробки взял десять.

Я сказал ей, чтобы она не беспокоилась, что я ее не обману и когда муж ее придет, то увидит, что поступил правильно. Но удэгейка отвечала, что муж ее тоже не понимает счета в деньгах, и продолжала заливаться слезами. Чтобы успокоить ее, я отказался от размена денег, положил рублевые бумажки обратно, взял назад свою десятирублевку и подарил ей новенький серебряный полтинник. Тревога мигом сбежала с ее лица; сквозь слезы она улыбнулась, затем принялась нас угощать чумизной кашей с рыбьей икрой и снова стала расспрашивать о жизни удэгейцев, живущих по ту сторону Сихотэ-Алиня.

В 9 часов вечера я вышел из юрты и невольно обратил внимание на небо. Вследствие ли особенной чистоты воздуха или каких-либо иных причин звезды по величине и яркости лучей казались крупнее, и от этого на небе было светлее, чем на земле. Контур соседних гор и остроконечные вершины елей были видны отчетливо, ясно, зато внизу все утопало во тьме. Неясные, почти неуловимые ухом звуки наполняли сонный воздух; шум от полета ночной птицы, падения снега с ветки на ветку, шелест колеблемой легким дуновением слабого ветерка засохшей былинки – все это вместе не могло нарушить тишины, царившей в природе.

Я подошел к палатке. Стрелки давно уже спали. Я посидел

немного у огня, затем снял обувь, пробрался на свое место и тотчас уснул.

На следующий день мы пошли дальше. В горах были видны превосходные кедровые леса, зато в долине хвойные деревья постепенно исчезали, а на смену им выступали широколиственные породы, любящие илистую почву и обилие влаги.

Животный мир этих лесов весьма разнообразен. Тут водятся тигр, рысь, дикая кошка, белка, бурундук, изюбр, козуля, кабарга, росомаха, соболь, хорек и летяга. Белогрудый медведь встречается по нижнему течению Бикина только до реки Хабагоу; выше будут владения бурого медведя. Когда бывает урожай кедровых орехов, то кабаны поднимаются до реки Бягаму, если же кедровых орехов уродится мало, то они спускаются книзу, за скалы Сигонку-Гуляни. Бикин по справедливости считается одной из самых рыбных рек в крае. В нем во множестве водятся: вверху – хариус и ленок, по протокам в тинистых водах – сазан, налим и щука, а внизу, ближе к устью, – таймень и сом. Кета поднимается почти до самых истоков.

Около скал Сигонку стояли удэгейцы. От них я узнал, что на Бикине кого-то разыскивают и что на розыски пропавших выезжал пристав, но вследствие глубокого снега возвратился обратно. Я тогда еще не знал, что это касалось меня. По рассказам удэгейцев, дальше были еще две пустые юрты. В этом покинутом стойбище я решил в первый предпразднич-

ный день устроить дневку.

– В каком это месте? – спросил я удэгейцев.

– Бей-си-лаза-датани, – отвечал один из них.

– Сколько верст? – спросил его Захаров.

– Две, – ответил удэгеец уверенно.

Я попросил его проводить нас, на что он охотно согласился. Мы купили у них сохатиного мяса, рыбы, медвежьего сала и пошли дальше. Пройдя 3 км, я спросил проводника, далеко ли до юрты.

– Недалеко, – отвечал он.

Однако мы прошли еще 4 км, а стойбище, как заколдованное, уходило от нас все дальше и дальше. Пора было становиться на бивак, но обидно было копать в снегу и ночевать по соседству с юртами. На все вопросы, далеко ли еще, удэгеец отвечал коротко:

– Близко.

За каждым изгибом реки я думал, что увижу юрты, но поворот следовал за поворотом, мыс за мысом, а стойбища нигде не было видно. Так прошли мы еще 8 км. Вдруг меня надоумило спросить проводника, сколько верст еще осталось до Бей-си-лаза-датани.

– Семь, – отвечал он тем же уверенным тоном.

Стрелки так и сели и начали ругаться. Оказалось, что наш проводник не имел никакого понятия о верстах. Об этом удэгейцев никогда не следует спрашивать. Они меряют расстояние временем: полдня пути, один день, двое суток и т.д.

Тогда я подал сигнал к остановке. Удэгеец говорил, что юрты совсем близко, но никто ему уже не верил. Стрелки принялись спешно разгребать снег, таскать дрова и ставить палатки. Мы сильно запоздали: глубокие сумерки застали нас за работой. Несмотря на это, бивак вышел очень удобный.

Вечером я угостил своих спутников шоколадом и ромом. Потом я рассказал им о жизни в Древнем Риме, о Колизее и гладиаторах, которые своими страданиями должны были увеселять развращенную аристократию.

Стрелки слушали меня с глубоким вниманием.

Потом я показывал им созвездия на небе. Днем, при солнечном свете, мы видим только Землю, ночью мы видим весь мир. Словно блестящая световая пыль была рассыпана по всему небосклону. От тихих сияющих звезд, казалось, нисходит на землю покой, и потому в природе было все так торжественно и тихо.

Следующий день мы простояли на месте.

Еще при отъезде из Владивостока я захватил с собой елочные украшения: хлопушки, золоченые орехи, подсвечники с зажимами, золотой дождь, парафиновые свечи, фигурные пряники и тому подобные подарки: серебряную рюмку, перочинный нож в перламутровой оправе, янтарный мундштук и т.д. Все это я хранил в коллекционных ящиках и берег для праздника.

Около нашей палатки росла небольшая елочка. Мы укра-

силы ее бонбоньерками и ледяными сосульками.

Днем на реке были устроены игры. К вбитому в лед колу привязали две веревки, концы их прикрепили к поясам двух человек и завязали им глаза. Одному в руки был дан колокольчик, а другому – жгут из полотенца. Сущность игры заключалась в том, что один должен был звонить в колокольчик и уходить, а другой подкрадываться на звук и бить звоняря жгутом. Игра эта увлекала всех. Туземцы смеялись до упаду и катались по земле так, что я не на шутку стал опасаться за их здоровье. Когда стемнело, я велел зажечь бенгальские огни. Вечер был ясный и тихий.

При розыгрыше подарков Дерсу выиграл трубку, что вышло как раз кстати. Затем были розданы сласти. Все были довольны и веселы. Пение стрелков далеко разносилось по реке, будило эхо и лесных зверей.

Около полуночи стрелки ушли в палатки и, лежа на сухой траве, рассказывали друг другу анекдоты, остряли и смеялись. Мало-помалу голоса их стали затихать, реплики становились все реже и реже. Стрелок Туртыгин пробовал было возобновить разговор, но ему уже никто не отвечал.

Скоро дружный храп возвестил о том, что все уснули.

Глава 22

Нападение тигра

Размен денег. – Замерзание реки. – Таз Китенбу. – Река Катэтабауни. – Перевал на Хор. – Непогода. – Бивак в снегу. – Дерсу и Альпа. – Буря. – Кабаны. – Тревожная ночь. – Тигр. – Рассвет. – Преследование зверя. – Следы. – Возвращение на бивак. – Росомахи.

Утром я отпустил обоих проводников. Тут случилось довольно забавное происшествие. Я дал им каждому по 10 рублей: одному – 10 рублей бумажкой, а другому – две пятирублевые. Тогда первый обиделся. Я думал, что он недоволен платой, и указал ему на товарища, который явно выказывал удовлетворение.

Оказалось совсем иное: удэгеец обиделся на то, что я дал ему одну бумажку, а товарищу две. Я забыл, что они не разбираются в деньгах. Желая доставить удовольствие второму, я дал ему взамен десятирублевой бумажки три трехрублевые и одну рублевую. Тогда обиделся тот, у которого были две пятирублевые бумажки.

Чтобы помирить их, пришлось дать тому и другому бумажки одинакового достоинства. Надо было видеть, с каким довольным видом они отправились восвояси.

После дневки у всех было хорошее настроение; люди шли бодро и весело.

От удэгейцев я узнал, что гроза со снегом, которую мы наблюдали 26 ноября на реке Нахтоху, была одновременно и на Бикине. Первый снег выпал здесь 11 ноября, когда река только что начала замерзать. Лед, прикрытый снегом, уже не утолщался более. Наоборот, там, где снег сдуло ветрами, река промерзла глубоко. Вот почему замерзание местных рек отличается такой неравномерностью. Толщина льда часто колеблется от 1 до 70 см. Поэтому если снег выпал рано, то по реке надо ходить осторожно, все время пробуя лед толстой палкой. В этом случае незаменимыми являются лыжи. Если лед выдерживает удары палки, можно идти свободно без лыж. Стрелки с недоверием отнеслись к словам удэгейцев и шли не разбирая, но после одного-двух купаний убедились, что такими советами пренебрегать нельзя.

За день мы прошли 18 км и стали биваком около речки Катэтабауни.

Здесь оказались три юрты и одна фанза, называемая Сидун-гоу⁴⁵. В ней жили два старика; один из них был таза, другой – китаец-соболевщик. Хозяева фанзочки оказались очень гостеприимными и всячески старались нам услужить.

Мне очень хотелось подняться на Хорский перевал. Я стал расспрашивать о дороге. Таза Китенбу (так звали нашего нового знакомого) изъявил согласие быть проводником. Ему,

---

⁴⁵ Ши-дун-гоу – каменистая восточная долина.

вероятно, было около 60 лет. В волосах на голове у него уже показались серебряные нити и лицо покрылось морщинами. По внешнему виду он несколько не отличался от китайцев. Единственным доказательством его туземного происхождения было его собственное заявление. Он рассказывал, что ранее жил на Уссури, но, потесненный русскими переселенцами, перекочевал на реку Бикин, где и живет уже более 10 лет.

Китенбу тотчас же стал собираться. Он взял с собой заплатанное одеяло, козью шкуру и старую, много раз чиненную берданку; я взял чайник, записную книжку и спальный мешок, а Дерсу – полотнище палатки, трубку и продовольствие.

Кроме нас троих, в отряде было еще два живых существа: моя Альпа и другая, принадлежащая тазе серенькая остромордая собачка со стоячими ушами по кличке Кады.

Катэ-Табань (Катэтабауни) – маленькая горная речка, протекающая по долине, суженной близ устья и несколько расширяющейся к истокам. Окружающие ее горы покрыты старым хвойно-смешанным лесом.

С утра стояла хорошая погода. Мы рассчитывали, что к вечеру успеем дойти до зверовой фанзы по ту сторону водораздела. Однако нашим мечтаниям не суждено было сбыться. После полудня небо стало заволакиваться слоистыми облаками; вокруг солнца появились круги, и вместе с тем начал подниматься ветер. Я хотел уже было повернуть назад,

но Дерсу успокоил меня, сказав, что пурги не будет, будет только сильный ветер, который назавтра прекратится. Та оно и случилось. Часа в четыре пополудни солнце скрылось, и не разберешь, в тучах или в тумане. Воздух был наполнен сухой снежной пылью.

Поднявшийся ветер дул нам навстречу и, как ножом, резал лицо. Когда начало смеркаться, мы были как раз на водоразделе. Здесь Дерсу остановился и стал о чем-то совещаться со стариком тазой. Подойдя к ним, я узнал, что старик таза немного сбился с дороги. Из опасения заблудиться они решили заночевать под открытым небом.

– Капитан, – обратился ко мне Дерсу, – сегодня наша фанза найди нету, надо бивак делай.

– Хорошо, – сказал я, – давайте выбирать место.

Оба моих спутника еще поговорили между собой и, отойдя в сторону шагов 20, начали снимать котомки.

Место для бивака было выбрано нельзя сказать чтобы удачное. Это была плоская седловина, поросшая густым лесом. В сторону от нее тянулся длинный отрог, оканчивающийся небольшой конической сопкой. По обеим сторонам седловины были густые заросли кедровника и еще какого-то кустарника с неопавшей сухой листвой. Мы нарочно зашли в самую чащу его, чтобы укрыться от ветра, и расположились у подножия огромного кедра высотой, вероятно, 20 м.

Дерсу взял топор и пошел за дровами, старик таза начал резать хвою для подстилки, а я принялся раскладывать ко-

стер.

Только к шести с половиной часам мы окончили бивачные работы и сильно устали. Когда вспыхнул огонь, на биваке стало сразу уютнее. Теперь можно было переобуться, обсушиться и подумать об ужине. Через полчаса мы пили чай и толковали о погоде.

Моя Альпа не имела такой теплой шубы, какая была у Кады. Она прозябла и, утомленная дорогой, сидела у огня, зажмурив глаза, и, казалось, дремала. Тазовская собака, с малолетства привыкшая к разного рода лишениям, мало обращала внимания на невзгоды походной жизни. Свернувшись калачиком, она легла в стороне и тотчас уснула. Снегом всю ее запылило. Иногда она вставала, чтобы встряхнуться, затем, потоптавшись немного на месте, ложилась на другой бок и, уткнув нос под брюхо, старалась согреть себя дыханием.

Дерсу всегда жалел Альпу и каждый раз, прежде чем разуться, делал ей из еловых ветвей и сухой травы подстилку. Если поблизости не было ни того, ни другого, он уступал ей свою куртку, и Альпа понимала это. На привалах она разыскивала Дерсу, прыгала около него, трогала его лапами и всячески старалась обратить на себя внимание. И как только Дерсу брался за топор, она успокаивалась и уже терпеливо дожидалась его возвращения с охапкой еловых веток.

Сами мы были утомлены не меньше, чем собаки, и потому тотчас после чая, подложив побольше дров в костер, стали

устраиваться на ночь.

Расположились мы у огня каждый в отдельности. С подветренной стороны расположился я; Дерсу поместился сбоку.

Он устроил себе нечто вроде палатки, а на плечи набросил шинель. Старик таза поместился у подножия кедра, прикрывшись одеялом. Он взялся караулить бивак и поддерживать огонь всю ночь. Нарубив еловых веток, я разостлал на них свой мешок и устроился очень удобно. С одной стороны от ветра меня защищала валежина, а с другой – горел огонь.

В большом лесу во время непогоды всегда жутко. Та к и кажется, что именно то дерево, под которым спишь, упадет на тебя и раздавит. Несмотря на усталость, я долго не мог уснуть.

Кто-то привел ветер в такое яростное состояние, что он, как бешеный зверь, бросался на все, что попадалось ему на пути. Особенно доставалось деревьям. Это была настоящая борьба лесных великанов с обезумевшей воздушной стихией. Ветер налетал порывами, рвал, потом убегал прочь и жалобно выл в стороне. Являлось впечатление, будто мы попали в самую середину гигантского вихря. Ветер описывал большой круг, возвращался на наш бивак и нападал на кедр, стараясь во что бы то ни стало опрокинуть его на землю. Но это ему не удавалось.

Лесной великан хмурился и только солидно покачивался из стороны в сторону. Я вспомнил пургу около озера Ханка

и снежную бурю при переходе через Сихотэ-Алинь. Я слышал, как таза подкладывал дрова в огонь и как шумело пламя костра, раздуваемое ветром. Потом все перепуталось, и я задремал. Около полуночи я проснулся. Дерсу и Китенбу не спали и о чем-то говорили между собой. По интонации голосов я догадался, что они чем-то встревожены.

«Должно быть, кедр качается и грозит падением», – мелькнуло у меня в голове.

Я быстро сбросил с головы покрывку спального мешка и спросил, что случилось.

– Ничего, ничего, капитан, – отвечал мне Дерсу, но я заметил, что говорил он неискренно. Ему просто не хотелось меня беспокоить.

На биваке костер горел ярким пламенем. Дерсу сидел у огня и, заслонив рукой лицо от жара, поправлял дрова, собирая уголья в одно место; старик Китенбу гладил свою собаку. Альпа сидела рядом со мной и, видимо, дрожала от холода.

Казалось, что все злые духи собрались в одно место и с воем и плачем носились по тайге друг за другом, точно они хотели разрушить порядок, данный природе, и создать снова хаос на земле. Слышались то иступленный плач и стенания, то дикий хохот и вой; вдруг на мгновение наступала тишина, и тогда можно было разобрать, что происходит поблизости. Но уже по этим перерывам было видно, что ветер скоро станет стихать.

Дрова в костре горели ярко. Черные тучи и красные бли-

ки двигались по земле, сменяя друг друга; они то удалялись от костра, то приближались к нему вплотную и прыгали по кустам и снежным сугробам.

– Ничего, капитан, – сказал мне опять Дерсу. – Твоя можно спи. Наша так, сам говори.

Я не заставил себя упрашивать, закрылся опять с головой и заснул. Приблизительно через полчаса я снова проснулся. Меня разбудили голоса.

«Что-то неладное», – подумал я и вылез из мешка.

Буря понемногу стихала. На небе кое-где показались звезды. Каждый порыв ветра сыпал на землю сухой снег с таким шумом, точно это был песок. Около огня я увидел своих приятелей. Таза был на ногах и к чему-то прислушивался. Дерсу стоял боком и, заслонив ладонью свет от костра, всматривался в темноту ночи. Собаки тоже не спали; они жались к огню, пробовали было ложиться, но тотчас же вскакивали и переходили на другое место. Они что-то чужили и смотрели в ту же сторону, куда направлены были взоры Дерсу и старика таза.

Ветер сильно раздувал огонь, вздымая тысячи искр кверху, кружил их в воздухе и уносил куда-то в глубь леса.

– Что такое, Дерсу?! – спросил я гольда.

– Кабаны ходи, – отвечал он.

– Ну так что же?

Кабаны в лесу – это так естественно: животные шли, наткнулись на наш бивак и теперь шумно выражали свое

неудовольствие.

Дерсу сделал рукой досадливый жест и сказал:

– Как тебе столько тайга ходи – понимай нету!.. Зимой ночью кабаны ходи не хочу.

В той стороне, куда смотрели Дерсу и Китенбу, слышались треск ломаемых сучьев и характерное «чиханье» диких сви-ней.

Немного не доходя до нашего бивака, кабаны спустились с седловины и обошли коническую сопку стороной.

Я размялся, и спать мне уже не хотелось.

– А почему эти кабаны идут ночью? – спросил я Дерсу.

– Его напрасно ходи нету, – отвечал он. – Его другой люди гоняй.

Я подумал было, что он говорит про удэгейцев, и мысленно удивился, как ночью они ходят по тайге на лыжах. Но вспомнил, что Дерсу «людьми» называл не одних только людей, и сразу все понял: кабанов преследовал тигр. Значит, хищник был где-то поблизости от нас.

Понемногу в природе стал воцаряться порядок. Какая-то другая сила начала брать верх над ветром и заставляла его успокаиваться. Но, судя по тому, как качались старые кедры, видно было, что там, вверху, не все еще благополучно.

Я не стал дожидаться чая, подтащил свой мешок поближе к огню, залез в него и опять заснул. Мне показалось, что я спал очень долго. Вдруг что-то тяжелое навалилось мне на грудь, и одновременно с этим я услышал визг собаки и отча-

янный крик Дерсу:

– Скорей!

Быстро сбросил я с себя верхний клапан мехового мешка. Снег и сухие листья обдали мне лицо. В то же мгновение я увидел, как какая-то длинная тень скользнула наискось к лесу.

На груди у меня лежала Альпа.

Костер почти что совсем угас: в нем тлели только две головешки. Ветер раздувал уголья и разносил искры по снегу. Дерсу сидел на земле, упершись ногами в снег. Левой рукой он держался за грудь и, казалось, хотел остановить биение сердца. Старик таза лежал ничком в снегу и не шевелился.

Несколько мгновений я не мог сообразить, что случилось и что мне надо делать. С трудом я согнал с себя собаку, вылез из мешка и подошел к Дерсу.

– Что случилось? – спросил я его, трясая за плечо.

– Амба, Амба! – испуганно закричал он. – Амба совсем наша бивак ходи! Один собака таскай!

Тут только я заметил, что нет тазовской собаки.

Дерсу поднялся с земли и стал приводить в порядок костер.

Как только появился огонь, таза тоже пришел в себя; он испуганно озирался по сторонам и имел вид сумасшедшего. В другое время он показался бы смешным.

На этот раз больше всех самообладания сохранил я. Это потому, что я спал и не видел того, что тут произошло. Од-

нако скоро мы поменялись ролями: когда Дерсу успокоился, испугался я. Кто поручится, что тигр снова не придет на бивак, не бросится на человека? Как все это случилось и как это никто не стрелял?

Оказалось, что первым проснулся Дерсу; его разбудили собаки. Они все время прыгали то на одну, то на другую сторону костра. Спасаясь от тигра, Альпа бросилась прямо на голову Дерсу. Спросонья он толкнул ее и в это время увидел совсем близко от себя тигра. Страшный зверь схватил тазовскую собаку и медленно, не торопясь, точно понимая, что ему никто помешать не может, понес ее в лес. Испуганная толчком, Альпа бросилась через огонь и попала ко мне на грудь. В это время я услышал крик Дерсу.

Инстинктивно я схватил ружье, но не знал, куда стрелять.

Вдруг в зарослях позади меня раздался шорох.

– Здесь! – сказал шепотом таза, указывая рукой вправо от кедра.

– Нет, тут, – ответил Дерсу, указывая в сторону, совершенно противоположную.

Шорох повторился, но на этот раз с обеих сторон одновременно. Ветер шумел вверху по деревьям и мешал слушать. Порой мне казалось, что я как будто действительно слышу треск сучков и вижу даже самого зверя, но вскоре убеждался, что это совсем не то: это был или колодник, или молодой ельник.

Кругом была такая чаща, сквозь которую и днем-то ниче-

го нельзя было бы рассмотреть.

– Дерсу, – сказал я гольду, – полезай на дерево. Тебе сверху хорошо будет видно.

– Нет, – отвечал он, – моя не могу. Моя старый люди: теперь дерево ходи – совсем понимай нету.

Старик таза тоже отказался лезть на дерево. Тогда я решил взобраться на кедр сам. Ствол его был ровный, гладкий и с подветренной стороны запорошенный снегом. С большими усилиями я поднялся не более как на три метра. У меня скоро озябли руки, и я должен был спуститься обратно на землю.

– Не надо, – сказал Дерсу, поглядывая на небо. – Скоро ночь кончай.

Он взял винтовку и выстрелил в воздух. Как раз в это время налетел сильный порыв ветра. Звук выстрела затерялся где-то поблизости.

Мы разложили большой огонь и принялись готовить чай. Альпа все время жалась то ко мне, то к Дерсу и при малейшем шуме вздрагивала и испуганно озиралась по сторонам.

Минут 40 мы еще сидели у огня и делились впечатлениями.

Наконец начало светать. Воздух наполнился неясными сумеречными тенями, звезды стали гаснуть, точно они уходили куда-то в глубь неба. Еще немного времени – и кроваво-красная заря показалась на востоке. Ветер стал быстро стихать, а мороз – усиливаться. Тогда Дерсу и Китенбу пошли к ку-

стам. По следам они установили, что мимо нас прошло девять кабанов и что тигр был большой и старый. Он долго ходил около бивака и тогда только напал на собак, когда костер совсем угас.

Я предложил Дерсу оставить вещи в таборе и пойти по тигриному следу. Я думал, что он откажется, и был удивлен, узнав, что Дерсу согласен отнять у тигра задавленную собаку.

Гольд стал говорить о том, что тигру дано в тайге много корма и запрещено нападать на человека. Этот тигр следил кабанов, но по пути увидел людей, напал на наш бивак и украл собаку.

– Такой Амба можно стреляй, греха нет, – закончил он свою длинную речь. Закусив наскоро холодным мясом и напившись горячего чая, мы надели лыжи и пошли по тигриному следу.

Непогода совсем почти стихла. Вековые ели и кедры утратили свой белый наряд, зато на земле во многих местах намело большие сугробы. По ним скользили солнечные лучи, и от этого в лесу было светло по-праздничному.

От нашего бивака тигр шел обратно старым следом и привел нас к валежнику. Следы шли прямо под буреломом.

– Не торопись, капитан, – сказал Дерсу. – Прямо ходи не надо, надо кругом ходи, хорошо посмотри.

Мы стали обходить бурелом стороною.

– Уехали! – вдруг закричал Дерсу и быстро повернул в

направлении нового следа.

Тут ясно было видно, что тигр долго сидел на одном месте. Под ним подтаял снег. Собаку он положил перед собой и слушал, нет ли сзади погони. Потом он понес ее дальше.

Так мы прошли еще три часа.

Тигр не шел прямо, а выбирал такие места, где было меньше снегу, где гуще были заросли и больше бурелома. В одном месте он взобрался на поваленное дерево и долго стоял на нем, но вдруг чего-то испугался, прыгнул на землю и несколько метров полз на животе. Время от времени он останавливался и прислушивался; когда мы приближались, то уходил сперва прыжками, а потом шагом и рысью.

Наконец Дерсу остановился и стал советоваться со стариком тазой. По его мнению, надо было возвратиться назад, потому что тигр не был ранен, снег недостаточно глубок и преследование являлось бесполезной тратой времени.

Мне казалось странным и совершенно непонятным, почему тигр не ест собаку, а тащит ее с собой. Как бы в ответ на мои мысли, Дерсу сказал, что это не тигр, а тигрица и что у нее есть тигрята; к ним-то она и несет собаку. К своему логовищу она нас не поведет, а будет водить по сопкам до тех пор, пока мы от нее не отстанем. С этими доводами нельзя было не согласиться.

Когда было решено возвращаться на бивак, Дерсу повернулся в ту сторону, куда ушел тигр, и закричал:

– Амба! Твоя лицо нету. Ты вор, хуже собаки. Моя тебя

не боится. Другой раз тебя посмотри – стреляй.

После этого он закурил свою трубку и пошел назад по протоптанной лыжне.

Немного не доходя до бивака, как-то случилось так, что я ушел вперед, а таза и Дерсу отстали. Когда я поднялся на перевал, мне показалось, что кто-то с нашего бивака бросился под гору. Через минуту мы подходили к биваку.

Все наши вещи были разбросаны и изорваны. От моего спального мешка остались одни клочки. Следы на снегу указывали, что такой разгром произвели две росомахи. Их-то, вероятно, я и видел при приближении к биваку.

Собрав, что можно было, мы быстро спустились с перевала и пошли назад.

Идти под гору было легко, потому что старая лыжня хотя и была запорошена снегом, но крепко занастилась. Мы не шли, а просто бежали и к вечеру присоединились к своему отряду.

Глава 23

Конец путешествию

Река Бикин в нижнем течении. – Ночевка в покинутом жилище. – Грязная вода. – Местность Сигоу. – Новый год. – Прием у китайцев. – Встреча с Мерзляковым. – Олон. Порочное население. – Табандо. – Река Алчан. – Железнодорожная станция.

Двадцать девятого декабря мы выступили в дальнейший поход вниз по реке Бикин, которая здесь течет строго на запад. Чем ниже, тем больше река разбивается на притоки. При умении можно ими пользоваться и значительно сокращать дорогу.

На островах между протоками, в местностях Хойтун и Митахеза, мы встречаем туземцев, рожденных от брака китайцев с удэгейскими женщинами. Это те же чжагу-бай⁴⁶ (по-китайски «кровосмешение»), что и в прибрежном районе на реках Тадушу, Тетюхе и Санхобе. Они живут в фанзах китайского типа и занимаются рыболовством, охотой и огородничеством. Насколько недавно люди эти занялись земледелием, видно из того, что на возделываемой ими земле сохранились пни, которые они не успели еще выкорчевать.

---

⁴⁶ Цза-гу-бай – наполовину смешанная каста.

Река Бикин считается самой лесистой рекой. Лесом покрыто все: горы, долины и острова. Бесконечная тайга тянется во все стороны на сотни километров. Немудрено, что места эти в бассейне Уссури считаются самыми зверовыми.

Около горы Бомыдинза, с правой стороны Бикина, мы нашли одну пустую удэгейскую юрту. Из осмотра ее Дерсу выяснил, почему люди покинули жилище, – черт мешал им жить и строил разные козни: кто-то умер, кто-то сломал ногу, приходил тигр и таскал собак. Мы воспользовались этой юртой и весьма удобно расположились в ней на ночлег.

Стрелки пошли за дровами, а Дерсу опять принялся дымом изгонять черта из юрты. Я взял ружье и пошел вниз по реке на разведку.

С утра хмурившаяся погода разразилась крупным мокрым снегом при полном безветрии.

Громадные кедры, словно исполинские часовые, стояли теперь неподвижно и не шептались между собой.

Вечерние сумерки, хлопья снега, лениво падающего с неба, и угрюмый, молчаливый лес – все это вместе создавало картину бесконечно тоскливую...

Мимо меня бесшумно пролетела сова, испуганный заяц шарахнулся в кусты, и сова тотчас свернула в его сторону. Я посидел немного на вершине и пошел назад. Через несколько минут я подходил к юрте. Из отверстия ее в крыше клубами вырывался дым с искрами, из чего я заключил, что мои спутники устроились и варили ужин.

За чаем стали опять говорить о привидениях и злых духах. Захаров все домогался, какой черт у гольдов. Дерсу сказал, что черт не имеет постоянного облика и часто меняет «рубашку», а на вопрос, дерется ли черт с добрым богом Эндури, гольд пресерьезно ответил:

– Не знаю! Моя никогда это не видел.

После чая, когда все легли на свои места, я еще с час работал, приводил в порядок свой дневник и затем все покончил сном.

30 декабря наш отряд дошел до местности Тугулу с населением, состоящим из «кровосмешанных» туземцев. Чем ближе мы подвигались к Уссури, тем больше и больше встречалось китайцев и тем больше утрачивался тип удэгейцев.

В этих местах Бикин принимает в себя следующие маленькие речки: Амба, Фунзилаза⁴⁷, Уголикоколи, Рохоло и Тугулу. Из возвышенностей в этом районе следует отметить с правой стороны гранитные сопки Фунзилаза, Рохоло, Джара-Хонкони, местность Ванзиками, а с левой стороны – Вамбабоза с вершинами Амбань, Уголи и Лансогой со скалой Банга, состоящей из мелафира.

Ниже Сыфантая Бикин достигает ширины 200 м при глубине около 2 м и скорости течения 4 км/ч.

Потому ли, что земля переместилась в плоскости эклиптики по отношению к солнцу, или потому, что мы все более и более удалялись от моря (вероятно, имело место и то и дру-

---

⁴⁷ Фын-цзы-ла-цзы – скала сумасшедшего.

гое), но только заметно день удлинился и климат сделался ровнее. Сильные ветры остались позади. Барометр медленно поднимался, приближаясь к 760. Утром температура стояла низкая (-30°C), днем немного повышалась, но к вечеру опять падала до -25°C .

Сегодня случилось маленькое событие, опечалившее Дерсу и очень меня насмешившее.

В моей сумочке было много всякой мелочи: цветные карандаши, перочинный ножик, резина, игольник с нитками, шило, часы, секундомер и пр. Часть этих предметов, в том числе и роговую чернильницу с закручивающейся пробкой, наполненную чернилами, я дал нести Дерсу. После полудня он вдруг подбежал ко мне и тревожным голосом сообщил, что потерял...

– Что? – спросил я его.

Он мялся и не знал, что ответить. Я видел, что он находился в затруднительном положении и мысленно перебирал в памяти все известные русские слова.

– Что ты потерял? – переспросил я его вторично.

– Грязную воду, – ответил он сконфуженно.

В лексиконе его не было слова «чернила», и он не знал, как назвать жидкость, которая все так пачкает.

Мои спутники рассмеялись, а он обиделся. Он понял, что мы смеемся над его оплошностью, и стал говорить о том, что «грязную воду» он очень берег. Одни слова, говорил он, выходят из уст человека и распространяются вблизи по возду-

ху. Другие закупорены в бутылку. Они садятся на бумагу и уходят далеко. Первые пропадают скоро, вторые могут жить сто годов и больше. Эту чудесную «грязную воду» он, Дерсу, не должен был носить вовсе, потому что не знал, как с нею надо обращаться.

Последний день 1907 года мы посвятили переходу к местности Сигоу (Западная долина), самому населенному пункту на Бикине. Здесь живут исключительно китайцы. В 1882 году селение это называлось Сиамоу-диуза⁴⁸, в 1894 году в нем насчитывалось 70 человек. Немного выше Сигоу (километра на два) есть еще два поселка – Цамодынза⁴⁹ и Дафазигоу (последний ныне заброшен). Обитатели Сигоу занимаются поиском женьшеня, охотой, соболеванием, выгонкой спирта и эксплуатацией удэгейцев. С большим трудом они очищают от леса участки земли и засевают их пшеницей и кукурузой.

Горный хребет с правой стороны реки называется Олонцынза и имеет две видные вершины: Дангоза и Цамодынза. Отроги последних оканчиваются около реки скалистыми обрывами Чжагали, Хонкони и Дайгу⁵⁰.

Рядом с Бикином и почти параллельно ему течет большая река Алчан. На перевале между этими двумя реками, на горе Ньюсыдыцзы, есть естественный водоем овальной формы, около 150 м в окружности.

---

⁴⁸ Сяо-мао-дин-цзы – вершина в виде маленькой шапки.

⁴⁹ Цяо-ма-ти-гоу-цзы – высота, покрытая дубовыми деревьями.

⁵⁰ Да-я-гоу – большая разветвляющаяся долина.

То обстоятельство, что навстречу нам выезжал пристав, подняло мой престиж в глазах китайцев. Вероятно, поэтому они устроили нам торжественную встречу с флагами, трещотками, ракетами и бумажными фонарями. С большой помпой мы вступили в селение Сигоу.

Китайцы зарезали свинью и убедительно просили меня провести у них завтрашний день. Наши продовольственные запасы истощились совсем, а перспектива встретить Новый год в более культурной обстановке, чем обыкновенный бивак, улыбалась моим стрелкам. Я согласился принять приглашение китайцев, но взял со своих спутников обещание, что пить много вина они не будут. Мои спутники сдержали данное слово, и я ни одного из них не видел в нетрезвом состоянии.

Следующий день был солнечный и морозный. Утром я построил свою команду, провозгласил тост за всех, кто содействовал снаряжению нашей экспедиции. В заключение я сказал людям приветственное слово и благодарил их за примерную службу. Крики «ура» разнеслись по лесу.

Из соседних фанз выбежали китайцы и, узнав, в чем дело, опять пустили в ход трещотки.

Только мы разошлись по фанзам и принялись за обед, как вдруг снаружи донесся звон колокольчика. Китайцы прибежали с известием, что приехал пристав. Через несколько минут кто-то в шубе ввалился в фанзу. И вдруг пристав этот превратился в А.И. Мерзлякова. Мы поздоровались. Нача-

лись расспросы. Оказалось, что он (а вовсе не пристав) хотел было идти мне навстречу, но отложил свою поездку вследствие глубокого снега.

Мой путь приближался к концу. Из Сигоу мы поехали на лошадях, пришедших вместе с А.И. Мерзляковым. Всего саней было трое.

От Сигоу до станции Бикин на протяжении 160 км идет хорошая санная дорога, проложенная лесорубами. Это расстояние мы проехали в 3 суток.

Сказать, какой ширины здесь река, нельзя, равно не поддается исчислению и скорость течения воды по руслу. В разных протоках течение различное. По Бикину (в нижнем течении) сплавляется много леса, поэтому русло его ежегодно очищают от бурелома, но, несмотря на это, плавание плотов не всегда бывает благополучным. Много их разбивается около утесов Чжагали, Хонкони и Дайгу.

Высокий горный хребет, протянувшийся с правой стороны Бикина, называется Олонцынза. Он выдвигает на юг мощный отрог, оканчивающийся сопкой Олонгу-Уони. Бикин обходит ее с юга и затем вновь поворачивает на запад. В этом горном кряже есть несколько приметных вершин со следующими названиями: Богоулаза⁵¹, Чжунтайза и Госхондза⁵², обрывающаяся в реке утесами Синдафу и Гсанза. Около Чжунтайзы есть выходы бурого угля на дневную поверх-

---

⁵¹ Бэй-гао-ла-цзы – северная высота скалы.

⁵² Гао-янь-хан-цзы – проход между высокими пиками.

ность.

Километрах в 15 от Сигоу, вниз по Бикину, встречается местность, свободная от леса и с землей, годной для обработки. Тут жили окитаившиеся гольды.

Здесьние китайцы в большинстве случаев разные бродяги, прошедшие жизнь в грабежах и разбоях. Любители легкой наживы, они предавались курению опиума и азартным играм, во время которых дело часто доходило до кровопролития. Весь беспокойный, порочный элемент китайского населения Уссурийского края избрал низовья Бикина своим постоянным местопребыванием. Здесь по островам, в лабиринте потоков, в юртах из корья, построенных по туземному образцу, они находили условия, весьма удобные для своего существования.

Местное туземное население должно было подчиниться и доставлять им продовольствие. Мало того, китайцы потребовали, чтобы мясо и рыбу приносили к ним женщины. Запуганные тазы все это исполняли. Невольно поражаешься тому, как русские власти мирились с таким положением вещей и не принимали никаких мер к облегчению участи закабаленных туземцев.

От Сигоу вниз по Бикину часто встречались зимовья, построенные русскими лесопромышленниками. Зимовье от зимовья находилось на расстоянии 25 км. За день мы проехали 50 км и заночевали около устья Гооголауза.

3 января мы выехали задолго до восхода солнца. Возчи-

ки-казаки поторапливали нас, да и всем нам одинаково хотелось поскорее добраться до железной дороги.

Когда еще далеко, то обыкновенно идешь не торопясь, но чем ближе к концу, тем больше волнуешься, начинаешь торопиться, делать промахи и часто попадаешь впросак. В таких случаях надо взять себя в руки и терпеливо подвигаться, не ускоряя шага.

От Олона до Табандо около 40 км. Здесь река прижимается к правому краю долины, а слева тянется огромное болото. Горы отходят далеко в сторону и теряются в туманной дали на юго-западе.

Река Алчан будет правым, самым большим и последним притоком Бикина. Верховья ее находятся в горах Оло (по-китайски Олонцзинза⁵³).

Длина реки около 100 км и в истоках слагается из двух рек: Санго (что по-удэгейски значит «медведь») и самого Алчана, который в верхней части имеет широтное направление.

Дальше направление течения Алчана определяет невысокий, расплывшийся в ширину горный кряж, идущий в направлении с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Оконечность его подходит к Бикину и называется Даютай⁵⁴.

Место это называется Банадо, что значит «переволок». Обыкновенно здесь перетаскивают лодки из одной реки в другую, что значительно сокращает дорогу и дает выигрыш

---

⁵³ Олонь-чунь-динь-цзы – оронская вершина.

⁵⁴ Тау-да-хе – первая большая река.

во времени.

У казаков про Табандо ходят нехорошие слухи. Это постоянный притон хунхузов. Они поджидают тут китайцев, направляющихся на Уссури, и обирают их дочиста. Хунхузы не дают спуска и русским, если судьба случайно занесет их сюда без охраны.

Широкая долина Алчана с правой стороны нагорная, с левой – пологая. Около переволока она суживается до одного километра. Это будет как раз место его прежнего впадения в Бикин. Отсюда Алчан течет уже большой рекой, шириной 60–80 м и глубиной 2–2,5 м. По долине в среднем его течении наблюдается развитие диоритов, малафитов, базальтов, андезитов и их туфов.

Обогнув гору Даюнтай, Алчан, как уже выше было сказано, входит в старое русло Бикина и по пути принимает в себя с правой стороны еще три обильных водой притока: Ольду (по-китайски Култухе), Таудахе⁵⁵ и Малую Лултухе. Алчан впадает в Бикин в 10 км к югу от станции железной дороги того же имени. Долина его издавна славится как хорошее охотничье угодье и как место женьшеневого промысла.

Из животных здесь держатся изюбр, дикая козуля, кабарга, кабан, тигр, россомаха, енотовидная собака, соболь и рысь. Последняя чаще всего встречается по реке Култухе. С 1904 года по Алчану стали производиться большие порубки и сплав леса. Это в значительной степени разогнало зверей, но

---

⁵⁵ Да-ю-тай – большая старинная башня.

все же и теперь еще казаки по старой памяти ходят на Алчан и никогда не возвращаются с пустыми руками.

В селение Табандо мы приехали в сумерки. Здесь было 8 фанз, в которых жило до 70 китайцев.

4 января был последним днем нашего путешествия. Казаки разбудили меня очень рано.

Было темно, но звезды на небе уже говорили, что солнце приближается к горизонту. Морозило... Термометр показывал -34°C . Гривы, спины и морды лошадей заиндевели. Когда мы тронулись в дорогу, только что начинало светать.

На переволоке было так мало снега, что пришлось вылезти из саней и переносить на себе грузы.

Дно низового Бикина илистое и песчаное. Около берегов часто попадаются сухие речки и между ними маленькие озера, а дальше в сторону – болота, поросшие редкой листовенницей и тощей белой березой.

Вскоре после полудня мы прибыли в казачий поселок Георгиевский, немного здесь отдохнули и отправились на станцию Уссурийской железной дороги.

Красота жизни заключается в резких контрастах. Как бы приятно из удэгейской юрты сразу попасть в богатый городской дом! К сожалению, переход этот бывает всегда постепенным: сначала юрта, потом китайская фанза, за ней крестьянская изба, затем уже город.

После долгого питья из кружки дешевого кирпичного чая с привкусом дыма с каким удовольствием я пил хороший чай

из стакана! С каким удовольствием я сходил в парикмахерскую, вымылся в бане и затем лег в чистую постель с мягкой подушкой!..

Глава 24

Смерть Дерсу

Приехали мы в Хабаровск 7 января вечером. Стрелки пошли в свои роты, а я вместе с Дерсу отправился к себе на квартиру, где собрались близкие мне друзья.

На Дерсу все поглядывали изумленно и с любопытством. Он тоже чувствовал себя не в своей тарелке и долго не мог освоиться с новыми условиями жизни.

Я отвел ему маленькую комнату, в которой поставил кровать, деревянный стол и два табурета. Последние ему, видимо, совсем были не нужны, так как он предпочитал сидеть на полу или чаще на кровати, поджав под себя ноги по-турецки. В этом виде он напоминал бурхана из буддийской кумирни. Ложась спать, он по старой привычке поверх сеного тюфяка и ватного одеяла каждый раз подстилал под себя козью шкурку.

Любимым местом Дерсу был уголок около печки. Он садился на дрова и подолгу смотрел на огонь. В комнате для него все было чуждо, и только горящие дрова напоминали тайгу. Когда дрова горели плохо, он сердился на печь и говорил:

– Плохие люди, его совсем не хочу гори.

Иногда я подсаживался к нему, и мы вспоминали все пе-

режитое во время путешествий. Эти беседы обоим нам доставляли большое удовольствие.

Однажды мне пришла мысль записать речь Дерсу фонографом. Он вскоре понял, что от него требовалось, и произнес в трубку длинную сказку, которая заняла почти весь валик. Затем я переменял мембрану на воспроизводящую и завел машину снова. Дерсу, услышав свою речь, переданную ему обратно машиной, нисколько не удивился, ни один мускул на лице его не шевельнулся. Он внимательно прослушал конец и затем сказал:

– Его, – он указал на фонограф, – говорит верно, ни одного слова пропуская нету.

Дерсу оказался неисправимым анимистом: он очеловечил и фонограф.

По возвращении из экспедиции всегда бывает много работы: составление денежных и служебных отчетов, вычерчивание маршрутов, разборка коллекций и т.п. Дерсу заметил, что я целые дни сидел за столом и писал.

– Моя раньше думай, – сказал он, – капитан так сиди, – он показал, как сидит капитан, – кушает, людей судит, другой работы нету. Теперь моя понимай: капитан сопка ходи – работай, назад город ходи – работай. Совсем гуляй не могу.

Такое представление у туземцев о начальствующих лицах вполне естественно. В словах Дерсу мы узнаем китайских чиновников, которые главным образом несут обязанности судей, милуют и наказывают по своему усмотрению. Дерсу,

быть может, сам и не видел их, но, вероятно, много слышал от тех гольдов, которые бывали в Сан-Сине.

Однажды, войдя к нему в комнату, я застал его одетым. В руках у него было ружье.

– Ты куда? – спросил я.

– Стрелять, – отвечал он просто и, заметив в моих глазах удивление, стал говорить о том, что в стволе ружья накопилось много грязи. При выстреле пуля пройдет по нарезам и очистит их; после этого канал ствола останется только протереть тряпкой.

Запрещение стрельбы в городе было для него неприятным открытием. Он повертел ружье в руках и, вздохнув, поставил его назад в угол. Почему-то это обстоятельство особенно сильно его взволновало.

На другой день, проходя мимо комнаты Дерсу, я увидел, что дверь в нее приотворена. Случилось как-то так, что я вошел тихо. Дерсу стоял у окна и что-то вполголоса говорил сам с собою. Замечено, что люди, которые подолгу живут одиноко в тайге, привыкают вслух выражать свои мысли.

– Дерсу! – окликнул я его.

Он обернулся. На лице его мелькнула горькая усмешка.

– Ты что? – обратился я к нему с вопросом.

– Так, – отвечал он. – Моя здесь сиди все равно утка. Как можно люди в ящике сидеть? – Он указал на потолок и стены комнаты. – Люди надо постоянно сопка ходи, стреляй.

Дерсу замолчал, повернулся к окну и опять стал смотреть

на улицу. Он тосковал об утраченной свободе. «Ничего, – подумал я. – Обживется и привыкнет к дому».

Случилось как-то раз, что в его комнате нужно было сделать небольшой ремонт: исправить печь и побелить стены. Я сказал ему, чтобы он дня на два перебрался ко мне в кабинет, а затем, когда комната будет готова, он снова в нее вернется.

– Ничего, капитан, – сказал он мне. – Моя можно на улице спи: палатку делай, огонь клади, мешай нету.

Ему казалось все так просто, и мне стоило больших трудов отговорить его от этой затеи. Он не был обижен, но был недоволен тем, что в городе много стеснений: нельзя стрелять, потому что все это будет мешать прохожим.

Однажды Дерсу присутствовал при покупке дров; его поразило то, что я заплатил за них деньги.

– Как! – закричал он. – В лесу много дров есть, зачем напрасно деньги давай?

Он ругал подрядчика, назвав его «плохой люди», и всячески старался убедить меня, что я обманут. Я пытался было объяснить ему, что плачу деньги не столько за дрова, сколько за труд, но напрасно. Дерсу долго не мог успокоиться и в этот вечер не топил печь. На другой день, чтобы не вводить меня в расход, он сам пошел в лес за дровами. Его задержали и составили протокол. Дерсу по-своему протестовал, шумел. Тогда его препроводили в полицейское управление. Когда мне сообщили об этом по телефону, я постарался уладить дело.

Сколько потом я ни объяснял ему, почему нельзя рубить

деревьев около города, он меня так и не понял.

Случай этот произвел на него сильное впечатление. Он понял, что в городе надо жить не так, как хочет он сам, а как этого хотят другие. Чужие люди окружали его со всех сторон и стесняли на каждом шагу. Старик начал задумываться, уединяться; он похудел, осунулся и даже как будто еще более постарел.

Следующее маленькое событие окончательно нарушило его душевное равновесие: он увидел, что я заплатил деньги за воду.

– Как! – опять закричал он. – За воду тоже надо деньги плати? Посмотри на реку, – он указал на Амур, – воды много есть. Землю, воду, воздух бог даром давал. Как можно?

Он недоговорил, закрыл лицо руками и ушел в свою комнату.

Вечером я сидел в кабинете и что-то писал. Вдруг я услышал, что дверь тихонько скрипнула. Я обернулся: на пороге стоял Дерсу. С первого взгляда я увидел, что он хочет меня о чем-то просить. Лицо его выражало смущение и тревогу. Не успел я задать вопрос, как вдруг он опустился на колени и заговорил:

– Капитан! Пожалуйста, пусти меня в сопки. Моя совсем не могу в городе жить: дрова купи, воду тоже надо купи, дерево руби – другой люди ругается.

Я поднял его и посадил на стул.

– Куда же ты пойдешь? – спросил я.

– Туда! – он указал рукой на синеющий вдали хребет Хехцир.

Жаль мне было с ним расставаться, но жаль было и задерживать. Пришлось уступить. Я взял с него слово, что через месяц он вернется обратно, и тогда мы вместе поедem на Уссури. Там я хотел устроить его на житье у знакомых мне тазов.

Я полагал, что Дерсу дня два еще пробудет у меня, и хотел снабдить его деньгами, продовольствием и одеждой.

Но вышло иначе.

На другой день, утром, проходя мимо его комнаты, я увидел, что дверь в нее открыта. Я заглянул туда – комната была пуста.

Уход Дерсу произвел на меня тягостное впечатление, словно что-то оборвалось в груди. Закралось какое-то нехорошее предчувствие; я чего-то боялся, что-то говорило мне, что я больше его не увижу. Я был расстроен на весь день; работа валилась у меня из рук. Наконец я бросил перо, оделся и вышел.

На дворе была уже весна: снег быстро таял. Из белого он сделался грязным, точно его посыпали сажей. В сугробах в направлении солнечных лучей появились тонкие ледяные перегородки; днем они рушились, а за ночь опять замерзали. По канавам бежала вода. Она весело журчала и словно каждой сухой былинке торопилась сообщить радостную весть о том, что она проснулась и теперь позаботится оживить при-

роду.

Возвращавшиеся с полевых работ стрелки говорили, что видели на дороге какого-то человека с котомкой за плечами и с ружьем в руках. Он шел радостный, веселый и напевал песню. Судя по описаниям, это был Дерсу.

Недели через две после его ухода от своего приятеля И.А. Дзюля я получил телеграмму следующего содержания:

«Человек, посланный Вами в тайгу, найден убитым».

«Дерсу!» – мелькнуло у меня в голове. Я вспомнил, что для того, чтобы в городе его не задерживала полиция, я выдал ему свою визитную карточку с надписью на оборотной стороне, кто он и что жительство имеет у меня. Вероятно, эту карточку нашли и дали мне знать по телеграфу.

На другой день я выехал на станцию Корфовская, расположенную с южной стороны хребта Хехцир. Там я узнал, что рабочие видели Дерсу в лесу на дороге. Он шел с ружьем в руках и разговаривал с вороной, сидевшей на дереве. Из этого они заключили, что, вероятно, он был пьян.

На станцию Корфовская поезд пришел почти в сумерки.

Было уже поздно, и поэтому мы с И.А. Дзюлем решили идти к месту происшествия на другой день утром.

Всю ночь я не спал. Смертельная тоска щемила мне сердце.

Я чувствовал, что потерял близкого человека. Как много мы с ним пережили. Сколько раз он выручал меня в то время, когда сам находился на краю гибели!

Чтобы рассеяться, я принимался читать книгу, но это не помогало. Глаза механически перебирали буквы, а в мозгу в это время рисовался образ Дерсу, того Дерсу, который последний раз просил меня, чтобы я отпустил его на волю.

Я обвинял себя в том, что привез его в город. Но кто бы мог подумать, что все это так кончится!

Под утро я немного задремал, и тотчас мне приснился странный сон: мы – я и Дерсу – были на каком-то биваке в лесу. Дерсу увязывал свою котомку и собирался куда-то идти, а я уговаривал его остаться со мной. Когда все было готово, он сказал, что идет к жене, и вслед за этим быстро направился к лесу. Мне стало страшно; я побежал за ним и запутался в багульнике. Появились пятипальчатые листья женьшеня. Они превратились в руки, схватили меня и повалили на землю.

Я слабо вскрикнул и сбросил с головы одеяло. Яркий свет ударил мне в глаза. Передо мной стоял И.А. Дзюль и тряс за плечо.

– Здорово же вы заспались! – сказал он. – Пора вставать. Часов в девять утра мы вышли из дому.

Был конец марта. Солнышко стояло высоко на небе и посылало на землю яркие лучи. В воздухе чувствовалась еще свежесть ночных заморозков, в особенности в теневых местах, но уже по талому снегу, по воде в ручьях и по веселому, праздничному виду деревьев видно было, что ночной холод никого уже запугать не может.

Маленькая тропка повела нас в тайгу. Мы шли по ней долго и почти не говорили между собой. Километра через полтора справа от дорожки я увидел костер и около него три фигуры. В одной из них я узнал полицейского пристава. Двое рабочих копали могилу, а рядом с нею на земле лежало чье-то тело, покрытое рогожей. По знакомой мне обуви на ногах я узнал покойника.

– Дерсу! Дерсу! – невольно вырвалось у меня из груди.

Рабочие изумленно посмотрели на меня. Мне не хотелось при посторонних давать волю своим чувствам; я отошел в сторону, сел на пень и отдался своей печали.

Земля была мерзлая; рабочие оттаивали ее огнем и выбирали то, что можно было захватить лопатой. Минут через пять ко мне подошел пристав. Он имел такой радостный и веселый вид, точно приехал на праздник. Потому ли, что на своей жизни ему много приходилось убирать брошенных трупов и он привык относиться к этой работе равнодушно, или потому, что хоронили какого-то безвестного «инородца», только по выражению лица его я понял, что особенно заниматься розысками убийц он не будет и намерен ограничиться одним протоколом. Он рассказал мне, что Дерсу нашли мертвым около костра. Судя по обстановке, его, видимо, убили сонного. Грабители искали у него деньги и унесли винтовку.

Часа через полтора могила была готова. Рабочие подошли к Дерсу и сняли с него рогожку. Прорвавшийся сквозь гу-

стую хвою солнечный луч упал на землю и озарил лицо покойного. Оно почти не изменилось. Раскрытые глаза смотрели в небо; выражение их было такое, как будто Дерсу что-то забыл и теперь силился вспомнить. Рабочие перенесли его в могилу и стали засыпать землю.

– Прощай, Дерсу! – сказал я тихо. – В лесу ты родился, в лесу и покончил счеты с жизнью.

Минут через 20 над тем местом, где опустили тело гольда, возвышался небольшой бугорок земли.

Кончив свое дело, рабочие закурили трубки и, разобрав инструменты, пошли на станцию вслед за приставом. Я сел на землю около дороги и долго думал об усопшем друге.

Как в кинематографе, передо мной одна за другой вставляли картины прошлого: первая встреча с Дерсу на реке Лефу, озеро Ханка, встреча с тигром на Ли-Фудзине, лесной пожар на реке Санхобе, наводнение на Билимбе, переправа на плоту через реку Такему, маршрут по Иману, голодовка на Кулумбе, путь по Бикину и т.д.

В это время прилетел поползень. Он сел на куст около могилы, доверчиво посмотрел на меня и защебетал.

«Смирный люди», – вспомнилось мне, как Дерсу называл этих пернатых обитателей тайги. Вдруг птичка вспорхнула и полетела в кусты. И снова тоска защемила мне сердце.

– Прощай, Дерсу! – сказал я в последний раз и пошел по дороге.

Летом 1908 года я отправился в третье путешествие, ко-

торое длилось два года.

В 1910 году, зимой, я вернулся в Хабаровск и тотчас поехал на станцию Корфовскую, чтобы навестить дорогую могилку. Я не узнал места – все изменилось: около станции возник целый поселок, в пригорьях Хехцира открыли ломки гранита, начались порубки леса, заготовка шпал. Мы с А.И. Дзюлем несколько раз принимались искать могилу Дерсу, но напрасно. Приметные кедры исчезли, появились новые дороги, насыпи, выемки, бугры, рывины и ямы...

Все кругом носило следы цивилизации.

Прощай, Дерсу!

Примечания к повести «Дерсу Узала»

К главе 3

В нижнем течении река Иодзыхе принимает в себя три небольших притока: справа – Сяо-Иодзыхе (малая река с омутами) длиной 16 км и слева – Дангоу (восточная долина), с которой мы познакомились уже в прошлом году, и Литянгоу, по которой надлежало теперь идти А.И. Мерзлякову. Река Сяо-Иодзыхе очень живописна. Узенькая извилистая долинка обставлена по краям сравнительно высокими горами. По словам китайцев, в вершине ее есть мощные жилы серебрясвинцовой руды и медного колчедана.

Долина реки Литингоу какая-то странная – не то поперечная, не то продольная. Местами она расширяется до 1,5 км, местами суживается до 200 м. В нижней части долины есть много полей, засоренных камнями и не пригодных для земледелия. Здесь часто встречаются гари и кое-где есть негустые лиственные леса. Чем выше подниматься по долине, тем чаще начинают мелькать темные силуэты хвойных деревьев, которые мало-помалу становятся преобладающими. В верховьях Литянгоу есть китайская зверовая фанза. От нее

тропа поворачивает налево в горы и идет на Иман. Подъем на перевал Хунтами с южной стороны затруднителен; в истоках долина становится очень узкой и завалена камнями и буреломным лесом.

К главе 4

Первая Секуму (по-удэгейски Сектозу) представляет собою небольшой ручей (5 км), протекающий между отрогами горного хребта, идущего параллельно берегу моря. Две реки Одега (что значит по-удэгейски «девица») – по-китайски Одегоу – имеют общее устье. Одна Одега равна 12, другая – 15 км. Небольшой горный хребет, разделяющий их, носит то же название и определяется в среднем в 150 м высоты. К востоку он спускается полого и у моря кончается высокой террасой, поросшей редкой лиственницей и тощим березняком. В долине Одега лес смешанный, дровяного характера, и только в истоках кое-где попадаются в одиночку кедр, ель и пихта. Большая часть окрестных гор совершенно оголена от лесов пожарами.

Одега 2-я (по-удэгейски Одэхе) с левой стороны принимает в себя ключ Луговой. Раньше, по рассказам китайцев, здесь была небольшая лудева, но она сторела. Китайцы ее возобновлять не стали и ушли на реку Пхусун.

Речки: Тания (по-китайски Седонерл и по-удэгейски Дана), Вязтыгни, Хоома. Хотэ и Онектого (по-удэгейски Онектого, а по-китайски Миланзуай) – горные ручьи, текущие к морю по небольшим распадкам. Далее будет река Таэле (по-удэгейски Таэ) длиной 12 км. Около устья долина ее суживается, и река течет как бы в ущелье. В истоках Таэле нахо-

дится горный узел, откуда берут начало и другие реки: к северо-востоку течет река Билимбе, к югу – маленький ручей Иеля.

Речка Шакира также небольшая. Устье ее находится по соседству с рекой Билимбе. Собственно говоря, устья у этой реки нет вовсе – вода разливается по низине и просачивается в море сквозь прибрежную гальку. Долина реки Шакира довольно узкая, расширяющаяся к истокам; почва в ней каменистая; в горах всюду виднеются осыпи. Травяная растительность состоит главным образом из полыни, орляка и полевого горошка; на речках – заросли орешника, шиповника, таволги и леспедецы. Редколесье около моря состоит из дуба и лиственницы, но по мере того как поднимаешься вверх по реке, лес становится крупнее и разнообразнее.

К главе 12

География части побережья между Мамокчи и Найна такова. Высокий горный хребет Габацци тянется под острым углом по отношению к берегу моря. По ту сторону его будет бассейн реки Кулумбе, по эту – мелкие речки, имеющие только удэгейские названия: Яшу (на картах – Ягасу), Уяхти-бязани, Санкэ, Капуты, Янужа и другие. Между ними можно отметить три горные вершины: Габади, Дюханю и гору Яндоюза, а около устья реки Яшу – одинокую скалу Кададудидуони. На морских картах она названа горой Ожидания и помечена числом 603.

Следующая речка после Найны была Тыченга (по-удэгейски Тэенга). Она длиной около 20 км и также берет начало с хребта Карту. В верховьях Тыченга протекает по узкому и глубокому ущелью, края которого падают к реке под углом чуть ли не в 60 или 70° и сплошь покрыты осыпями.

После Тыченги идет ряд мелких ключей: Ватенга (на картах – Батунча), Чани, Кальма (по-удэгейски Калама, что значит «кит») и Анчи. Далее будут речки Куа, Сангасу, Чангоми и Ламукси. Здесь тропа оставляет морское побережье и идет вверх через перевал на реку Кванда-гоу (большая извилистая падь) – приток реки Амагу. Эта последняя длиной около 30 км. Истоки ее находятся там же, где и истоки рек Кудяхе и Найны. Квандагоу течет сначала тоже в глубоком

ущелье, заваленном каменными глыбами, но потом долина ее расширяется. Верхняя половина течения имеет направление с северо-запада, а затем река круто поворачивает к северо-востоку и течет вдоль берега моря, будучи отдалена от него горным кряжем Чанготыкалани. От реки Анчи до Амагу – 15 км.

К главе 16

В Тахобе впадают следующие горные речки: справа – Коде с притоками Хуаты, Боноксе и Буланя. Затем будут реки: Хулялиги, Бали, Онюхи, Анмали и Таха. Между ними есть высокая гора Ангухи с приметным камнем на вершине, которую солоны населяют чудесами своего воображения. Дальше идут: Онюхи, Анмаш, Дадаву и Та-а. Левыми притоками Тахобе будут: Каньчжу, Агдыхе 1-я и Агдыхе 2-я. Леса по долинам последних двух рек совершенно выгорели.

Река Кумуху (по-удэгейски Куму), названная русскими рекой Кузнецова, берет начало с хребта Сихотэ-Алинь, течет в широтном направлении, только в нижней своей части склоняется к югу и в море впадает около мыса Олимпиады ($46^{\circ} 12,5'$ с. ш. и $138^{\circ} 20,0'$ в. д. от Гринвича). По пути Кумуху принимает в себя следующие притоки: с левой стороны – реки Яаса 1-я, Яаса 2-я, Усмага, Тапку, Ного, Тагды, Хандями, Дьонго, а с правой – кроме Цыгони, по которой мы пришли, еще Лито, Цаолоса, Будыге и Амуркта. Из них самая быстрая Лито, а самая спокойная – Тагды. С последней будет перевал на реку Сваин, впадающую в море севернее реки Кузнецова.

Удэгейцы в лодках поднимаются до реки Тагды; дальше движение вверх по Кумуху возможно только по льду реки на нартах. В средней части ее, в особенности с левой стороны,

между рекой Тагды и Яаса, видны следы давнишних пожарищ. Как и везде, наиболее выгорели леса по хребтам и сохранились только в долинах.

К главе 17

После реки Сваин будет еще несколько горных ручьев: Юкса, Геу, Суня (Сунерл), Сигбали, Бален и Бизису. Последний по-русски называется Каменной речкой.

После Кумуху в последовательном порядке идет опять ряд мелких горных речек с удэгейскими названиями: Сюэн (по-русски Сваин, на картах – река Бабкова), потом Омосо, Илянту и Яктыга. В истоках Омосо есть гора с голой вершиной, которая поэтому и названа Голой. Другая гора, Высокая, находится недалеко от моря, между реками Омосо и Илянту. Участок берега моря от реки Кумуху к северу до мыса Сосунова занят выходами гранитов, гнейсов и сиенитов.

К главе 18

Из слов удэгейцев я понял, что далее на север в море впадает несколько мелких горных речек: Кюмо, Наина, Эгей-бе, Бяпу и река Един. Последняя находится в 20 км к северу от реки Нахтоху. Горный хребет, разделяющий их бассейны, называется Матамай. Немного дальше, несколько под углом к берегу моря, тянется другой горный хребет – Камуран – с высотами Курхай и Уо. Еще дальше будет большая река Самарга, на которой живет много туземцев. Река Един (по-удэгейски Иди-бе) названа на картах рекой Перетычина. Она длиною около 150 км и начинается в горах Сихотэ-Алинь. Един имеет много притоков. Если идти от истоков к морю, то в последовательном порядке они будут располагаться так: справа по течению – Дака и Тунга с перевалами на Бикин, затем – Баня, Пюгота, Амдасу, Сологойе, Очжура и с притоком Хуни-микчи и с перевалом на реку Эхе.

Следующей (ниже по течению) будет река Улиха с притоком Янго и с перевалом к морю. С левой стороны в Един впадают: Тали и Бя с притоком Чокчи и с перевалом на реку Ян (приток Хора), затем река Цзагдасу с притоком Хоймо, потом Оло и Югихе (с притоками Дюго-Югихе 1-я и Дюго-Югихе 2-я) и, наконец, Есын-гу и Ада с притоком Кю.

Начиная от реки Цзагдасу, все перевалы на север ведут в бассейн реки Самарги. Течение Едина широтное; только

между устьями рек Талма, Ада и Улиха оно делает довольно большой изгиб к северу, но затем опять выпрямляется. По словам удэгейцев, по этой реке на лодках можно подниматься далеко – до реки Тунга. Расчет маршрутов будет такой, по одному дню пути: от моря до реки Улиха; от реки Улиха до реки Сесынгу; от этой последней до Цзагдасу; от Цзагдасу до реки Бя; от Бя до реки Тунга. Далее пешком, один переход до Сихотэ-Алиня. Самыми быстрыми реками Единского бассейна будут Тали и Тунка, самой тихой – Талма. Около Тали есть скалистые горы с утесами, напоминающими фигуры людей и животных. На реках Бя, Андасу, Оло, Дгихе и Цзагдасу леса выгорели совсем. Кета поднимается по Едину до реки Тали, а горбуша – до реки Амдасу; дальше всех пробирается мальма и красная рыба «чумо».

На этом протяжении в море впадают следующие речки: Нианса и Эхе, названная на картах рекою Сковородкина; в 10 км от нее будет река Пия (по-русски Башкирка), потом Унтугу, Сэен, Кансу (по-китайски Каньчжу) и Огоми.

Между Нахтоху и рекой Пия параллельно берегу моря, километров в 5 от него, протянулся небольшой горный кряж Гарасун высотой в среднем около 275 м.

К главе 19

Река Кусун (по-удэгейски КуЙ, по-китайски Кусунгоу) длиною около 120 км. Начало она берет с Сихотэ-Алиня и течет по кривой, как Такема, только в другую сторону (к северо-востоку). По характеру Кусун – такая же быстрая и порожистая река, как и Такема. Если идти вверх по реке, то в последовательном порядке будут встречаться следующие притоки: справа (по течению) – реки Эге и Тянга с притоками Куансу, Цзагдай 1-я, Цзагдай 2-я, Одо, Баланты, Агдыня (с притоками Тагдыни 1-я и Тагдыни 2-я), Чжоля 1-я и Чжоля 2-я, Сидэкси 1-я, Сидэкси 2-я, Оддэге, Цзагда (с притоком Хойма и Няо-бязани). С левой стороны Кусун принимает в себя: Ионю 1-ю, Ионю 2-ю (она же Бохте), Ионю 3-ю, Олосо, Болуня, Буй, Хазасо, Фугу, Бягаму, Сололи, Бяя, Чигали, Че (с притоком Холонку), Цзаву 1-ю, Цзаву 2-ю, Цзаву 3-ю и Цзаву 4-ю. Из них река Че будет самая большая. Дальше идут мелкие ручьи, составляющие истоки Кусуна и не имеющие названий. Удэгейцы называют их одним словом – Доони-Куи, то есть истоки Кусуна. Самой верхней речкой, по которой можно перевалить на Бикин, будет Сололи и, вероятно, Че. Со всех четырех речек Цзава будут перевалы в истоки Такемы. Ближайшей к морю рекой, по которой можно выйти на Бикин, будет Буй. По ней-то я и наметил свой маршрут. Из притоков Кусуна наиболее тихая река Бягаму.

Удэгейцы на лодках поднимаются до реки Че. На подъем против воды нужно 4–5 суток. Маршрут рассчитывается так: первый день – от моря до реки Ионя 3-я, второй – от реки Ионя 3-я до реки Буй, третий – от реки Буй до реки Бягаму, четвертый – от реки Бягаму до реки Цзагды и пятый – до перевала. Выше устья реки Че Кусун становится весьма порожистым, русло его завалено большими камнями и буреломным лесом. Отсюда надо идти пешком с котомками. Зимой по льду реки можно дойти до перевала в двое суток. В скалистых горах, окаймляющих долину реки Че, часто происходят обвалы. Удэгейцы считают эти места обиталищем злого духа Казаму.

К главе 20

Верхний Бикин состоит из двух рек: Бики-Нюньи и Бики-Чжафа. Первая течет с северо-востока (вдоль Сихотэ-Алиня), вторая – с востока, под углом градусов в 30. Слияние их происходит в 55 км от реки Бягаму. Если подниматься по реке Бики-Нюньи, то можно перевалить на реку Един, а с Бики-Чжафа – на реки Нахтоху, Холонху, Кумуху и Тахобе.

С левой стороны Бикин принимает в себя речки: Яунга, Имагасигчи, Хутунге и Хованда (по-китайски Хандагоу – лосиная долина). С этой последней будет перевал на реку Арму. Немного не доходя местности Лаохозен, река Бикин с правой стороны подмывает скалистую сопку Нянкулакчи, а с левой – Танцанзу.

К главе 21

От стойбища Хабагоу Бикин все еще придерживается северо-западного направления и на пути принимает в себя притоки Гану, Сагды-ула (по-маньчжурски Большая речка), Санкэри, Мудян, Сумугэ, Хаатанге и Дунгоуза. Около местности Танцаза долина Бикина сильно суживается, оставляя только узкий проход для стока воды. Горы здесь подходят к реке вплотную и оканчиваются высокими обрывами, которые удэгейцы называют Сигонку-Гуляни.

К главе 22

На этом протяжении Бикин имеет направление к западо-северо-западу и принимает в себя справа речки: Мангу, Дунги (по-китайски Днудегоу – падь семьи Дун) с притоком Ябкэ, Нуньето и вышеупомянутую Катэта-бауни. Последняя длиной километров 10. Здесь будет самый близкий перевал на реку Хор. Немного выше речки Гуньето можно видеть скалы Сигонку-Гуляни – излюбленное место удэгейских шаманов. Слева Бикин принимает в себя речку Дунгоузу (восточная долина) и ключи Кайлю и Суйдогау (долины выдр).

Дальше Бикин становится очень извилистым и образует длинные слепые рукава. Из притоков его нижнего течения замечательны: справа – Чжаньжигуза (прямая долина) и Улема, а слева – ключ Хаккэ и реки Митахеза (по-китайски Мутагоуза – дровяная долина) и Буйдихеза (большая северная река). Первая – длиной 45 км, с перевалом на Тайцзибери (левый приток Имана), вторая немного длиннее и многоводнее, но плавание по ней сопряжено с большими трудностями вследствие множества порогов и буреломных завалов.

Из гор по сторонам долины Бикина обращают на себя внимание: Хойтун, Тайчин, Джогдай, а слева Чугунтай, Сюгдонтай (по-китайски Сыфонтай) и Бомыдинза (кукурузная вершина).

К главе 23

От Тугулу Бикин делает довольно большой изгиб к югу, затем поднимается к северо-западу и потом уже все время течет на запад. Ниже Тугулу в Бикин впадают: справа – речки Дзахали, Дзамацигоуза (где отпечатки лошадиных копыт на грязи), Мадагоу (большая падь семьи Да), Саенгоу (Шаньянь-гоу) (козья долина), Дагоу (большая долина), Рхауза и Цамондынза; слева – Хубиа-са (Чуб-гу-цзай – место, где появляются черви) и Дауден (по-китайски Даянгоу – большая солнечная долина).

На карте крупного масштаба река Бикин рисуется в виде сплошного лабиринта проток. Некоторые из них имеют по несколько километров длины и далеко отходят в сторону, образуя огромные острова, покрытые лесом из ясеня, бархата, липы, тополя, клена, ореха и т.д. Одни протоки имеют удэгейские названия, другие – китайские, третьи – русские. Например, Маумаса, Агаму, Кагала-тун, Чинталу (большое чистое место), Затяжная и другие.

Следуя вниз по реке от Сигоу, с правой стороны мы встречаем следующие притоки: реку Олон, имеющую устье около горы того же названия, затем Чинтафу, Чин-тансу и Гану (по-китайски Гонголадзи – огурцовая скала), а с левой стороны – Саласу-мангу, Мамубясани, Чамбана (она же Потамчи), Сиата-Биасани (она же Чембен), потом Ситухе (ка-

менная речка), затем горные ключи: Чжум-тайза, Лянсин-гоу, Сантун и Фундасу – среднее место, башня; Лянь-синь-гоу ду-шуй – ветер гонит воду (по-удэгейски Хундали). Река Ситухе длиною около 25 км. Перевал с нее будет на реку Тайцзи-бери (приток Имана).

После принятия в себя с правой стороны горной речки Даянгу Алчан становится уже большой рекой, разбивается на протоки и склоняется к югу. Верхними притоками его будут слева быстрая речка Люсу или Лисухе (ивовая речка), а справа – Бенедзе (или Бенихеза). В этих местах Алчан достигает 50-метровой ширины и становится очень извилистым.

На этом участке Бикин принимает в себя справа: Алайчи, Ланжихезу 1-ю (хлебная речка), Ланжихезу 2-ю, Мажичжуйзу (агатовый рот, пещера, грот) и На-минял с притоками Хояки, берущую начало с горы Чомуынза (вершина с гречихой), а слева – Гохсан-зафар (гольдское название), Ханихезу (глинистая речка), Нюдергу (по-китайски Ньюнихеза – речка, где в грязи залегают коровы) и Шаньзьягаму (высокое пастбище семьи Шань).

Река Алчан, как уже было сказано выше, раньше имела устье около Табандо. В нижнем течении оно проходит по старому руслу Бикина. Последний во время какого-то большого наводнения (которое было так давно, что о нем не помнят даже старожилы) отклонился в сторону и, дойдя до реки Силана, текущей с юга, воспользовался ее руслом, и таким образом получился новый Бикин.

Река Силан, о которой я только что упомянул, состоит из слияния трех рек: Силан-шаня (западная голубая горка), Большого Силана и Малого Силана. Прямая по реке Дзягомбо от Табандо к верховьям Большого Силана является границей, где кончаются горы и начинается широкая долина реки Уссури. Местность эта представляет собой равнину, по которой кое-где возвышаются одинокие небольшие конические сопки, имеющие названия Тянь-шан-цзы (небесные горки). Тощий лиственный лес, исключительно дровяного характера, растет группами по релкам, все остальное пространство представляет собой заболоченную низину. Особенно неприглядны эти места зимой.

От Табандо по обе стороны Бикина до Тянь-шан-цзы все время тянутся диориты, диабазы, порфириты, туфы и брекчии.

От устья Силана Бикин вбирает в себя все притоки и далее течет в виде одного русла, достигая ширины от 240 до 300 м. Как и все реки, на равнинных местах Бикин сильно извивается. Он долгое время течет к северу, потом на северо-запад и, обойдя справа невысокий, сильно размытый хребет Самур (слева гранитные горы Гуми и Бакумана с вершиной Десидинза – большая западная вершина), круто поворачивает на запад. От Силана до устья Бикина (по определению астронома Гамова, $46^{\circ} 51'$ с. ш. и $8^{\circ} 56'$ в. д. от Гринвича) – около 75 км. На этом протяжении слева он принимает в себя еще один приток – Хондервезу (по-русски реку Самбурова).

Далее будет река Таэле (по-удэгейски Таэ) длиной 12 км. Около устья долина ее суживается, и река течет как бы в ущелье. В истоках Таэля находится горный узел, откуда берут начало и другие реки: к северо-востоку течет река Билимбе, к югу – маленький ручей Иеля.

Речка Шакира также небольшая. Устье ее находится по соседству с рекой Билимбе. Собственно говоря, устья у этой реки нет вовсе – вода разливается по низине и просачивается в море сквозь прибрежную гальку. Долина Шакиры довольно узкая, расширяющаяся к истокам; почва у ней каменистая; в горах всюду виднеются осыпи. Травяная растительность состоит главным образом из полыни, орляка и полевого горошка; на речках – заросли орешника, шиповника, таволги и леспедецы.